

10.335/2
1973/2



Литературная

ЖУРНАЛ

3

1973

Цена 40 коп.



И Н Д Е К С
76117

Дорогие читатели!

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

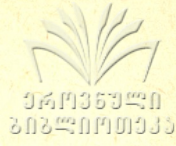
НА ЖУРНАЛ

*„Литературная
Грузия“!*

СТАТЬ НАШИМ ПОДПИСЧИКОМ ВЫ МОЖЕТЕ С ЛЮБОГО МЕСЯЦА, ОБРАТИВШИСЬ В БЛИЖАЙШЕЕ ОТДЕЛЕНИЕ «СОЮЗПЕЧАТИ».

ПОМНИТЕ, ЧТО В РОЗНИЧНУЮ ПРОДАЖУ «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ» ПОСТУПАЕТ В ОГРАНИЧЕННОМ КОЛИЧЕСТВЕ!

საქ. კბ ცკ-ის გამომცემლობა
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ



Литературная

ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

3

ОРГАН
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
ГРУЗИИ

МАРТ

1 9 7 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

ქ. მარტის ს. ს. ს.
სახელმწიფო რესპუბლიკის
ბიბლიოთეკა

97.618

ქართველთა ლიტერატურულ-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-კოლმეცნიერული ურთიერთობის

წელიწადი მე-17

№ 3

მარტი, 1973 წ.

საქართველოს საზოგადოებრივი კავშირის ორგანო

Главный редактор

Год издания семнадцатый

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная

коллегия:

Григол АБАШИДЗЕ,

Тенгиз БУАЧИДЗЕ,

Марк ЗЛАТКИН,

Лавросий КАЛАНДАДЗЕ,

Натела КАРАШВИЛИ

(ответственный секретарь),

Серго КЛДИАШВИЛИ,

Георгий МАЗУРИН

(заместитель главного редактора),

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,

Владимир МАЧАВАРИАНИ,

Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,

Георгий ХУЦИШВИЛИ.

Эммануил ФЕЙГИН,

Алеко ШЕНГЕЛИА.

Рукописи объемом
менее авторского листа
не возвращаются.

Адрес редакции: Тбилиси, 8. Улица Ленина, 5. Телефоны: гл. редактор — 93-65-15,
зам. гл. редактора — 93-13-57, ответ. секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59,
отдел прозы и очерка — 93-31-43, отдел поэзии и искусства — 93-31-43, отдел
критики и публицистики — 93-65-19.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

МАРИДЖАН. Восьмидесятая весна. Перевод Карла Байкалова	5
МАКВАЛА МРЕВЛИШВИЛИ. Книжечка моих стихов. Перевод Леонида Темина	5
НАЗИ КИЛАСОНИЯ. Как хочется мне перед колыбелью... Перевод Галины Павловской	5
МЕДЕЯ КАХИДЗЕ. Я — забытая твердыня... Ты, ворона-горемыка... Перевод Владимира Полетаева	6
НЕЛЛИ ГАБРИЧИДЗЕ. Зоя. Перевод Альберта Кравцова	6
ЛАДО СУЛАБЕРИДЗЕ. У Севана. Поэма. Перевод Михаила Синельникова	7

ПРОЗА

ЛАДО МРЕЛАШВИЛИ. Дороги полны неожиданностей. Повесть. Продолжение. Перевод Марины Гельви	10
НАНА КАНДЕЛАКИ. Болгарские дневники. Перевод Нателы Карашвили	20
РИММА ЛЕЗГИШВИЛИ. Возвращение. Рассказ. Перевод Н. Гоциридзе	28

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

БОРИС МИРЦХУЛАВА. «Дар песенный и жизнь мою Отчизне отдаю»	31
ЛИНА ХИХАДЗЕ. Восприятие художественного творчества в инонациональной среде	37
ВЛАДИМИР ДЖИБУТИ. Два эскиза к портретам	40

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

ШОТА РЕВИШВИЛИ. Немецкий поэт XIV века в Грузии	43
---	----

ОЧЕРК

- РЕВАЗ ДЖАПАРИДЗЕ. Море, покорное человеку.
Окончание. Перевод Александра Эбаноидзе 45

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ШАНДОРА ПЕТЕФИ

- АЛЕКСАНДР БАРАМИДЗЕ. Звезда венгерской поэзии 69
• ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ. Певец революции 72

ВСТРЕЧИ И ВОСПОМИНАНИЯ

- ГИВИ ВАРДОСАНИДЗЕ. Безобразная красавица. Про-
должение 76

ИСКУССТВО

- ГЕОРГИИ ЦИЦИШВИЛИ. Актер, патриот, гражданин
(народный артист СССР Васо Годзиашвили) 86

В МИРЕ КНИГ

- ДАВИД ЛОРДКИПАНИДЗЕ. Вклад в историографию
советской педагогики 90
• ЛЕОНИД ФРИЗМАН. На рубеже двух сфер 92

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- ✓ АМБЕРКИ ГАЧЕЧИЛАДЗЕ. Еще одно малоизвестное
свидетельство современника о М. Ю. Лермонтове 95

ХРОНИКА

- Почетное звание Украинской ССР — грузинскому лите-
ратуроведу 75

ВОСЬМИДЕСЯТАЯ ВЕСНА

Пора осенняя мне кажется
Игрой кудесников-богов.
Над миром солнышко куражится
В белесой дымке облаков.

И теплый дождь, дороги вымочив,
Омыл оранжевый лесок.
А в узкой улочке на цыпочках
Притихший ходит ветерок.

И в синих даялах под чинарами
Устало кружит листопад.
И дни, как листья над бульварами,
В тиши негронутой шуршат.

А рядом горы в мутной просини
Идут в закатов белизну.
И я гляжу из этой осени
В восьмидесятую весну.

Перевод Карла БАЙКАЛОВА

Маквала МРЕВЛИШВИЛИ

КНИЖЕЧКА МОИХ СТИХОВ

Улетела на крыльях собственных
Моя книжечка. В ней каждый стих
Найден мной на дорогах пройденных,
Сплав бессонных ночей моих.

Скупое сказалося и мало сказалося!
Чувствую: стали чужими слова...
Каждая строчка судьбе доверялась,
Словно капризному марту — листва.

Чувствую тягостность слова каждого —
Точно было ярмом оно,
Я растила его, выхаживала,
Как морозной весной зерно.

И от ребра, чтоб никто не увидел,
Кость отщепляла в поддержку ему...
Нынче же стих мой меня не насытил.
Мачеха ли я ему? Не пойму.

Но уйдя от меня к читателю,
Моя немощная строка
Повстречала доброжелателя.
Тонкий сборник взяла рука.

Грелся мой стих, грелся птенчиком малым
Бережно
у него на груди...
«Это ведь старое,— так мне сказал он,—
Новое, лучшее — впереди!»

Авторизованный перевод Леонида ТЕМИНА

Нази КИЛАСОНИЯ

* * *

Отрывок из поэмы «Помните вечно!»

Как хочется мне перед колыбелью
Пасть ниц,
Быть в состоянии верить, все прощая,
Тому, кого люблю,
Быть в состоянии плакать, облегчая
Печаль свою.
И их, их тоже надели терпением,
Внуши им нежность,
Помоги понять,
Что я не только женщина — я мать!
Пусть смотрят на меня с благоговением.
А то они учат прицеливаться

Своих неразумных детей,
Учат детей прицеливаться,
Забывая о доброте!
А то они дроздов уничтожают,
Нисколько не заботясь о судьбе
Беспомощных птенцов. Они не знают
Той жалости, что я ношу в себе!
О боже, разреши мне верить
В смягчающую силу доброты,
Дай силы мне, захлопнув двери,
Кричать: Нет! Нет!
Нет! Нет! — до хрипоты.

У ног моих — зеленых трав разливы,
В руках моих — цветущей вишни ветвь.
Эй, расступайтесь живо!
Я к вам пришла, как радостная весть.

Конь цвета сумерек меня настигнет где-то,
Но я, пока жива,
Мчусь на коне кизилового цвета
Навстречу вам.

Перевод Галины ПАВЛОВСКОЙ

Медея КАХИДЗЕ

* * *

Я — забытая твердыня,
Ты сломил мою охрану,
Ты накрыл меня ладонью,
Станешь ливнем ты отныне,
Я травой покорной стану.

Говорю тебе — не надо
Опускаться на колени,
Ты срази меня любовью,
Как охотник из засады
На Гомборах бьет оленя.

* * *

Ты, ворона-горемыка,
Триста лет проковыляла,
Ты, угрюмая каркунья,
Под корявым покрывалом
Триста лет горюешь втуне.

Просиять во время оно
Яркого цветка невестой
Маленькой царевной?

Ах, ворона ты, ворона.

А не лучше ли, ворона,
Было бабочкой трехдневной

Перевод Владимира ПОЛЕТАЕВА

Нелли ГАБРИЧИДЗЕ

З О Я

Твоя судьба,
как город,
долгим снегом
завьюженный
и канувший в метели.

Твоя улыбка, Зоя,—цвет граната,
заледевший на ветру студеном,
гранатовое дерево поникло —
окаменели красные бутоны.

Ты — маковое поле,
теплым снегом укрытое от лютого мороза,
заснувшее под белой пеленою.

Была ты водопадом, полным света,
была ты полем, алым и зеленым.
И хлынули из черных туч снаряды,
корчуя землю, жизнь уничтожая...

Но дух свободный Зои
в море крови не утопить вовек,
не уничтожить!

Не высказать всего,
но имя Зоя,
как чайка белокрылая, влетает
в людские души,
и в себе я слышу
ту чайку,
удивительную чайку.

Перевод Альберта КРАВЦОВА

У СЕВАНА

ПОЭМА

I.

Так ты прозрачно, зеркало Севана,
Что легким камнем жалко тронуть гладь,
Лазурна, лучезарна, осиянна
Высоким солнцем эта благодать.

Ночь истекла, и солнца переливы
Окрасили хрустальную волну.
Гор снеговых литые негативы
Вниз головой упали в глубину.

У берега лизнула гальку рыба,
Скользнула чайки воровская тень...
Лишь Библии незыблемая глыба
Былое помнит, как вчерашний день.

Я опускаюсь в синеву Севана,
Я ухожу на дно его души,
Хочу застыть, забыться бездыханно
В бездонной, очарованной тиши.

Неколебимо голубое поле,
Но зачерпни, всплесни и поплыви,
Ладонь волны протянет горстку соли
Благословенья, дружбы и любви.

2

Здесь — каманча, там слышен тари лепет,
А где-то плачут арфа и домбра...
Но снится мне, как сердца первый трепет,
Корма ковчега, корабля гора.

Дыханье ветра, влажное, хмельное,
В простор полей вливается волной.
Зачем я вас припомнил, голубь Ноя,
И буйвол Ноя, и библейский Ной?

Разбужен буйвол, стая волн крылата,
Всплывает утро в лодке расписной,
Коснулся неба конус Арарата,
Карабкается в гору красный зной.

Здесь — каманча, там слышен тари лепет,
А где-то плачут арфа и домбра...
Но снится мне, как сердца первый трепет,
Корма ковчега, корабля гора.

3

Пути войны и ураган металла
Ты мне помог пройти и побороть.
Воды не стало, хлеба чуть хватало,
Ты протянул мне кружку и ломоть.

Ты в ливень укрывал меня шинелью,
Ты ранен был — я из последних сил
Стоял бессонно над твоей постелью,
Из пламени тебя я выносил...

Неколебимо зеркало Севана,
Промчалось время, и погасла боль.
Мы делим на земле обетованной
Любви и дружбы пламенную соль.

4

Ануш. Ануш, еще смежив ресницы,
Водой Севана ты снимаешь сон.
И лепет капель огнецветных длится,
И слышен мне волны хрустальный звон.

Вот на востоке солнце заалело,
И частый гребень солнечных лучей
Волос коснулся... Я пою «Лилео»,
Напев ручьев, притоков и ключей.

Вот солнце, златолико, златогриво,
Сошло к воде, спустилось, не дыша.
Кто бабочка, что пляшет у обрыва —
Тень берегов или твоя душа?

Пусть пенный вал до края горизонта
Звенящей песней вызовет Ануш.
Путь от Севана к побережью Понта
Есть и обратный... Спой о нем, Ануш!

5

Средь гор седых певец седобородый
Стоит один, зовет из дальних стран
Иных поэтов братства и свободы
По именам: Паоло, Тициан!..

Повисли на плечах его хурджином
И Зангезур, и берега Куры.
Через Севан вознесся стих к вершинам
Мостом, соединяющим миры,

К отрогам Триалети долетая,
Гремит каменносечною строкой...
Так пусть вода севанская, святая,
По нашим жилам пробежит рекой.

Свой тихий голос этой братской песне
Я отдаю, и под шатром небес
Звучит все громче, блещут все чудесней
Твои заветы, старый Ованес.

6

Спой мне, Гоар! Я подойду поближе...
Сегодня — лета пламенный разгар.
Не дождь, не снег, а солнца круг...
Взгляни же
На это солнце, спой о нем, Гоар!

Моих раздумий изумленный трепет
И волн своих пеннорожденный жар
Сольет Севан, смешает, с солнцем слепит
И принесет к твоим ногам, Гоар.

Течет печаль в твоих очах-озерах.
Течет печаль, благословенный дар
Дней девичьих, далеких, о которых
Сейчас ты плачешь и поешь, Гоар.

Спой мне, Гоар! Я подойду поближе...
Сегодня — лета пламенный разгар.
Не дождь, не снег, а солнца круг...

На это солнце, спой о нем, Гоар!
Взгляни же

Мне слышится дубравы громкий говор,
И гулких вод отгрянувший удар,
И катится волною родниковой
Севана это тихое:
Го-ар!..

7

Когда бы море вечно клокотало,
Скажи, Севан, прийти бы мог тогда
К волнам прибоа человек усталый,
Чтоб освежила жаркий лоб вода?

Когда б оно не ведало покоя,
Бежали б люди в горы, в глушь земли
Под грозным ветром темною толпою
И даже улыбнуться не могли?..

Когда бы вечно волновалось море,
Смогли бы мы взглянуть в его глаза
И развернуть на ярстом просторе
Летающие по небу паруса?

Когда бы море вечно клокотало,
Скажи, Севан, прийти бы мог тогда
К волнам прибоа человек усталый,
Чтоб освежила жаркий лоб вода?

8

Мать, отдохни здесь!.. Мать из Имерети,
Войди в Севан, купель целебных вод,
Прости, что я спустя десятилетия
Коснусь печали, что в тебе живет.

Тот путь, который был тебе завещан,
Ты шла под солнцем, плавящим гранит.
Разверсты пасти пышущие трещин...
И лишь Севан приют и тень сулит.

Ступни босые тронула прохлада,
Задела рыба жесткой чешуей...
Твои следы минуют гор преграды
И мысленно тебя ведут домой.

Ты странницей плетешься босоногой,
Ушла тайком, семье наперекор,
Бредешь в пыли, гонимая тревогой,
Печалью, неотступной до сих пор.

Увидишь вновь казарменные здания,
Помашешь им усталой рукой
И вспомнишь вновь, как в час исповеданья,
Миг невозвратный, подвиг роковой.

Ты попрощаться с сыном не успела,
Труба войны запела в дымной мгле.

На долгий миг окаменело тело,
Как будто ноги приросли к земле.

Казармы опустевшие воротца
Скрипят под ветром. Город незнаком...
Ты обещала: если сын вернется,
До этих мест добраться босиком...

Да, он вернулся.. И прости солдату
Жестокость речи, гордой и крутой...
— Я не пушу!.. Не нужно... И должна ты
Быть в обуви богатой, золотой...

Ушла тайком исполнить свой обет.
И ты в пути, стоишь на полдороге,
У вод Севана через столько лет.

Знакомые тебя узнают стены...
Так пусть преклонят слух к твоей мольбе,
Так пусть же горечь повести военной
В ничьей не повторяется судьбе!

Прости, что я спустя десятилетия
Коснусь печали, что в тебе живет.
Мать, отдохни здесь: Мать из Имерети,
Войди в Севан, купель целебных вод.

9

Скалистый берег солнце озарило,
По крышам севастопольским сверкнув.
Неразделимы братские могилы,
Болнисский камень и севанский туф.

И все ж могил по свету мы не ищем,
Лишь вечно ждем пропавших на войне...
И облака плывут над пепелищем,
Иobeliski стынут в тишине.

Таблицы гулких поименных списков
Читает путник в сумрачной тиши.
Коснулись отраженьяobeliskов
Севанских вод, ушли на дно души.

И помнят лицаobeliskов лики,
Пока звучат погибших имена,
Свет их очей, отбрасывая блики,
Хранится в недрах и встает со дна...

Иobeliski солнце озарило,
На крышах севастопольских сверкнув.
Неразделимы братские могилы,
Болнисский камень и севанский туф.

10.

Пчела над головою зажжужжала...
— Не тронь ее, — кричат, — не тронь ее!
Ты замаяхнулся... Выпустила жало,
Природное оружие свое.

Задел ее прохожий ненароком...
Пчела, почуяв лютого врага,
Жужжит и жалит в мужестве жестоком...
Вскрик боли оглашает берега.

Пчела упала и исчезла в брызгах.
С проклятьем потерпевший ухо трет.

И в глиняных кувшинах, в гулких мисках
Уже несут укушенному мед.

Разлил коньяк из штофов и бутылей
Наш тамада, Седрак Мамиконян,
И стол прогнулся от его усилий,
От голоса его дрожит Севан...

Пчелу простите! Друга не узнала!
Никто ей разобраться не помог...
О, если бы врагов у пчелки стало
Таких, как вы, побольше... Дай-то бог!

Давно на гостя глаз у нас наметан,
И умная армянская пчела
Для дорогого друга сладость меда,
А для злодея жало припасла.

Смотри, сюда не приходи незвано,
Смотри, не тронь недоброю рукой
Незыблемое зеркало Севана,
Вершин затишье и полей покой...

Прости пчелу с ее минутной злобой.
Она ошиблась, ты совсем не тот.
Ну, а сейчас ее забудь, попробуй
Гостеприимства золотистый мед!

...И слышится жужжаивья рокот зыбкий,
Урюковая ветка расцвела.
И жаль мне одного: что по ошибке
Самоубивством кончила пчела.

II

Упали в прах руины Еревана,
Лачуги город стряхивает с плеч...
Ищу строку о прошлом неустанно,
Чтоб в этой строчке хижину сберечь.

Она стоит на каменном карнизе,
Прилеплена к расселине горы,
Такой же дом окраины Тбилиси
Мне с отроческой памятен поры.

А этот дом взирает исподлобья
На выступы балконов и террас.
Хочу я удержать его подобье,
В своей строке оставить без прикрас.

Печаль уничтоженья овладела
Его душой, сожгла ее дотла.
Кому-то служит немощное тело,
Но как удержишь слабый дух тепла!

Что уцелело в этом саркофаге,
От прежней жизни, некогда живой?..
И молний копыеносные зигзаги
Взвиваются над самой головой.

В топоте туфа, пенно-многоцветном,
Ковчег стиха я сколочу с трупом,
Как знать, быть может, кораблем заветным,
Моим ковчегом сканет этот дом...

Но как сдержать разбег водоворота,
Лачуги город стряхивает с плеч...

В страну стихов я отворю ворота,
Чтоб в малой строчке малый дом сберечь.
341363340
30300101033

12

Гремит металл великих магистралей,
Севанский мост восторженно гремит,
Мы нашей жизни летопись вписали
И в эту сталь, и в бронзу, и в гранит.

Весь этот путь — завет и отраженье,
Наш общий подвиг в нем запечатлен,
Бежит дорога. Катится движенье
На перекресток с четырех сторон.

У древней Мцхеты, у Эчмиадзина —
Свидание скрестившихся дорог.
Мерцают воды, блещет льдов теснина,
Сосновый бор по склонам гор высок.

Оставлена долина Арарата,
Долина Алазанская видна.
Хозяин встретит путника, как брата,
Огнем ночлега, чащею вина...

И вновь грохочут рельсы магистралей,
Севанский мост восторженно гремит.
Мы нашей жизни летопись вписали
И в эту сталь, и в бронзу, и в гранит.

13

Так ты прозрачно, зеркало Севана,
И легким камнем жалко тронуть гладь,
Лазурна, лучезарна, осиянна
Высоким солнцем эта благодать.

И гроздья наливаются шербетом,
Их прогревает золотой туман,
И озаренный августовским светом
Я к Черноморью унесу Севан.

В своей крови, не в кубке, не в баклаге,
Я унесу хмельной, как виноград,
Глоток Севана с пригоршнею влаги,
Впитавшей снег, покрывший Арарат.

Смотри, не приходи сюда незвано,
Смотри, не тронь недоброю рукой
Незыблемое зеркало Севана,
Вершин затишье и полей покой...

Гремит металл великих магистралей,
Севанский мост восторженно гремит,
Мы нашей жизни летопись вписали
И в эту сталь, и в бронзу, и в гранит.

Пусть пенный вал до края горизонта
Звенящей песней вызовет Ануш.
Путь от Севана к побережью Понта
Ведет обратно... Спой о нем, Ануш!

Неколебимо голубое поле,
Но зачерпни, всплесни и поплыви —
Ладо в волны протянет горстку соли
Благословенья, дружбы и любви.

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

Дороги полны неожиданностей ————— ПОВЕСТЬ

— Да что вы! В речку они только на минутку окунаются — охладиться. В это пекло они весь день торчат на железной дороге. А ведь какая окаянная жара у нас. Испепелилась и трава, и земля, а они, как только увидят поезд, сломя голову мчатся рядом с ним. Ни одного поезда не пропустят. А потом, как загомонят, как загомонят: нет, мол, столько было вагонов, нет, столько-то, и начнут носиться по мазутным шпалам. Поскользнутся — упадут, вскочат, побегут, и бегают, и бегают, а надоест это — один станет по одну сторону путей, другой — по другую и давай взапуски бегать по этой щбенке, упадут, обдерут бока, вскочат и давай снова. А как и это надоест, встанут босыми ногами на раскаленные рельсы, один на одну, другой на другую — и опять давай бегать наперегонки. Срываются с рельс, падают. А потом вдруг раздается гудок — чтоб его ржа съела! — поезд ворвется в поле, а они от радости до неба прыгают. Спрыгнут с рельс и галопом мчатся рядом. И так целый день. И только у реки дадут ногам отдохнуть. Где уж тут помнить о скотине и колхозном поле. Скотина брошена на произвол судьбы, с нее не спросишь. И уходит она, дорогие вы мои, в лучшие колхозные поля и буйствует там за милую душу! Вы, может быть, не поверите, но если ты, Александрэ, своими глазами поглядишь на то поле — зарыдаешь. Ну можно ли столько человеческого труда губить и отдавать на съедение всякой твари!

Ты сам крестьянин и знаешь цену урожаю. Ну вот я и выгнал их оттуда да загнал в колхозный хлев. Утром позову туда агронома и — забирай свою скотину... Большое спасибо за угощение, уважаемая Аграфена, большое спасибо!.. Вот так-то, мой Александрэ... ничего не могу тут поделать...

И мальчики поняли: домой являться не стоит...

— Наш кукурузный амбар пуст. Принесем немного прошлогоднего сена. Нам не понадобятся ни тюфяки, ни одеяла. Ложись и спи сколько душе угодно.

— А если станут искать?

— До утра все равно не найдут.

— Скотину отняли, теперь нечего терять.

— Нет, ты только погляди, что я сделаю на рассвете. Дедушка Давид говорит: под утро и водица не прочь вздремнуть. Я подкрадусь к хлеву, а задвижка у этого проклятого хлева снаружи приделана, отворю и выгоню наших коров.

— А если сторож услышит?

— Не услышит. Спичек вот нет, а они понадобятся. Но ничего, сбегая домой. Пошли! Да перестань ты вешать нос по любому поводу!

— Нет, Геннадий, если наша скотина и правда пожрала в поле кукурузу, то надо, чтобы установили, каков урон, и мы обязаны оплатить. Это ведь колхозное добро, а не наше.

— Что за чепуху городишь? Буду я об этом думать! Поле принадлежит не Олифантэ, а колхозу, а колхозники — мы. Ну и что из того, что наша скотина пощипала пару кукурузных стеблей?

— Нет, Геннадий, до распределения нам ничего не принадлежит, все — общее. А общее, сказал отец, пуще своего беречь надо. Должны, должны выяснить, каков урон, и мы заплатим. И дедушка говорил, что общее пуще своего беречь надо.

— Ладно, сейчас не время говорить об этом. Давай спать.

— Кушать хочу.

— Погоди немного. Уснут в доме, и я все принесу из кухни.

Вначале Джаба видел несчетное множество зеленых железнодорожных вагонов, потом — последний зеленый-презеленый вагон состава. В окно смотрела худенькая девочка и махала ему красным галстуком. Потом машинист потянулся за водой. А Джаба так тянул к нему свою руку с кувшином, что

Продолжение. Начало в № 2.

она разболелась. Машинист кое-как дотянулся, но не до ручки кувшица, а до уха Джабы. Схватил за ухо и давай тянуть изо всей мочи. Джаба решил, что машинист хочет поднять его на электровоз. И сам стал карабкаться, Ухо страшно болело. Но вскарабкаться он никак не мог.

— Ну что это такое в конце концов? Что с тобой? Шевелись!

Джаба открыл глаза.

В кукурузном амбаре царили предрассветные сумерки. В деревне кричали петухи. Джаба узнал Геннадия по голосу. Тот, схватив его за ухо, тянул изо всей силы.

Джаба протер глаза и сел.

— Вставай. Я уже выгнал коров в конец села. Они ждут нас у Чишурь. Да поднимайся же! Это я, я. не бойся! Я вчера такое придумал, что теперь наши коровы даже близко не подойдут к кукурузному полю.

— Что ж ты придумал? — Джаба встал, совершенно очнувшись от сна.

— Вот гляди: мешок полон каменной соли!

— Соли? И что?

— Ничего. Увидишь в поле.

— А для чего тебе она?

— Сегодня увидишь, для чего она!

— Неужто этот мешок будет сторожить наше стадо?

— Лучшего сторожа не надо.

— Да ну!

— Увидишь сам. Пошли!

Вечером отец позвал Джабу под айвовое дерево.

— Сынок, где ты был прошлой ночью?

Джаба ответил не сразу.

— Пройлой ночью я спал в кукурузнике дяди Нико.

— Что, тебе на балконе жарко спать?

— Нет. Скотина зашла в поле. Дедушка Олифантэ захватил ее, и я не осмелился вернуться домой.

— Дедушка Олифантэ явился утром и отчитал меня по первое число.

— А ты при чем?

— Говорит, будто я выпустил из хлева арестованную скотину.

— Скотину Геннадий выкрал, и чуть свет мы выгнали ее на луг.

— Сегодня Олифантэ не появлялся.. Я тебе, сынок, не буду говорить о том, что меня, человека уже немолодого, обвинили в воровстве, но скажу, что народное добро надо беречь. Все эти дни у ворот нашего двора стоял полевой сторож, а нынче — видать, вы уму-разуму набрались — его нет. Смотри, сынок, не давай пицци для разговоров об Александрэ Мамацашвили. Именем твоего деда клянется наше Корети. Придет время, и ты станешь дедушкой. Не делай так, чтобы о тебе люди говорили худо. А сейчас поди поужинай и ложись спать. Людям, работающим на машинах, приходится новые дырочки на пояском ремне протыкать да длину его укорачивать. А того, кто любит папку да лопату, голод никогда не мучает. Запомни это, сынок, и крепко-накрепко вбей в свою голову.

Но вот в один прекрасный вечер, когда мать подошла к отцу, окутанному облаком табачного дыма, у Джабы так и застыла в воздухе рука с кусочком мчади.

— Что стряслось с этой коровой, Александрэ? Она до сих пор давала полный подойник молока, а теперь, вот погляди своими глазами, сколько она дает! Уже пятый день надой все меньше, и вот гляди, и половины подойника не надоила. На это вчера жаловалась и наша невестка. Или в поле трава перевелась, что ли? Поглядишь на корову со стороны — бока круглые. Как будто сыта по горло. А подоишь — молока с гулькин нос. Не заболела ли наша Марченала? Но если она больна, то как может столько кушать и почему такая кругленькая? И теленок что-то пополнил не в меру...

Джаба весь превратился в слух.

Отец встал. Долго смотрел в подойник. Потом подошел к корове, обошел ее вокруг. Потрепал, погладил по бокам, пощупал вымя.

— Иди-ка сюда, ты! — позвал он сына.

Джаба встал из-за стола и спустился во двор.

— Что это, почему вымя такое сморщенное?

Джаба опустил голову и стал мять в руках оставшийся кусочек мчади.

— Корова от сытости лопнуть готова, но погляди, на что похоже вымя, в чем дело, а?

Джаба опустил голову еще ниже.

— Ты еще ни разу в своей жизни не врал. Ну-ка, что скажешь?

Джаба молчал.

— Язык проглотил? Что это такое?

— Это Геннадий придумал... И мы на берег положили каменную...

Скотина лижет ее, потом бросается к воде. Потом опять лижет соль, а потом снова надувается водой.

— А я-то дивлюсь: чего это Олифантэ не месит своими ногами грязь в моем дворе! — И отец, отломив от айвового дерева ветку, двинулся к сыну.

Джаба в комочек съежился под градом ударов. Александрэ так изумился покорности сына, что рука его застыла в воздухе.

— Обычно при виде прута ты сломя голову мчишься прочь, а нынче что стряслось с тобой?

Джаба только почесывал обожженные гибкой айвовой веткой места.

— Да не болен ли ты?

— Папа, отпусти меня в Тбилиси...

Александрэ не поверил своим ушам.

— Что? Что ты сказал?

— Отпусти, папа, в Тбилиси...

— А чего тебе там делать?

— Геннадий решил стать машинистом. И я хочу стать машинистом.

Александрэ чуть не выронил ветку.

— Для этого я растил тебя?.. Для этого надрывался?.. Зачем тебе быть машинистом? Тебе, что, сынок, надоело спать в теплой постели? Что заставило тебя мечтать о мазуте и заточении в той посудине, чтоб ее ржа съела! Ты с ума сошел, что ли? Чтоб я больше не слышал об этом! Ну кто из наших стал машинистом? Кто из наших и зимой и летом сидит в той посудине? Это ведь — тюрьма, сынок, темница! Да слыхано ли это? Все Мамацашвили всегда были праведными труженниками земли, у них всегда было вдоволь и мчади и всякой еды. Зачем делать себя посмешищем! Да слыхано ли, чтобы Мамацашвили становились машинистами? Чтобы уши мои этого не слышали! Чтобы я больше об этом не слышал, а то дух из тебя вышибу! У них — нет дома, у них — нет очага, в жару для них нет прохлады, в холод — тепла! Нет, сынок, я тебя растил и на смерть не обреку! Больше не говори мне об этом, и все тут!.. А Геннадия я покажу, как таскать в поле соль. Я знаю, это он, бесенок, сбил тебя с толку! Потому и соль снес туда, чтобы скотина не уходила в поле. Бедные животные лизали, лизали соль, а потом бросались к воде, потом снова лизали и опять к воде!.. А я-то дивился: за какие-то четыре или пять дней скотина пополнила, взошла как на дрожжах, а удой упал! А вы рады-радехоньки шиться по железной дороге! Конечно, скотина никаду не ушла бы от реки, еще бы! Я покажу Геннадия, пусть только явится к своему отцу!

И Александрэ с айвовой веткой в руке направился во двор своего брата.

III

Джабу разбудил какой-то странный шепот. Когда он очнулся ото сна, понял: в темноте рядом с ним лежит Геннадий и шепчет прямо в ухо:

— Просыпайся! Все готово, Джаба! Ребята ждут под ясенем... в конце села, все готово. Я больше не могу оставаться дома! Не могу я бегать за скотиной! Я разузнал все: мы будем жить в общекитии. Там же будем учиться. Учителем там сын дедушки Аслана — Вахтанг. Он — сосед, он поможет нам. Мы станем машинистами! У нас будут свои деньги. В Тбилиси нам дадут квартиры. Поезда будем гонять куда душе угодно! Да только одно это что стоит: даешь гудок и влезаешь на станцию! Вставай, ты! Ребята ждут, не заставляй же их ждать всю ночь! Там Отари и Гиви Коротадзе и еще Шота Патаридзе. Они обещали уйти с нами, и не надо заставлять их ждать. Уже время. Ночи сейчас не такие уж длинные, а утром мы должны быть в Тбилиси!

— С ума сошел? Кто меня пустит ночью в Тбилиси?

— И не надо чтобы отпускали. И меня отец не отпустил, и Отари с Гиви не отпустили. И Шота Патаридзе не отпустили родители...

— А тогда как же?

— Убежим! Выйдем потихоньку к железной дороге, сядем в поезд — и утром будем в Тбилиси.

— А у кого мне денег взять, если не у отца?

— И у нас нет денег! Нам деньги на дорогу не нужны. Подрадемся к поезду, влезем в вагон и поедem.

— А проводник об этом не узнает? Как только поезда въезжают на станцию, проводники в тот же миг становятся в дверях вагонов и начинают проверять билеты. Кто нас безбилетных пустит?

— Тише, не ори! Нам не нужны билеты. Уйма товарных поездов ходит в Тбилиси. Некоторые из них — порожние. Отыщем порожний вагон, влезем за премо дверь и притаимся. Утром тихонько отворим дверь и сойдем в Тбилиси. Ну, вставай, ребята ждут возле ясеня... Ребята все как на подбор. Гиви и Отари Коротадзе, Шота Патаридзе...

— Неужели я не поеду вместе с вами?

— Почему же? — встрепетул Геннадий. — День и ночь мечтаешь стать машинистом и не поедешь? Я же говорю тебе: не беспокойся ни о чем. Только немного еды прихватим. Школа все даст.

— Да как же я поеду — что скажут отец и мать, когда утром не найдут меня на балконе? Они же с ума сойдут? Как обмануть родителей?

— И не надо их обманывать! Приедем в Тбилиси и напишем им письма. Сообщим, что находимся в столице Грузии, что живы, здоровы. И какой это обман? Вставай, если вовремя не придем, ребята разойдутся по домам.

— Геннадий, ну как же я могу сбежать от родителей?

— Да разве это побег, ты ведь не за тридевять земель уезжаешь — учиться будешь в Тбилиси! А после — гоняй поезда куда душе угодно! Одно это что стоит: дать гудок и влететь на станцию! Ну, давай, пошли, ночь кончается! Вставай, сложи в чемодан, что хочешь взять, — и в дорогу!

Когда Джаба и Геннадий пришли к ясеню, у поджидавших их ребят уже пропала всякая надежда. Но как только они завидели Геннадия и Джабу, вышли из-под дерева и гуськом пошли по полевой тропинке. Впереди шел Геннадий, за ним братья Коротадзе, затем Шота Патаридзе и в конце самый младший — Джаба.

Ночь была безлунная, и ребята дошли до станции никем не замеченные.

На станции горел свет, по перрону разгуливали пассажиры. Железнодорожных служащих не было видно. За тополиной аллеей ребята прошли по зеленым газонам. Проходя мимо колодца, Шота не удержался: пнул ногой жавшуюся к колодцу собачонку.

— Что — с ума сошел! — процедил сквозь зубы Геннадий. — Присесты!

К счастью, на визг собачонки никто не обратил внимания. Только дремавший под станционным колоколом мальчик на мгновение очнулся и сонно глянул в сторону колодца.

— Скорей! Вон товарный! Скорей, а то тронется и мы останемся! — сказал Отари.

На втором пути стоял состав, конец которого терялся где-то в темноте.

— Тут проводников нет?

— Есть, только не во всех вагонах! Надо подкрасться!

Состав был смешанный: цистерны для мазута перемежались с открытыми платформами, груженными дровами и каменным углем. Были и закрытые вагоны, не имевшие окон.

— Глянь, вон вагон! Где же у него, проклятого, двери?.. Погляди, может, он пуст?

— У такого вагона двери в середине и открываются не во внутрь. Потянешь бок — и покатаются вдоль стены. Обожди... Закрыт!.. Наверное, в нем что-то есть.

— А вот еще. А ну, Геннадий, иди.

Только четвертый вагон оказался порожним. Мальчики открыли двери и осторожно влезли в него.

— Ребята, разоидемся по углам! Притаимся и — не дышать! Вот так, так... А ну, Джаба, встань сюда, я закрою двери...

Ребята закрыли двери и разошлись по углам. Станционный шум доносился сюда глухо. Откуда-то издали долетал печальный крик какой-то ночной птицы.

— Сова, наверное.

— Не сова, а филин...

— Это, наверное, филин, чтоб его оципали черти!

— Тсс!..

— Шшш!.. С ума спятили?..

Где-то завакала одинокая древесная лягушка. Со стороны тополей за скрипели под чьими-то ногами камешки. Совсем рядом чихнуло какое-то животное и осторожно пролезло под вагоном.

— Это собака, которую я ногой пихнул, точно.

— Шакал, наверное, чтоб шкура его сторела!

— А может быть, тигр?

— Тсс...



— Шшш!.. С ума спятили?

Ребята стояли в темноте затаив дыхание. За вагоном что-то зашелествовало. Потом раздался хруст разгрызаемой кости...

— Я же говорил — шакал!

— Да откуда здесь взяться шакалу? Рядом станция.

— Ты шакалов не знаешь. Однажды один шакал подкрался к моему деду и, не найдя ничего, чтобы можно было сожрать, схватил деда за поршни.

— Ого! Вот загнул, а!

— Не веришь, деда моего спроси!

— Тсс!..

— Шшш!.. Вы что, правда спятили? Придут и зададут вам такого шакала!..

Вдруг раздался удар в колокол.

Один.

Второй.

Третий.

Сгустившую тишину разорвал свисток паровоза. Потом паровоз взревел, и сцепы вагонов залягали. Вдруг вагон так дернуло, что мальчишки, налетев друг на друга, попадали. Потом паровоз вновь загрохотал, и поезд двинулся.

От станции тащил он свое тело медленно, выстукивая каждой парой колес:

Ух, уже по-е-ха-ли!..

Ух, уже по-е-ха-ли!..

Потом, вырвавшись на простор, уверенно застучал:

И никто нас не догонит!

И никто нас не догонит!

Потом, совсем сойдя с ума и сведя с ума рельсы, горделиво затараторил:

Я-то знаю,

Кто я есть!

Я-то знаю,

Кто я есть!

Мальчишки только теперь свободно вздохнули и весело загомонили:

— Геннадий, в Тбилиси приедем ночью или утром?

— Не так уж близко Тбилиси, туда утром приедете — сказал мне дедушка Аслан.

— Кто это — дедушка Аслан?

— Он дядей приходится тете Наде.

— Откуда ему знать, где находится Тбилиси?

— Как — откуда? В молодости он был проводником на железной дороге!

— Ого!

— Смотри ты!

— О-хо-хо!

— А ты знаешь, где находится то училище?

— Зачем мне знать, где то училище? Вот домашний адрес его сына. Он оказывается, учитель в той школе!

— Ну, брат, наше дело в шляпе!

— Все станем машинистами?

— Кто кем хочет, тем и станет. А вот мы с Джабой станем машинистами. А вы выбирайте себе другие специальности. Их знаете сколько: стрелочник, проводник, дежурный по станции или начальник станции... Кое-кто будет стоять около железнодорожного полотна и поднимать маленький красный флажок...

— А если мне не хочется поднимать тот маленький красный флажок?

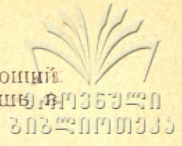
— Ну почему это тебе не хочется поднимать флажок, разява ты этакый? Те флажки не каждому разрешается поднимать. Будешь себе стоять возле железнодорожного полотна, я и Джаба на поезде проедем мимо, конечно, поздороваемся — соседи все-таки — поприветствуем тебя и промчимся мимо. Ты будешь стоять сбоку, обещанный теми флажками, и вдруг, как маузер, выхватишь один из них. И пока мы не промчимся, ты будешь держать в руке тот флажок.

— А потом?

— Что потом? Как проедем, ты и сунешь в кобуру тот свой маузер.

— Геннадий, а ты говорил, что и мы станем машинистами!

— Если все будут машинистами, то кто же будет провожать поезда, держа в руке те флажки?



— Нет, брат, я не для этого еду в Тбилиси. Геннадий, ты — нехороший человек. Что ж ты меня ради этого выволок из дому этой ночью и везешь в Тбилиси?! Тьфу! Открой двери, я выйду, а вы езжайте дальше!

- Открой, открой ему двери, пусть свернет себе шею!
- Ты, что, Геннадий, всерьез это?
- Пошутил. А то до Тбилиси со скуки помрем.
- Так бы и сказал. Ведь и нам не худо стать машинистами.
- Не знаю, как Шота, а я правда хотел было сойти.
- А тебя какая муха укусила?
- Пить страсть как хочется.
- Время ли сейчас пить? Вот приедешь в Тбилиси и пей воду с сиропом, пока не лопнешь!
- Я простой воды хочу...
- Вечно он чего-нибудь хочет!
- Если тебе приспичило, иди в тот конец вагона...
- Это тебе надо идти в конец вагона! А я хочу сойти на землю!
- Здесь нет воды, Джаба. В этом поле сам черт ногу сломит! Обожди, приедем в Зестафони, и я открою тебе двери!

Когда поезд остановился в Зестафони, ребята долго прислушивались ко всяким внешним шумам и шорохам. Наконец решились — открыли двери и выпустили Джабу из вагона.

- Ну, давай прячься за тот поезд!
 - Зачем прятаться, кругом ночь.
 - Скорее, Джаба, пока никого нет!
- Джаба побежал в темноту.
- Поезд тронулся неожиданно. У мальчишек похолодели сердца.
- Джаба!
 - Джаба!
 - Эй, Джаба, слышишь?
 - Давай, Джаба!
 - Скорей, Джаба!
 - Тише, ребята! Да закрой ты дверь — на свет выезжаем! Скорее, мы уже на станции! Джаба-а-а!..

Где-то вдалеке отделилась от темноты тень и бросилась вслед за поездом.

- Все! Кончено. Бедный Джаба остался!
- Именно сейчас ему захотелось воды и всего прочего!..
- Я знаю, какая вода нужна была ему!
- Что ему нужно было — то он уже получил. Ну, не достоин ли он хорошей трелки? Вот и стал машинистом!
- Теперь он дома все расскажет и нас разыщет.
- Не расскажет.
- Еще как расскажет — он же знает теперь, что не станет машинистом!
- Джаба не такой, он ничего не расскажет.
- Джаба никогда в своей жизни не врал. Он скажет правду, и нас разыщет.

До Шорапани мальчики ехали дутые, как индюки. Проехав Шорапани, Отари начал было о чем-то рассуждать, но никто его не слушал, и он умолк.

В Харагаули поезд остановился на минутку. И сразу же в их вагон кто-то постучал.

У мальчишек от страха душа в пятки ушла. Они замерли, затаили дыхание. Стук повторился.

Геннадий, в темноте нашарив руки друзей, пожал их. Это означало; ни звука! Тсс!..

Неужели Джаба уже успел все рассказать на станции? Кто знает, может, он позавидовал укатившим в Тбилиси товарищам, пошел к начальнику станции и все выложил? Ну а дальше все очень просто: позвонили на соседнюю станцию, и вот — стучат.

- Тише!
 - Тише!
 - Тише!
- Еще раз постучали, и раздался еле уловимый шепот:
- Геннадий!.. Слышишь, Геннадий!.. Открой, Геннадий, это я, Джаба!..
- Мальчики не поверили своим ушам.
- Джаба? Как мог появиться здесь Джаба?
 - Открой скорее, я уже не в силах стоять на этом железе!
- Геннадий сразу же узнал голос двоюродного брата и, забыв про всякую осторожность, бросился к дверям.
- Джаба успел вскарабкаться в вагон, и поезд тронулся.
- Откуда ты взялся? — окружили ребята друга, когда двери были плотно закрыты.

— До Шорапани бегом бегу по шпалам. Должно быть, поезд долго стоял в Шорапани. Он уже стал набирать скорость, когда я нагнал последний вагон и вскарабкался.

— А потом?

— Потом — ничего. Стоял там съживившись до Харагаули. И вот — спрыгнул и постучался к вам.

— Быть тебе машинистом, Джаба! А ну, ребята, раз Джаба догнал нас, давайте устраиваться спать. Теперь мы, как говорил дедушка Аслан, проедем большой туннель, и там уже нам ничто не грозит. Давайте-ка ляжем по уголочкам и поспим. Утром будем в Тбилиси и пойдем прямехонько к сыну дедушки Аслана... Ребята, кто бывал в Тбилиси?

Все промолчали.

— Тбилиси — это не Кутаиси: он — в десять раз, в двадцать раз больше...

— Ого!..

Наговорившись всласть, ребята опять радостно похлопали Джабу по плечам и улеглись спать.

Утром первым проснулся Шота Патаридзе. Поднялся, сел. Осмотрелся. Тихо. Поезд стоит. Сквозь щель в вагон бьет луч дневного света — делит вагон ровно пополам. Городской шум не проникает сюда. А может, Тбилиси пока еще спит?...

Охваченный приливом радости, Шота разбудил товарищей.

— Гиви, Джаба, Геннадий! Вставайте, приехали! Отари, соня ты этакий, вставай! Приехали в Тбилиси!

Мальчики лениво заворочались, потом так же нехотя приподнялись, но, как только окончательно отошли от сна, мигом вскочили на ноги.

— Джаба, собачий сын, приехали! Легкая рука у тебя, Джаба, а ну, ребята, открывай двери, пока никто не пожаловал к нам!

— Давай, давай, а то после весь город будет на нас глазеть!

— И пусть глазеют. Теперь, клянусь всем чем угодно, меня ничто не тревожит! Отари, давай остороженько погляди по сторонам и распахивай двери!

Отари подошел к дверям, насторожился и припал к щели.

— Да где тут город, его нет!..

— Что там, Отари?

— Геннадий, где Тбилиси?

— Что там, Отари?

— Да ничего, где-то в поле стоим...

— Ты что, рехнулся? Ну-ка пропусти меня!

— Вот гляди, своими собственными глазами гляди. Стоим где-то у черта на куличках!

— Правда, что ж это такое?

— Геннадий, что это такое, я с ума сойду!

— Гиви, погляди! Шота, пропусти его! На, гляди хорошенько!

— Геннадий, где мы?

— Где мы, слышишь?

Геннадий молчал, стоял у дверей и молчал, плотно окруженный ребятами.

— Правда, в поле стоим. Открывайте двери, чего теперь бояться?

— Слушай, ущипни-ка меня, не во сне ли я? Уф, уф! Ты что, правда щипаться вздумал?

Мальчики открыли двери и спрыгнули на землю. Поезда не было. На путях стоял один-единственный вагон, в котором они приехали, и путь этот заканчивался тупиком. Вдали виднелось что-то похожее на здание, за ним вновь тянулось бескрайнее поле, а там в голубом переливающемся мареве сверкали вознесшиеся в небо горы.

— Ого! Где же мы находимся?

— На мельнице, вот где мы! Ха, ха, ха, ха! Поглядите на Джабу, он вымазан в муке, как мельник!

— Ты лучше на себя погляди, чем над другими смеяться!

Мальчики оглядели друг друга и покатались со смеху.

— Самая настоящая мука, будь она неладна!

— Это не мука, это цемент! Ну-ка, Джаба, отряхни мне спину, потом я тебе!

От видневшегося здания шел в их сторону какой-то человек.

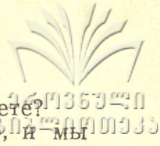
— Сюда идет!

— А может, не сюда?

— Прямо сюда идет!

Человек приближался. Одет он был в измазанную одежду, на плече нес веник, привязанный к длинной палке.

— Здравствуйте, ребята, куда путь держите?



Мальчики ничего не ответили. Стояли и смотрели на него.

— Вы что, глухонемые! Чего молчите?

— Дядя, где мы?

— Вот это да!.. Откуда же вы сами, если здешних краев не знаете?

— Мы ехали в Тбилиси, вот в этом вагоне были, потом рассвело, и мы оказались в поле...

— В этом вот вагоне? — мужчина расхохотался. — Так он же был по-рожний! Мы его вытребовали для спиртового завода! Доставили сюда и загнули в тупик. Я вот должен подмести его. Так вы в нем приехали?

— В нем... Дяденька, что нам теперь делать, куда идти?

Мужчина опять рассмеялся от всего сердца, потом почесал макушку и спросил:

— А вы, детки, откуда?

— Из Зестафонского района, из Корети.

— Да-ле-ко же вы заехали, ребята!

— Мы ехали в Тбилиси учиться!..

— А зачем сюда-то влезли?

— У нас не было денег на билеты.

— А может, вы из дома сбежали, а?

Врать не было смысла, и мальчики подтвердили это предположение.

Мужчина покачал головой и указал пальцем на здание.

— Идите по путям, и они приведут вас прямо на станцию. Эта станция — Гоми. Ха-ха-ха, вот что значит детство!..

Мальчики не осмелились сесть в какой-нибудь поезд при свете дня. Они слонялись по станции до самого вечера. А ночью влезли в тамбур поезда «Тбилиси — Батуми».

И случилось удивительное: неожиданно столкнулись с дедушкой Асланом...

IV

Джаба оглянулся и удивился: какой-то маленький, худенький, черный мальчик отскочил в сторону и издали рычал. Мальчик был одет в рваную одежду, растрепанные волосы торчали подобно щетине, на невымытом лице по временам сверкали белые зубы.

Вдруг гонор и самоуверенность покинули оборванца, он повернулся и, не оглядываясь, бросился бежать назад.

Джаба не видел, кто толкнул его, и не понял, за что толкнули, не видел он и того, кто так незаметно в мгновение ока стянул у него чемодан, набитый одеждой, едой и всякой всячиной.

— Дед, дорогой, тебе-то какое дело? Пусти! Пусти, ну пусти! Дай бог здоровья твоей матери! Дай бог здоровья твоему отцу! Дай бог здоровья твоим усам! Пусти, ну пусти, он же тебе никем не придомается, дед, дорогой!..

Джаба посмотрел направо и удивился плуце прежнего: одной рукой дедушка Аслан держал мальчика, он был немного побольше убежавшего, а другой рукой схватил его чемодан и внимательно всматривался в улицу.

— Милиция! — крикнул дед Аслан и уставился на трамвайную остановку.

— Когда они нужны, так их днем с огнем не сыщешь, а когда не нужны, так появятся сразу. Милиция!

— Дед, дорогой, не зови милицию! Зачем тебе милиция?! Я же здесь, не убегаю, зачем тебе милиция? Пусти, да пусти же! Дай бог здоровья твоей борде! Не надо милиции! На, возьми новый пояс, погляди, какой ремень! Погляди, видишь, какой офицерский пояс. Погляди, пряжка почти серебро. Посмотри, на, хорошенько посмотри! Не надо милиции, пусти! Возьми пояс, а меня отпусти — и будем квиты! — мальчик, извиваясь, вырывался, пытался выскользнуть, но сильная рука старика крепко держала его за руку.

Мальчик одной рукой расстегнул пояс и попытался всунуть его в руку старика. Не по размеру большие, должно быть, чужие брюки упали и словно коню стреножили ноги.

Джаба невольно глянул на худоще, как щепки, икры и ляжки мальчика, на котором не оказалось трусов. Джаба застыдил, отвел глаза и глянул на товарищей.

Притихшие Гиви и Отари так и застыли с кусочками мчади в руках. Опешившие Геннадий и Шота, которые ели молодой сыр, прикусили от изумления языки.

Мальчик кое-как подтянул штаны до бедер.

— Дед, возьми, ну! Офицерский, посмотри какой!

819 618 66

Handwritten stamp: 13. 206 11

— И он, наверное, краденый. Должно быть, офицер спал и ты снял с него. Пусть у тебя остается. Задарма добытое Аслан в дом свой еще не вносит! А впрочем, подожди, дай-ка сюда! Он мне пригодится!

— Вот молодец, дед! Молодец! Дай бог здоровья твоей матери! Твоему отцу! Твоим усам! Бери, не стесняйся, стоишь этого! Бери, носи на здоровье! Ой! Ой! Что ты делаешь, дед? Ой! Ой! Хватит, хватит! Ой! Хватит, ну! Хватит, ну! Ой, дед! Ой, нога! Ой, спина! Ой, колено! Ой, нога! Нога, нога, нога-а-а!

Под конец он все же вырвался, выскочил из-под града ударов и очертя голову бросился бежать вниз по узенькой улочке.

— Чтоб твоей матери, чтоб твоему отцу, чтоб твоим усам! — на бегу орал он. Штаны снова упали, запутались в ногах, он на пузе проехался по асфальту и поток своей ругани закончил так: — Бог здоровья дал!

Мальчишка успел вскочить до того, как дед Аслан подбежал, готовясь еще угостить его ремешком, и дал стрекача. Почувствовав себя в безопасности, он вновь исторг целый каскад ругательства.

Со двора первого ремесленного училища и с трамвайной остановки стали сбегаться люди. Любители новостей и сенсаций надеялись удовлетворить свое любопытство.

— Что случилось, дедушка, за что ты бил того мальчика?

Аслан снова поставил чемодан перед Джабой и сердито пожурил ребят:

— Это вам, детки мои, не Ванаждо, это Тбилиси! Тут ухо и глаз держи востро. Что вы, как дурачки, расселись и, чавкая, жрете?! Разъявили рты! Да у тебя из-под самого носа уперли чемодан!

— Дедушка, меня совсем другой мальчик толкнул, а ты побил этого!

— Дурачина ты! Простофиля! Как же ты не заметил, что этот вместе с тем был? Один толкнул тебя и отвлек ваше внимание на себя. А так как никто уже не помнил о чемодане, тот, второй, схватил чемодан и дал деру. Хорошо что я быстро возвратился из школы и они не догадались, что я с вами. Здесь, детки мои, Тбилиси — сто глаз и сто ушей надо иметь. Я старый, детки мои, и они меня не проведут! — тут он обратился к собравшимся: — Ну чего вы окружили нас — детей не видели, что ли?

Находясь в кругу любопытствующих, Аслан повернулся и носом к носу столкнулся с сыном.

— Что случилось, отец, что с тобой?

— Да ничего, сынок, со мной ничего не случается. Вот привез тебе учеников. Правда, явились немного с опозданием, но, думаю, без упрека примешь в училище.

— А разве так надо привозить? Что, у меня дома нет, чего ты меня стыдишь перед столькими людьми?

— Я тебя не стыжу. Вот заглянул в школу, чтобы повидать тебя, а они без меня слегка подзакусили.

— Из наших краев?

— Коретцы. Встретил их в поезде. Совершенно случайно вошел в тамбур и вижу: стоят, прижавшись к стенке.

— Заведи их, заведи в помещение, не держи на улице.

Мальчики взяли свое барахлишко и вошли один за другим во двор Первого железнодорожного ремесленного училища.

Комната, которую выделили коретцам, была не больше двадцати квадратных метров. В ней стояли восемь кроватей. Два окна — прямо на Советскую улицу. На одном подоконнике сидел какой-то мальчик, играл на пандури и напевал приятным голосом.

Когда они вошли, он перестал играть, повернулся и прыгнул на пол. Он был низкий, чернявый. Пандури убрал за спину и расставил свои короткие ноги.

— Новенькие?

Мальчики промолчали. Они глядели на чернявого с любопытством.

— Что замерли, как ослы из наших мест, не понимаете грузинского, что ли?

— Кто ослы, козлиный помет ты! Как подойду да съезжу по скулам, будешь знать! — взъерепенился Геннадий.

— Ну-ка, ну-ка, немного полегче, ты, а то через полторы минуты будешь лежать у меня на обоих лопатках.

Геннадий оглядел низкорослого мальчика и не счит его достойным своего ответа. Подошел к приглянувшейся ему кровати, бросил на нее свой вещешок.

— В этой комнате будете? — спросил низкорослый.

— Да, здесь будем жить, — Джаба задвинул свой чемодан под кровать.

— На какой зачислили?

— В группу помощников машиниста.

— Я в группе слесарей-осмотрщиков вагонов. Вы откуда?

-- Мы — коретцы.

— А где это?

— В Зестафони.

Чернявый усмехнулся:

— Однажды Геурка спросили: «Где живешь?» — «Напротив Сако» — «А Сако где живет?» — «Вах! Как это — где? Напротив меня». А где Зестафони?

Мальчики переглянулись.

— Ты что, с Марса свалился?

— Нет, с Кондоли.

— А где находится Кондоли?

— По соседству с Марсом. Вы — имеретины?

— Да.

— А я — кахетинец. Кондоли находится в Телавском районе. Зовут меня Мирианом. А вас?

Какой-то верзила появился в дверях и остановился на пороге.

— Вах! Новый состав прибыл? Видать — шел из деревни. «Одесса». Сулгуни. Молодой сыр, хачапури в придачу... ко всякой всячине. Под кроватью вижу чемодан. А возле тумбочки мы положили узелок. В кувшинчике — «Цоликаури»... Ну как, Чорна, засучим рукава?

— Они еще не устроились.

— А какие такие саламандры нужны для этого: один ляжет здесь, второй — здесь, третий — там, четвертый — рядом с ним, а эта вот саламандра — там. Все! Играешь? — повернулся он к Геннадию.

— В мяч?

— Тоже мне Пайчадзе нашелся. В кости играешь?

— Какие кости?

— Вах! Он, видать, совершенный дундук! В Тбилиси первый раз?

— В первый...

— Ну тогда, Чорна, надо дать проглотить камешки. Над хлеб-солью клятвы не давали?

— Они только что пришли.

— Ну тогда должны дать клятву.

— Пусть свечереет.

— Пока свечереет, мы по разочку успеем кинуть кости.

— Постой, саламандра, вот-вот тетя Надя явится. Их надо еще устроить.

— Пока не явится. А ну, ты, высокий, иди-ка разочек катнем. Чорна, он совсем дундук, держи его сторону.

Вошла хозяйка, принесла белье.

— Вах, Надя Дмитриевна, сегодня вы настоящая саламандра, выглядите особенно красивой. — Верзила вытянулся в струнку и по-гусарски щелкнул ногой об ногу.

Пышнотелая хозяйка, кокетливо улыбувшись, отстранила с дороги верзилу.

— Тебе же сказано, чтоб в общежитии тебя больше не видели! Сейчас сюда Вахтанг Асланович придет и, если увидит тебя здесь, рассердится на меня.

Верзила понял, что сейчас ему в комнате находиться нельзя. Жадно оглядев разбросанные по комнате вещи, он остановил свой взгляд на чемодане Джабы.

— Но ведь согласно внутреннему распорядку, Надя Дмитриевна, мы не имеем права вносить чемоданы в комнату, так?

— А где ж ты видишь чемодан?

— Вон куда его запрятал...

Мириан нахмурился, а хозяйка заглянула под кровать и накинута на испуганного Джабу.

— Тебе что, не говорили, что в комнате чемоданы держать воспрещено?

Джаба, смутившись, покраснел еще сильнее.

— Сию минуту сдай его в камеру хранения!

— Аревадзе, а ты что тут делаешь? Тебе же запретили входить в общежитие!

Перевод Марины ГЕЛЬВИЙ

Окончание следует

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны писательнице Нане Канделаки довелось жить в Болгарии. Встречи и впечатления от пребывания в этой замечательной стране вылились в цикл новелл под названием «БОЛГАРСКИЕ ДНЕВНИКИ».

Некоторые из них мы предлагаем вниманию наших читателей.

ДОБРОТА

Случилось это в одном из крупных городов Болгарии.

На третий день нового, 1946 года неожиданно вернулся из армии старший сын хозяев, комнату которого мы занимали.

Мы с Георгием забеспокоились. Шутка ли, бродить в поисках жилья в самый разгар зимы, да еще в чужой стране, в чужом городе. Правда, хозяева ни за что не хотели отпускать нас, но мы все же решили не стеснять парня. И вот через неделю, от всей души поблагодарив гостеприимную семью, мы переехали на новое место.

Нашей новой хозяйкой была молодая вдова. Она произвела на нас впечатление доброй и славной женщины, и это обстоятельство побудило нас поселиться у нее, хотя ее одноэтажный домишко имел довольно неприятительный вид. Но мы ни разу потом об этом не пожалели.

У Марики было два сына, десятилетний Мичо и четырнадцатилетний Ванчо. Это были хорошо воспитанные ребята, достаточно развитые и начитанные для своих лет. Стараниями отца, который был, как оказалось, учителем гимназии, дети изучили несколько иностранных языков, прилично играли на музыкальных инструментах. Отец же привил им любовь к литературе, и они запоем читали, особенно старший — Ванчо. Он-то и таскал для меня от какого-то своего приятеля разные интересные книги и журналы, рассказывал эпизоды военных лет и народные сказки и вместе с братишкой старательно учил меня болгарскому языку.

В морозные дни, если не было неотложных дел, я обычно не выходила из дому. Мы запаслись дровами, и наша чугунная печка гудела с раннего утра до глубокой ночи. Бывало, придвинусь поближе к огню и читаю целые дни напролет, а взгрустнется по дому, возьму аккордеон и начну петь свои любимые грузинские песни.

Так прошел январь. С наступлением февраля зима начала было сдавать, заметно потеплело. Но март все же взял свое, опять ударили морозы.

И тут выяснилось, что свой запас дров мы не рассчитали, жгли их немилосердно. Пришлось расплачиваться за наше легкомыслие. Теперь мы топили печку лишь два раза в день — утром и вечером... Разумеется, в комнате холодище стоял немощерный. Укутанная, как капуста, я все же целый день не могла согреть ооченевшие руки.

Однажды пришлось мне по какому-то делу выйти днем в город. Возвращаясь домой и слышу — за забором, с той стороны, где лесопильный завод — голос. Осторожно так окликает:

— Госпожа! Сударыня! Если можно на одну минутку...

С заводского двора обычно весь день доносились голоса и окрики. Я и не подумала сначала, что это меня могут звать, и уже хотела подняться на крыльцо, как доска у забора отодвинулась, и передо мной вырос молодой мужчина в стоптанных сапогах и старой куртке. Признаюсь, я испугалась.

— Здравствуйте, сударыня... Как поживаете? — с улыбкой спросил незнакомец.

Я растерянно посмотрела на него и невольно тоже ответила ему с улыбкой:

— Хорошо, спасибо...

— Мне сказали, что вы грузинка... Мне очень нравятся ваши песни, они такие красивые, мелодичные... Я их с большим удовольствием слушаю...

— Слушаете? Но где? — совсем растерялась я.

— Стою вот здесь, под вашими окнами, и слушаю.

Я совсем смутилась и опустила голову. Мужчина забеспокоился:

— Простите меня, пожалуйста. Я понимаю, что это не совсем прилично, но я так люблю песни и вообще музыку... С детства мечтал учиться пению в Италии, но такой возможности у нас, конечно, не было. А потом еще война началась... Так и не сбылась моя мечта...

— Да, эта война многим разрушила мечты. Но если вы любите петь, так пойте своим друзьям, близким людям.

— А я так и делаю. Особенно когда немножечко выпью... Ну а вы почему не поете в последнее время?

— В такой холод не до песен, — засмеялась я.

— Да, Ванчо говорил мне, что у вас дрова кончились. Но вы не беспокойтесь, дрова у вас будут сколько захотите. У нас во дворе этого добра полно. Я, с вашего позволения, уже набрал целый мешок чурбаков, их и пилить не надо — бросайте прямо в печку и грейтесь на здоровье.

— А вы не бойтесь, что хозяин завода накажет вас за разбазаривание его собственности?

— Не боюсь, — как-то очень уверенно ответил мой новый знакомый.

— Какой вы храбрый, однако!

— Клянусь всеми святыми, от одного мешка обрезков он не обеднеет.

— Тогда хотя бы назовите цену...

— Да тут и говорить не о чем...

— Я вижу, вы действительно не боитесь своего хозяина. А я, по правде говоря, не хотела бы заслужить упрек от своего мужа. К тому же дрова нам вот-вот должны доставить. Да и не холодно уже совсем...

— Сударыня, я очень прошу вас, не обижайте меня, не отказывайтесь. Загляните-ка во двор. Видите, отсюда не только мешок, целую грузовую машину вывези, ни одна душа не заметит.

В самом деле не стоил этот мешок столько разговоров, и я поблагодарила молодого человека.

— Меня зовут Никос. Коль понадобится, не стесняйтесь, чем могу помогу. А сейчас скажите Ванчо, чтоб втащил мешок в дом. Я его тут у забора оставлю.

— Спасибо, Никос! Надеюсь, мы в долгу не останемся.

Вечером, когда Георгий увидел чурбаки, я объяснила ему:

— В подарок получила. Рабочий с лесопилки принес. Оказывается, Ванчо рассказал ему, что у нас дрова кончились. И он проявил сочувствие.

— Это сочувствие называется обыкновенным воровством, — нахмурился Георгий. — Будь хозяин этой лесопилки таким добрым, как его рабочие, он не сделался бы богачом.

— Я думаю, что этот бедняк больше не осмелится вынести с завода дрова.

Но через два дня, выйдя утром на крыльцо, мы увидели новый мешок, доверху наполненный дровами.

— Ну, это уж слишком, — рассердился Георгий. — Мы можем попасть в очень неловкое положение. Да и этому бедняку не сдобровать, если его накроют на воровстве. Давай пригласим его к обеду, поговорим с ним, объясним, что это ненужный риск. В конце концов предложим ему деньги.

— Не возьмет он. Это подарок.

— Тогда и мы подарим ему что-нибудь, ну хотя бы мои сапоги или гимнастерку...

После ухода Георгия я некоторое время наблюдала с крыльца за заводским двором, но Никоса нигде не было видно. Тогда, надев шубку, я направилась к воротам лесопилки.

Старик-сторож так странно взглянул на меня, что мне пришлось переспросить:

— Вы не знаете Никоса?

— Как не знать!..

— Тогда скажите мне, пожалуйста, где его можно видеть?

— Пройдите прямо. Первый этаж, дверь налево.

На мой стук голос за дверью вежливо предложил мне войти. Я осторожно приоткрыла дверь и остоленела...

В дубовом кресле с высокой спинкой сидел Никос в элегантном темно-сером костюме. Увидев меня, он вскочил и подошел ко мне.

— Прощу вас, сударыня... Чем могу служить?

— Сегодня утром, увидев ваш мешок перед дверью, мы с мужем очень разволновались.

— Стоит ли из-за одного мешка дров...

— Мы испугались, как бы хозяин завода не уволил вас с работы. Я пришла предупредить вас, чтоб вы не рисковали напрасно из-за нас. Мой муж даже хотел пригласить вас, бедного и доброго человека, к обеду и подарить вам свои сапоги и гимнастерку... Я думала, что вы простой чернорабочий, а вы, должно быть, хозяин завода...

— Вы не ошиблись. Я и в самом деле простой рабочий, из рабочей семьи. Случилось так, что я и дочь старого хозяина этого завода полюбили друг друга. Можете себе представить, что было, когда ее отец узнал об этом? Он выгнал дочь из дому. Но мы все же поженились. В конце концов он смирился и даже дал в приданое за ней этот завод. И вот теперь я являюсь его управляющим. Но иногда, когда это бывает нужно, я выполняю обязанности простого рабочего. Мы с женой решили, как только объявят нашу страну республикой*, передать завод государству. У меня высокая квалификация электропильщика, так что останусь здесь работать.

— Хороший вы человек, Никос. Дай бог, чтоб ваши мечты исполнились! До свиданья!

— О, простите, пожалуйста! Я не хотел бы, чтоб наше знакомство на этом завершилось. Вы, кажется, собирались пригласить меня? Если вы еще не подумали, то я, очевидно, буду сегодня вашим гостем?

— Ну, конечно, Никос. Мы ждем вас с вашей супругой!

Вечером мы принимали гостей. Пригласили и Марику с сыновьями.

Обед прошел весело. Грузинские блюда понравились всем. Потом мы с мужем пели грузинские песни, а наши гости — болгарские. Особенным успехом пользовалась наша песня «Сулико», которую мы с Мичо и Ванчо разучили раньше. Теперь ее подхватил и Никос.

Гости расходились поздно. Уже попрощавшись, Никос вдруг обернулся и, улыбаясь, спросил:

— А где же обещанные сапоги?

Георгий смутился и растерянно посмотрел на меня.

— Ничего, если они не новые, — серьезно сказал Никос. — Цена им от этого выше. Они будут напоминать мне о том, как сближает людей доброта. А сесть добро совсем нетрудно, надо просто это хотеть. В конечном счете человеку не так уж много надо. Его может обрадовать и самая малость.

ВОСЬМОЕ МАРТА

Торжественный вечер, посвященный 23 февраля — Дню Советской Армии, подходил к концу, когда Мария, жена замполита нашей части, сказала мне под большим секретом:

— Вы знаете, оказывается, мужчины нашего полка 8 марта организуют большой праздник для жен командного состава. Говорят, выписали артистов из Москвы. Собираются пригласить и офицеров болгарской армии с супругами, — по-детски радуясь, шептала мне Мария. — Одним словом, повеселимся на славу. Я к этому дню специально шью новое платье. Раньше, до войны, в этот день на мне всегда было новое платье. Ну а теперь тем более... Ведь это первый праздник 8 Марта после окончания войны...

Мария почему-то закрыла глаза и тяжело вздохнула. Потом вдруг встрепенулась, внимательно посмотрела на меня с любопытством и спросила:

— Вы тоже будете в новом платье? Непременно шейте. В этот вечер все женщины должны быть особенно привлекательны и красивы. Только никому ни слова. Это мне сообщили совершенно секретно. Договорились? — Мария улыбнулась и подмигнула мне.

— Ну разумеется, я постараюсь молчать, как рыба.

Мария вдруг расхохоталась.

— Я точно так же пообещала той особе, которая доверила мне эту тайну, но, как видите, нарушила эту клятву. Да разве есть такая женщина, которая смогла бы не поделиться радостной вестью? Намолчались за четыре года, без единого слова выносили все ужасы... И уж если я могу обрадовать кого-нибудь сегодня, зачем откладывать это на завтра!.. Правильно я говорю? — снова заулыбалась она. — Итак, первый послевоенный праздник 8 Марта мы встречаем здесь, в стране цветов.

— Вы любите цветы, Мария?

— Очень. Но болгары все же любят их как-то по-особенному, словно поклоняются им, как живым существам.

— Просто они поклоняются красоте.

Мария посмотрела на меня долгим взглядом и задумчиво проговорила:

— Да, это вы верно заметили!.. Поклоняются красоте... Красоте и жизни... Эх, сколько жизней оборвала эта проклятая война. За эти годы такое пришлось пережить, что, казалось, попадись мне немец живым в руки, придушила

* 15 сентября 1946 года Болгария была объявлена народной республикой.

бы, клянусь. Но, помню, всего лишь через несколько дней после окончания войны мимо нашей землянки проводили группу военнопленных. Один из них остановился передо мной, оборванный, измученный, несчастный, и попросил воды. И куда только подевалась эта ненависть, которая четыре года душила меня. Я сбегала в землянку и вынесла ему кувшин теплого молока. Немец стал жадно пить. Вдруг он посмотрел на меня, потом окинул взглядом сожженное дотла село, весь как-то сжался, задрожал и вернул мне кувшин. Грязными, закопченными руками он закрыл лицо и, всхлипывая, отошел прочь.

— А по-другому и невозможно жить, Мария... Не дай бог, если люди перестанут быть великодушными.

— Да, да, конечно, — задумчиво протянула Мария и смахнула рукой набежавшие слезы.

— Так, значит, к нам пожалуют московские артисты? — постаралась я переменить тему разговора. — Интересно, кто же придет?

— Приглашение уже послали, но кто именно придет, неизвестно. После концерта будет ужин в банкетном зале, а потом танцы до утра, песни и снова танцы, танцы до упаду.

— Вы любите танцы?

— До войны все говорили, что я помешана на танцах. Несколько раз я получала призы и грамоты на разных олимпиадах и студенческих вечерах... Однажды довелось даже ваш грузинский танец исполнить...

— Что вы говорите? Кто же вас научил?

— В нашем институте училась одна девушка-грузинка — Маринэ Заридзе. Она и научила. Семья их уже много лет жила в нашем городе, но детство Маринэ првела в Тбилиси. Вы случайно не знали ее?

— Нет, не знала.

— Помню, мы готовились к выпускному вечеру. 21 июня 1941 года. Маринэ танцевала за парня, ей очень шла белая чоха и голубой архалук. Зал гремел от восторга, так танцевала эта девушка. А назавтра началась война... Мы с Маринэ в один партизанский отряд попали. Она у нас снайпером была. Да только выдал ее один подонок, погибла бедная девочка...

— Расскажите еще что-нибудь о ней, — попросила я.

Мария ответила не сразу:

— На выпускном вечере нас три раза вызывали на бис. По правде говоря, я сначала стеснялась выступать вместе с Маринэ. Разве кто-нибудь может состязаться с грузинками в исполнении их национальных танцев! Но наше выступление всем очень понравилось. Студенты — народ эмоциональный, хлопали и кричали до хрипоты. Маринэ подбадривала меня: раз орут, значит, нравится. Танцуй, говорит, Мария. В конце концов последний день нашей студенческой жизни, пойдем-ка на сцену!... Откуда нам было знать, что это был и последний день нашей мирной жизни. После этого я не танцевала. А сейчас я так жду этого праздника 8 Марта! И в то же время боюсь, вдруг я не смогу уже танцевать...

— Сможете, Мария, обязательно сможете. И грузинский танец непременно станцуете с моим мужем... в память о Маринэ Заридзе.

— Ну, с этим мне и подавно не справиться, столько лет прошло...

— Сколько лет? Это же совсем недавно было!

— Недавно?.. Да... А мне кажется, что я за это время прожила целую жизнь... Вы знаете, сколько мне лет? Всего лишь двадцать шесть...

Мария помолчала, потом глухим, усталым голосом продолжала:

— Всю войну я в партизанах провела, разведчицей была, со смертью в прятки играла. Дважды провалилась, схватили меня. Но оба раза удалось бежать... Сейчас это звучит так обычно, просто — удалось бежать, а тогда... Когда я встретилась здесь со своим мужем, он сразу даже не узнал меня, хотя и сам пережил за эти четыре года немало... Да и понятно: расставался со стройной, цветущей девушкой, а увидел седую, морщинистую женщину...

Я понимала, что надо сказать что-то теплое, утешительное этой молодой, но уже столько пережившей и преждевременно состарившейся женщине, но слезы душили меня. Я стояла, замерев, боясь пошевелиться, и горькая обида за Марию клочкотала у меня в груди.

Мария первая взглянула на меня, обняла за плечи и с материнской теплотой проговорила:

— Ничего, дорогая, самое трудное осталось позади. Все мы сумели вынести — и ураган войны, и разруху, и гибель наших близких и врага мы все же одолели. На удивление всему миру — одолели. Нам есть чем гордиться! А теперь начнем все сначала — и жить, и строить! И построим мы все в тысячу раз лучше, чем раньше было. Ведь так, моя милая?

— Конечно, построим...

— И ничего, что мы не в срок посидели. Наши мужья за это нас не разлюбят. Главное, что мы еще не потеряли дара радоваться жизни. Ведь так?.. И вообще наши женщины заслужили и этот день 8 Марта, и танцы, и новые платья, и цветы!..

ДВАДЦАТЬ МИНУТ ЧУЖОЙ ЖИЗНИ

Был воскресный день.

Апрель еще не кончился, еще не отцвели персики, вишни, яблони и груши, а на дворе уже было так тепло, словно началось лето.

В такой ясный солнечный день было бы преступлением отсиживаться дома, и мы с Георгием отправились прогуляться по городу.

Солнце припекало вовсю. В поисках прохлады мы очутились на набережной реки Марицы. Вскоре наше внимание привлекла тихая чарующая мелодия, которая доносилась из дверей кондитерской. Мы невольно остановились и стали слушать...

Кондитерская была совершенно пуста. Лишь у стойки сидела молодая пышная женщина и с увлечением читала книгу. Время от времени она в такт мелодии покачивала головой.

— Разрешите, сударыня? — заявили мы о своем присутствии.

Женщина немедленно вскочила со скамьи, отложила книгу в сторону, кокетливо оправила на себе белый нарядный передник и с улыбкой поклонилась:

— Заходите, дорогие гости, заходите... Простите меня, я увлеклась чтением, не заметила, как вы вошли. Проходите, пожалуйста, устраивайтесь. Все столики, как видите, свободны, выбирайте любой. Но я бы вам советовала сесть у окна, вон там, в конце зала. Оттуда великолепный вид на Марицу и гораздо прохладнее. Днем народ все больше в центре города гуляет. Зато под вечер, когда с реки подует прохладный ветерок, все сюда потянутся. О, тогда в нашей кондитерской яблоку негде упасть, — щебетала хозяйка. — Могу предложить чудесный кофе и совершенно свежие пирожные. Все будет сию минуту, — с улыбкой заключила она и, что-то напевая, направилась на кухню.

Мы устроились за предложенным нам столиком и огляделись. На всех четырех окнах, выходящих на улицу, висели тяжелые шторы. Ветерок, проникающий в кондитерскую, лишь чуть-чуть колыхал их. В зале стоял полумрак, и приглушенная мелодия французской песни придавала этому уголку еще более уютный и романтичный вид.

Не знаю уж, сколько времени мы просидели там, сколько прослушали песен. Помню только, что было нам очень хорошо, уходить не хотелось, и мы, наконец, просидели бы там до вечера, если бы неожиданно в кондитерскую, грохоча подкованными сапогами, не вошел высокий и очень красивый мужчина и не нарушил очарования нашего уединения.

— Тише, Христо! — напала на него хозяйка. — Сколько раз я предупреждала тебя, чтоб ты не появлялся здесь в этих сапожищах. Садись там, у дверей. Только недавно пол вымыли, смотри не наследи, пожалуйста. Садись, я принесу тебе кофе.

— Не хочу, — сказал мужчина, продолжая стоять.

— Коньяк выпьешь?

— И коньяк не хочу.

— По-дорожному вырядился. На рыбалку, что ли, собрался?

— Нет.

— Тогда, может, меня проведать пришел? — кокетливо засмеялась женщина.

— Да, тебя (проведать).

— Гм! Ты что, выпил?

— Нет, я трезв.

Женщина поднялась со стула, окинула взглядом мужчину с головы до ног и, словно почувяв что-то недоброе, кинулась к нему.

— Что случилось, Христо? Скажи мне!

— Я пришел прощаться.

— Что?! — женщина побледнела.

— Я уезжаю, совсем уезжаю.

— Совсем уезжаешь? — голос женщины дрожал. Обессиленная, она опустилась на стул и глазами, полными слез, в ужасе уставилась на мужчину.

— Останься, Христо... Умоляю тебя, останься...

— Нет, это уже решено. Я должен уйти. Прощай! — твердо заявил мужчина и повернулся к дверям.



Женщина вскочила и, вся дрожа, преградила ему дорогу:

— Постой, Христо... погоди! Дай прийти в себя, дай понять, что же наконец произошло?.. Боже мой, что за страшный день! Ведь ни вчера, ни даже сегодня утром ты ни словом не обмолвился об отъезде. Что же случилось, Христо? Или это только жуткий сон? Ответь, скажи мне, Христо!..

— Нет, Цена, это не сон. Я сказал тебе правду. Мне надо уходить отсюда.

— Значит, рухнуло наше счастье, Христо?! И ты сам разрушил его! Но почему? Скажи...

Мужчина не ответил. Упрямо уставившись большими черными глазами в пол, он словно пытался разглядеть что-то очень важное для себя. Потом он откинул голову и тяжело вздохнул. Было видно, что бесконечные расспросы женщины раздражали его и он с нетерпением ждал момента поскорее вырваться отсюда.

Женщина закрыла лицо белоснежным накрахмаленным передником и горько разрыдалась.

Собственные переживания так поглотили эту пару, что они уже никого и ничего не замечали. Став невольными свидетелями чужого горя, мы чувствовали себя крайне неловко и уже совсем было собрались уходить, как новый вопрос женщины приковал нас к месту.

— Неужели мы уже никогда не увидим друг друга, Христо? — в отчаянии спрашивала она.

— Не думаю.

— Ты хочешь моей смерти? Ты ведь знаешь, что я не могу жить без тебя. Скажи мне, что случилось? Может, ты проигрался и боишься сказать мне? А, Христо?

— Нет, нет, нет! — потеряв терпение, выкрикнул мужчина.

— Ты полюбил другую? — не отставала женщина.

— Не говори глупостей.

— Что же тогда заставляет тебя уходить отсюда? Чего тебе не хватает?

— Так нужно...

Женщина на минуту задумалась, потом испытующе посмотрела на мужчину и, вымученно улыбаясь, спросила:

— И куда же ты направляешься, если не секрет?

— В Австралию, — процедил сквозь зубы мужчина.

Женщина нервно засмеялась.

— Не верю я, ты лжешь.

— Тем лучше, если не веришь. Значит, ты должна понять, что я не хочу сообщать тебе свое местопребывание. Не хочу, и все! Мы навсегда должны расстаться и забыть друг друга.

— Удивительно! Четыре года назад ты клялся мне в вечной любви.

— Тогда было другое время, и мы были другими...

— Да, время, конечно, было другое. Тогда фашисты рыскали по городу. Ты уклонялся от призыва в армию, а дезертиров ждала смерть. Я спрятала тебя тогда. Выходит, когда человек тебе нужен, ты запросто можешь поклясться ему в вечной любви...

— Цена!..

— Три года я укрывала тебя в подвале. Урывала у детей последний кусок и тащила тебе. Три года я жила в страхе перед наказанием за укрывательство дезертира. Три года я рисковала жизнью своей семьи. Но любовь, твоя любовь придавала мне силы, и я готова была на любые жертвы.

— Я бесконечно благодарен тебе, Цена.

Женщина метнула на него горящий взгляд и в отчаянии бросила:

— К чему теперь эта твоя благодарность... Не нужна я тебе стала, вот и бежишь... Неблагодарный!..

— Ну рассуди сама, до каких пор это может продолжаться? Ты не в состоянии бросить детей, а я не могу жить больше краденой любовью. Я устал лгать, мне стыдно смотреть твоему мужу в глаза. До каких пор я должен ходить с пониженной головой?! До каких пор вы должны делить со мной этот проклятый кусок хлеба?! Я же сильный здоровый мужчина, я художник, наконец. Мне скоро 25 лет, а я еще ни гроша не заработал своим трудом. Теперь с меня довольно, хватит. Война уже целый год как кончилась. Люди давно приступили к мирному труду. Я тоже хочу работать.

— Работай, кто же тебе мешает? Только не уходи...

— Остаться и вновь продолжать эту грязную игру?!

— Игру?! Разве это не была настоящей любовью?! — слезы душили женщину.

— Настоящая любовь должна же в конце концов принести человеку счастье? А я и мечтать не смею о счастье. Хочется назвать тебя своей, а ты при-

надлежишь другому. Даже мой сын не может назвать меня отцом, потому что его растит другой, потому что он носит фамилию другого. Так кто же я здесь? Приживальщик, которого приютили из милости? Мне уже кажется, что твой старший сын с подозрением косится на меня. Если уж до дела дойдет, нас и привлечь за это могут.

— Что ты говоришь, Христо? Ведь никто же не знает, что творится в нашем сердце. Никто, кроме бога, не знает о нашей любви, поверь мне, никто.

— Совесть наша знает. Разве этого мало? Воровство карается законом, а прелюбодеяние тем более.

Женщина вся вспыхнула, потом побледнела, губы ее задрожали. Видно, она не ожидала такого удара от любимого человека. Некоторое время она не могла произнести ни слова. Наконец пришла в себя и с горькой обидой в голосе сказала:

— Скажите, какой божий агнец! Совесть его, видите ли, замучила. Ну а до сих пор где она была, эта твоя совесть?

— А до сих пор мы оба парили в облаках и не понимали, что совершаем преступление.

— Значит, я должна была прогнать тебя в ту ночь, когда ты попросил убежища?

— Должна была прогнать!

— Эта мысль родилась у тебя тогда, когда ты спустился с облаков на землю?

— Да, да...

— И ты решил, чтоб замолить грехи, попросить убежище у новой жертвы?

— Это уже мое дело.

— Трус! Подонок! — в отчаянии закричала женщина. — Убирайся, уйди с глаз моих! Вон отсюда, немедленно! Я ненавижу тебя, ненавижу... Убирайся отсюда, неблагодарный!.. Неблагодарный!..

Мужчина, не торопясь, пригладил волосы красивыми длинными пальцами, медленно поднял воротник плаща и, стуча подкованными сапогами, вышел из кондитерской.

Женщина еще долго стояла на месте, не шелохнувшись, потом вдруг упала головой на стол и жалобно заплакала.

Стараясь не шуметь, мы встали из-за стола, положили деньги на блюдечко и бесшумно вышли на улицу.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

И все же май по своей красоте нельзя сравнить ни с одним месяцем в году. Недаром у нас в Грузии его называют месяцем цветения роз.

В Болгарии тоже очень любят май. И здесь всюду цветут розы, и здесь небо удивительно ясное и голубое, а листья и трава такие изумрудно-зеленые, что кажутся ненастоящими.

Май — месяц праздников. А болгары, помимо всемирно известных дат, празднуют еще и День славянской азбуки, в честь создателей ее — Кирилла и Мефодия.

В этот день, 24 мая, улицы заполняются шумными толпами народа. Почти у всех в руках — огромные буквы. Они размахивают ими, смеются, поют, танцуют.

Но все же самым любимым праздником этого месяца остается 1 Мая, Международный день солидарности трудящихся.

За ним следует 9 мая — День Победы.

Торжественно и радостно отмечали болгары первую годовщину великой Победы. Весь город высыпал на улицы. Центральный парк, где проходило народное гулянье, был полон народа. На площадках с аттракционами — смех, веселье. С трудом нашли мы, наконец, свободную скамью и присели отдохнуть.

Откуда-то из-за деревьев доносились одна за другой танцевальные мелодии. Видимо, неподалеку была танцплощадка. Совсем рядом группа молодежи с воодушевлением пела русские, украинские и болгарские песни. Чуть поодаль духовой оркестр старательно выводил старинные вальсы.

София праздновала День Победы — 9 мая!

И мы на своей уединенной скамье словно потонули в этих звуках праздничного ликования.

Вдруг в самом конце аллеи показался мальчуган. Он бежал вприпрыжку, волоча на бечевке игрушечный автомобиль и что-то громко напевая. Следом за ним из-за поворота вышла пожилая дама в черном. Она приблизилась к нам,

увидела свободное место и, извинившись за беспокойство, попросила разрешения сесть.

— Пожалуйста, присаживайтесь, сударыня! Какое беспокойство! — успокоили меня женщину. — А ты не хочешь сесть? — обратилась я к мальчику.

— Нет, — покачал он головой, — я должен повести гулять свой автомобиль.

Мальчику было не больше 4—5 лет. Худенький, бледный, он производил впечатление недавно оправившегося после тяжелой болезни. Он то и дело бросал в нашу сторону любопытные взгляды. Автомобиль явно перестал его интересовать. Несколько раз он подбегал к бабушке, утыкался ей в колени, исподлобья наблюдая за нами, и наконец не выдержал:

— Это у тебя все ордена на груди приколоты? — спросил он у Георгия.

— Есть и ордена и медали.

— Это тебе на войне дали?

— На войне.

— Когда я вырасту, я тоже стану офицером, пойду на войну и получу много орденов, — убежденно сказал мальчуган. Потом приподнялся на цыпочки и заглянул на погоны Георгия. — Какой у тебя чин, дядя?

— Совсем маленький. А ты, наверное, генералом хочешь стать, да?

— Нет, я хочу быть майором.

— Почему же майором? Генералом ведь лучше?

— А я хочу быть майором, — упрямо повторил мальчик, — как мой папа... У нас дома есть его карточка. И у него тоже один орден приколот на груди. Правда, бабушка?

— Правда, детка... — со вздохом, словно простонав, ответила женщина.

— Сейчас мой папа далеко, у него разные дела. Но он скоро вернется и больше уже нигуда не уедет. Всегда будет играть со мной. Правда, бабушка?

— Правда, правда, детка... — женщина погладила внука по голове и тихо шепнула ему: — Тото, если ты будешь беспокоить господина офицера, я заберу тебя домой.

— Я не хочу домой. Я хочу быть здесь... — Глаза ребенка наполнились слезами, и неожиданно он уткнулся лицом в грудь Георгия. — Дядя, скажи бабушке, чтоб не уводила меня. Я хочу с тобой...

— Тото, я же сказала тебе, не беспокой людей...

— Он совершенно не беспокоит нас, сударыня. К тому же мы уже с ним друзья. Правда, Тото?

Большие грустные глаза мальчика вдруг засветились радостью. Он со счастливой улыбкой утвердительно кивнул головой, уцепился за руку Георгия и умоляюще произнес:

— Пойдем прогуляемся по парку, я тебя очень прошу...

Детская непосредственность рассмешила нас. Но бабушка сделала внуку замечание.

— Это уже слишком, Тото. Ты ведешь себя бесцеремонно с господином офицером. Так нельзя.

— Я с удовольствием принимаю предложение Тото. Пойдем, Тото, прогуляемся, — улыбнулся мальчику Георгий.

Ребенок запрыгал от радости.

— Господин офицер, он утомит вас. На вид он слабенький, но такой живой и любознательный, что хоть кого изведет своими вопросами, — предостерегла бабушка.

— Нет, дядя, я ничего не буду спрашивать. Мы в этом парке каждый день гуляем. Мы ведь тут рядом живем. Просто так пройдемся... Я очень хочу, чтоб меня к тебе видели...

— Пошли, Тото...

Мальчик подбежал к бабушке, несколько раз чмокнул ее в щеку, нахлобучил свою бархатную шапочку на голову и строевым шагом зашагал по аллее.

— С ума сходит из-за мужчин, а особенно из-за военных. Он сирота, вырос без отцовской ласки... — почти шепотом, утирая набежавшие слезы, сказала мне женщина. — В сорок втором мой сын за связь с партизанами и подпольщиками был схвачен гестапо. Оказывается, он снабжал их патронами и оружием, к тому же вел агитационную работу в частях армии. Гестапо, разумеется, выследило его... Одни говорили, что его расстреляли на месте, другие откуда-то узнали, что его, якобы, отослали в Германию, и он погиб там в концентрационном лагере. До нас дошел даже слух, что будто бы он бежал из гестапо, товарищи помогли ему перебраться за границу и связаться с итальянскими партизанами. Не знаю, который из этих слухов верный. Только нам после его ареста не стало житья. Что мы перенесли, сказать страшно. И вот уже ровно год прошел со дня Победы, а о нем по-прежнему ни слуху, ни духу.

— Война куда только не забросила людей. Может, он просто не смог добраться или тяжело ранен и пока еще не поправился. А вы не теряйте надежды, ждите, все-таки ждите.

— Меня беспокоит судьба этого ребенка... Мать его совсем больная женщина. После ареста моего сына они истязали ее на допросах, бедняжку! Если со мной что-нибудь случится, ребенок пропадет. Кто за ним присмотрит? Кто его на ноги поставит? Вы даже представить себе не можете, какую радость доставил ему ваш муж своим вниманием! Он этот день запомнит теперь надолго..

Из-за поворота аллеи выскочил вприпрыжку Тото. И почти одновременно в другом конце аллеи показалась бледная хрупкая молодая женщина и высокий, совершенно седой, прихрамывающий мужчина. За ними следовала целая толпа женщин, мужчин, ребятшек.

— Тото! — кинулась навстречу мальчику молодая женщина. — Наконец-то мы вас нашли! Посмотри, кто к нам приехал?!

Мужчина наклонился к ребенку, подхватил его на руки, крепко прижал к груди, расцеловал и, припадая на одну ногу, подошел к нашей скамье.

Я взглянула на бабушку Тото. Несколько мгновений она сидела не шелохнувшись, словно окаменев. Потом вдруг вскочила, обронив все, что держала в руках, сделала несколько нетвердых шагов навстречу седому мужчине и, уже подойдя к нему вплотную, шепотом, словно боясь спугнуть видение, проговорила:

— Вернулся, сынок? Боже мой, сколько я тебя ждала...

Перевод Нателы КАРАШВИЛИ

Окончание следует

Римма ЛЕЗГИШВИЛИ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

РАССКАЗ

— Натела ловит! — говорит Лили.

— Ничего подобного! Это Циала ловит! — возражает Натела.

— Сама ловит, а на меня сваливает! — обижается Циала.

— Ладно, не спорьте! Я буду ловить, бегите! — кричит Этери.

Девочки разлетаются, как стайка воробьев. Этери бросается вдогонку.

— Стойте, стойте! У меня шнурок развязался! — кричит запыхавшаяся Натела, опускается на траву и завязывает шнурок.

Подружки собираются вокруг нее.

— А мой папа вчера принес мне точно такие туфли, — говорит Лили, разглядывая новые туфельки Нателы.

— А мой папа, знаете, какие мне подарил? Как у Лилиной мамы! — хвастает Циала.

— На высоких каблуках? — удивляются девочки.

— Нет, такие же плетеные, только без каблуков.

— А мой папа всегда сам шьет мне обувь, — важно заявляет Этери.

— Если бы мой папа был сапожником, он тоже шил бы мне самые красивые туфли. Правда, девочки? — говорит Лили.

— Ну, конечно! — соглашаются все.

— Где твой папа купил эти туфли, Натела? — спрашивает Циала.

— И вовсе это не папа, а мама ей купила, — поправляет Этери. — Ее папа с ними не живет.

— Ты... ты... врешь! Мой папа живет с нами! Он никуда не уходил! — кричит Натела, и глаза ее наполняются слезами возмущения и гнева.

— Ты сама врешь! — надувает губы Этери.

— А ты откуда знаешь, ушел ее папа или нет? — строго спрашивает Лили.

— Мне мама сказала.

— Не верьте ей! Не верьте!.. Мой папа в командировке, он скоро вернется. Вот увидите! — говорит Натела и с плачем бежит домой.

— И вовсе он не уезжал никуда. Он здесь, в Тбилиси. Просто он не хочет с нами жить, — как взрoслая, объясняет Этери и, подбоченясь, смотрит вслед убегающей Нателе.

— Если мой папа не захочет с нами жить, я его все равно не отпустили с ним вместе уйду! — горячо заявляет Циала.

— И бросишь маму?! — поражается Лили.

— Почему же? Я и маму с собой заберу...

— Завтрак уже готов? — еще с порога кричит Гоги.

Сестра поднимает заплаканные глаза, несколько мгновений смотрит на брата и вдруг заливается горькими слезами.

— Ты что это, плакса? Обидел кто-нибудь? — тревожится Гоги.

— Все знают... знают, что па-па... бросил нас, — сквозь рыдания говорит Натела.

Гоги медленно опускается рядом с сестрой, слезы душат его, но он сдерживается. Что ни говори, а мужчине не подобает распускать нюни. К тому же ему целых тринадцать лет. А вместе им двадцать четыре.

— Знаешь, папа вчера приходил в школу, — говорит Гоги.

— При-ходил? Правда? — еще всхлипывая, спрашивает Натела и с интересом смотрит на брата из-под мокрых от слез ресниц.

— Да, приходил. Почему, говорит, хуже стал учиться? Исправлюсь, говорю. О маме спрашивал, с тебе... А я убежал...

— Убежал? А он не позвал тебя? — с надеждой спрашивает Натела.

Гоги утвердительно кивает.

— Ну что я мог ему ответить? Что мама часто плачет?... И вообще, что ему нужно? Ушел и все. Какое ему теперь дело до нас?! — глухо говорит Гоги.

— Гоги! Давай напишем ему письмо! — вкрадчиво предлагает Натела.

— Письмо?

— Ну да! Что ты так смотришь? Разве это стыдно?

— Он бросил нашу маму... А ты... письмо... — авторитетно заявляет Гоги.

— Он не бросал нас, нет! — снова заливается слезами Натела.

— А как это по-твоему называется?

— Не знаю, как это называется... откуда я знаю... Не бросал он нас... — упрямо повторяет Натела.

— Значит, он просто не хочет с нами жить. Не станем же мы его упрашивать... Да и мама обидится...

— Не обидится. Я слышала, она вчера говорила дяде, что простит папе все, если он вернется.

— Правда? — оживляется Гоги.

— Честное пионерское!

— Ну тогда, если хочешь... — словно нехотя соглашается Гоги.

После долгих споров и препираний письмо, наконец, было написано и запечатано в конверт. Сначала собирались отправить его по почте, но потом решили, что лучше, если Гоги сам отнесет его отцу на работу...

Отец сидел в кабинете за письменным столом, заваленным бумагами, и что-то писал.

— Папа... — просунув голову в дверь, робко окликнул его Гоги.

Отец поднял глаза и сразу вскочил с места. Обнял сына, поцеловал, усадил в кресло.

Гоги достал из кармана письмо и несмело положил его на край стола.

Отец взял конверт, распечатал и прочел:

«Папочка, я очень больна. У меня высокая температура и ужасно болит голова. Если ты не придешь, я обязательно умру. Твоя любимая Натела».

Отец поднял изменившееся лицо и поискал глазами сына. Гоги осторожно прикрывал за собой дверь кабинета.

— Погоди, сынок! — крикнул отец. — Я пойду с тобой!

Но Гоги уже стремглав бежал вниз по лестнице. Он еще никогда не бежал так быстро...

— Натела! Скорей ложись в постель! Папа идет! — закричал он, вбегая в комнату.

У девочки учащенно забилось сердце. Дрожащими от волнения руками она стянула с себя платье и бросилась в постель. Не успел Гоги поправить на ней одеяло, как под окном заскрипели тормоза машины. Послышались тороп-

вые шаги по лестнице, и в комнату, залыхавшись, вошел отец. Он бросил тревожный взгляд на дочь и кинулся к постели.

— Что с тобой? Что у тебя болит? — забросал он Нателу вопросами, но обнимая и лаская девочку.

От напряжения лоб Нателы покрылся испариной. Она вся как-то сникла, закрыла глаза и расплакалась...

— Не плачь, моя крошка! Скоро ты поправишься, и все будет хорошо... — погладил отец растрепавшиеся волосы девочки. — Ну скажи мне, где у тебя болит?

— Вот здесь, — простонала Натела и ткнула пальцем в грудь.

— Сердце? Не бойся, детка, ничего. Я приведу доктора, и он тебя быстро вылечит...

— Нет, нет! Я не хочу доктора! Только ты не уходи! — испуганно воскликнула девочка и ухватилась за рукав отцовского пиджака.

Отец успокоил дочку, бережно укрыл ее, поправил подушку.

Вскоре волнение девочки улеглось. Щеки ее снова раздумянились. Глаза засветились радостью. Она понемногу осмелела и разговорилась.

— Ну-ка расскажи, какие у тебя отметки? — спросил отец. — Не трудно ли тебе учиться?

— Трудно? — с хитрой улыбкой спросила Натела, вскочила с постели, вытащила из портфеля дневник и снова юркнула под одеяло. — Вот смотри, две пятерки сегодня получила: по математике и по грузинскому. Ты подпиш... — она вдруг осеклась и испуганно посмотрела на отца. Потом отвернулась к стене и натянула одеяло на голову.

Отец улыбнулся. Какая-то странная теплая волна захлестнула его... Дети подросли и научились хитрить. В другой раз он, наверное, рассердился бы. Непременно рассердился бы. А сейчас эта детская хитрость вызвала в нем одну только гордость. Удивительную гордость.

В комнате стояла нелюбимая тишина. Наконец отец встал, молча поцеловал Нателу. Вернее даже не поцеловал, а просто ткнулся лицом в ее теплую щеку. Потом погладил по голове Гоги и вышел.

...Когда он вернулся, в комнате по-прежнему стояла тишина. Натела лежала, устремив задумчивый взгляд в потолок. Гоги сидел на корточках у стены, обхватив голову руками.

Отец снял пиджак, повесил его в шкаф. Достал ручку, подошел к Нателе и ласково сказал:

— А ну, дай-ка сюда дневник, дочка! Теперь я снова буду расписываться в ваших дневниках!..

«ДАР ПЕСЕННЫЙ И ЖИЗНЬ МОЮ ОТЧИЗНЕ ОДАЮ»

Нежданно грянувший с запада ураган 1941 года потряс всю нашу жизнь. На защиту Отечества поднялся весь народ. Перо было приравнено к штыку.

В первые же дни этой страшной войны раздался пламенный голос Алио Мирцхулава. «Братья и сестры! Нас взрастила родимая земля, она сладка и дорога нам. Нам дороги и нами любимы те места, где родина-мать впервые качнула нашу колыбель. Не дадим врагу топтать землю Грузии, нашу землю, нашу Отчизну. Мы должны остановить врага и отбросить. Мы это сможем! Мы совершим героические подвиги во имя Родины. Мы это сделаем! Уже сто пятьдесят лет Грузия не гнет выи пред иностранными порабителителями. Мы должны доказать врагу, что сегодня, как и в прошлом, грузин готов защищать свою свободу до последней капли крови. Нет чувства выше, чем чувство долга перед Родиной. Несколько месяцев назад я был на фронте и видел следы кровавых дел фашистских захватчиков. Я видел могилы, я видел города, по которым прошли гитлеровские орды. Жизни нигде не было и в помине. Везде пепел пожарищ. В одном прифронтовом селе (Личенске) я видел убитых гитлеровцами матерей и грудных детей. Но я видел и совершивших эти злодеяния зверей... Я глядел на них, и во мне клокотала ненависть, неужели эти изверги поработят нашу страну? Нет, этому не бывать! Не могут звери властвовать над людьми.

Нет! Не зовем мы спасать наши души,
 В близость победы мы верим,
 Волны осилим и грозно обрушим
 Меч свой на западный берег.

Скоро с победой вернемся мы с фронта,
 Путь наш окончится трудный,
 И, как луна, на краю горизонта
 Гордо покажется судно».

(Перевод П. Железнова)

Эти строки, написанные в первые дни войны, и теперь остаются образцом яркого, четкого и выразительного грузинского советского стиха. Они вдохновляли наших солдат, вселяли в них ненависть к фашистским захватчикам. Их автор — стоящий на страже своей Родины поэт-гражданин, поэт-боец. Проклятьем не ставшим на защиту Родины звучит его стихотворение, напечатанное в «Литературиули газети» на второй день войны:

Пусть ему молоко материнское станет	Прекрасной
ядом!	Родине нашей,
Пусть собакою бешеной мечется!	Одетым в тигровую шкуру горам,
Пусть его жизнь будет адом!	Беспредельной и ясной
Пусть его раны вовек не залечатся!	Шири степной под цветистыми узорами,
Пусть головы он никогда не приклонит!	Родине нашей, в труде нами созданной,
Пусть без дороги блуждает, измученный!	Светлому месяцу, солнцу родному,
Пусть его оползень горный догонит!	Кровле небесной, сверкающе-звездной,
Пусть его солнце закроется тучами!	Детям, и женам, и отчему дому!
...Тот, кто готовит измену	

(Перевод В. Державина)

А сам Алио Мирцхулава в то время так сказал о своем творчестве:

Пускай острее с каждым новым днем	Мои слова в проклятом вражьем стане.
Мое перо в бою злодеев ранит.	Дар песенный, любовь и жизнь мою
Пускай горят, взрываются огнем	Отчизне и народу отдаю.

(Перевод К. Арсенева)

Две последние строки предельно четко выражают главную идею стихотворения: поэт глубоко осознал свой долг перед Родиной и народом. Он готов пасть на поле боя ради спасения своей Отчизны:

Пусть упаду, как молния из туч,
Чтоб ночь пронзить, охваченную мглой,
И пусть меня не сыщет солнца луч,

И чанги струн я не коснусь рукою,
И кровью ран моих обагрена,
Надгробной ляжет песнею оца!

(Перевод К. Арсенева)

Это сильное патриотическое чувство клокочет в нем подобно хлынувшей из земли расплавленной лаве.

Поэт всеми своими помыслами с теми, кто на фронте. Он видит идущих в атаку бойцов, которых сравнивает с соколами и орлами, и призывает их уничтожить злое воронье:

Я оседлал горячего коня,
Крылатым ветром гриву разметало,
И стремена будили мир, звеня,

И молния из-под копыт блистала...
Орлы мне братья, вместе с ними я
Рассею злую тучу воронья!

(Перевод К. Арсенева)

Высокое мастерство и глубокая поэтическая проникновенность отличают стихотворения А. Мирцхулава о войне; они с одинаковой силой волновали как бойцов, бившихся на фронте, так и трудившихся в тылу людей.

В каждом новом произведении голос поэта звучал все громче. Он гремел и звенел, как боевой колокол.

«Эти стихи стояли бок о бок с советскими бойцами, они шли в ногу с нашей армией от подступов к Кавказу до вражеской берлоги. Ленинград, Сталинград, Севастополь, Ростов, Орел, Киев, Смоленск и затем большая дорога на запад — весь этот путь прошло и боевое слово Алио Мирцхулава. Оно подбадривало уставших, исцеляло раненых, славилло бойцов, вдохновляло их на новые подвиги...»¹.

Так писал о его стихах того времени не один критик; почти все писатели признали огромное значение стихов Алио Мирцхулава среди произведений, написанных на тему Отечественной войны. И это было отмечено на пленуме Союза писателей в выступлении И. Абашидзе: «Осенью 1942 года небольшая группа писателей находилась на Северном Кавказе в грузинских частях нашей армии, вступившей в смертельную схватку с врагом. У меня и сейчас перед глазами та картина: за горой, в тени больших деревьев стоит Алио Мирцхулава и читает свое стихотворение «Песня победы». Это стихотворение воодушевляло бойцов, они рады были видеть поэта рядом с собой в том кромешном огне. Товарищ Алио и там находил своего слушателя».

Без умолку трещали пулеметы, огненные языки распарывали темноту, враг ожесточенно наступал на Кавказ. Поэт был охвачен тревогой, он не мог оставаться в тылу и очень часто выезжал на фронт и там под свист пуль, в окопах рассказывал бойцам о жизни их матерей, детей, жен и любимых, об их бескорыстном труде в тылу:

Я видел ваших матерей,
они и в дни войны
о жизни всех своих детей
заботу полны.
...Я видел ваших жен. Без вас
им трудно на полях;

Но трудовой энтузиазм
сверкает в их глазах.
...Передают приветы вам,
идушим храбро в бой,
и шлют вам первые слова
по почте полевой.

(Перевод Н. Глазкова)

В стихах Алио Мирцхулава той поры таилась поистине взрывчатая сила. И он говорил истинную правду о том, что герои никогда не умирают — имена их живут в поколениях: «...Имя твое в века унесут потомки».

В таком разрешении темы бессмертия поэтом выражено новое отношение к смерти, новая животворная мысль, родившаяся у советских людей. Герой умирает, но дела его принадлежат живым, имя его не уходит из жизни. Это качественно новая грань в решении проблемы «быть или не быть».

Рожденная в огне Великой Отечественной войны целая плеяда героев показала истинные чудеса храбрости и отваги. Они не щадили своей жизни во имя любви к Родине. Преисполненные патриотизма стихи Алио Мирцхулава были так же необходимы бойцам на фронте, как пули и снаряды.

¹ Г. Маргвелашвили, Лирика Алио Мирцхулава, «Литератури газети», 1953, 22 мая.

«Мысль поэта была неотделима от героев-бойцов, его стихи о победе породили ненависть к врагу, вселяли в наших бойцов уверенность. Стихи этого периода — «Морской орел», «Братья», «Думы матери» — принадлежат к числу лучших произведений, написанных на тему Отечественной войны»¹.

К ним относятся и стихотворение «Стоят два города, два побратима», героическая защита этих двух городов — Ленинграда и Сталинграда — останется в памяти поколений как несравненный пример патриотической самоотверженности и мужества.

Бессмертны не только люди, защищавшие эти города, бессмертны и сами эти города. И перед читателем возникают не два города, а два героя-исполина.

Общезвестны героическая защита Ленинграда и могучий удар Сталинграда, переломивший хребет врагу.

Оба города превратились в развалины. Мины разрыли когда-то широкие и светлые улицы. Обрушились здания, пепел и пыль покрыли площади. Но города эти не сдались, они не пали. По-прежнему стоят два великих памятника — два города, два побратима.

«Вспомним дни войны, тяжелые и грозные, когда мы надели на себя серые шинели и ушли на фронт. Нас в достаточной степени опалил огонь войны, мы немало грязи помесили в окопах и траншеях, нам было трудно, но мы все вынесли. И тогда с нами рядом был и вместе с нами бился наш Алио Мирцхулава — бился своим стихом. Его стих приравнялся к штыку. Вновь стал острым и разящим. Тогда был написан «Морской орел». Это хвалебный гимн в честь Александра Цурцумия, героя-летчика, сгоревшего в небе. Это не только стихотворение — это бомба, сброшенная на врага»².

Большая идейно-политическая нагрузка стихов Алио Мирцхулава, их творческая энергия сочетаются с глубоким содержанием, совершенством формы. Утверждать это дают нам право стихотворения поэта, посвященные теме войны.

Вот ветер северный повеял,
от солнца отгоняя тень,
сверкающий над облаками
растекся багряницей день.

Кроваво-красными лучами
в полнеба запад засверкал,
бушуют сызнова знамена,
ведет народы мощный шквал.

(Перевод В. Любина)

Еще тогда, когда война находилась в своей напряженнейшей трагической фазе и пули свистели прямо над ухом, Алио Мирцхулава писал стихи, исполненные уверенности в победе, уже тогда он воспевал День Победы. Это поразительный пример реалистического видения грядущей победы:

Врагам бегущим в спину льются
потoki пуль и гордый гнев.

Эти строки выражают огромную веру в нашу силу, веру, которая в течение четырех тяжелых лет воплощалась в реальность. Подобные стихи вселяли в народ уверенность в конечной победе над врагом.

Стихи Алио Мирцхулава, написанные на тему Отечественной войны, завоевали ему почетное место в современной грузинской поэзии. В дни войны голос этого самобытного и мужественного поэта обрел и определенность, и силу, на каждый значительный факт или эпизод войны он отзывался высокохудожественным произведением. В каждой строке поэта ощущается безграничная любовь к Родине. Поэт твердо верил в то, что «наше дело правое, победа будет за нами»³.

Герои Алио Мирцхулава глубоко верят, что наивысшая красота в жизни — победа:

Ты верь, боец, твой меч булатный,
Коль вырван он из ножен во имя Родины,
Никогда не переломится.

(Подстрочный перевод)

Эти стихи очень точно и ясно передают настрой души поэта, его думы, мысли и переживания.

¹ Г. Ломидзе, Поэт патриотического мужества. Газета «Тбилиси», 1946, 13 января.

² В. Гьетадзе, Поэт, воспитывающий поколение. Газета «Сахалко ганацл-ба», 1959, 12 февраля.

³ Д. Шенгелая, Архив поэта.

В стихотворении «Волчьи следы» он обращается к необходимым ему мрачным тонам для того, чтобы рельефнее показать отвратительные образы варваров двадцатого столетия.

Жизнь убита. Смерть торжествует. Кругом извечная тишина. В селах пусто. Только ливень горячих слез питает искалеченную и изможденную землю. Это — результат «вчерашнего присутствия здесь немцев».

Да, здесь были враги. Пришли и уничтожили все. Все вокруг покрылось пеплом. У матерей отняли детей и на их глазах подняли на штыки. Повсюду возникли могильные холмы. Коварство, зло, жестокость, ложь, измена, пытки, убийства — вот те средства, к которым прибегали гитлеровцы для достижения своих целей. «Уничтожайте всех, кто сопротивляется, уничтожайте, уничтожайте! За это не вы отвечаете, а я. И потому уничтожайте!» — призывал гитлеровских солдат один из вождей фашизма Геринг.

Исполняя этот приказ, гитлеровцы уничтожали детей и стариков, пытали женщин и мужчин. Эти страшные картины встают в стихах Алис Мирцхулава: виселицы, расстрелы, гибель миллионов неповинных людей.

Вся страна — фронт и тыл; старики и молодые, мужчины и женщины участвуют в разгроме врага, забывая о личном, принося все на алтарь защиты Отечества. Это и отображено в стихах Алио Мирцхулава.

В то тревожное время поэт четко определил свой взгляд на конкретные темы: он показал глубоко человеческие и вечные особенности явлений как личного, так и общественного характера.

Война стерла границы между фронтом и тылом — оставшаяся дома мать шьет одежду находящемуся на фронте сыну и ушедшему в партизаны мужу и вместе с любовью шлет им наказ быть беззаветно самоотверженными во имя Родины.

Стихи Алио Мирцхулава характеризует еще одно ценное качество: когда он пишет о взаимоотношениях сына и матери, об их взаимной любви, он пишет о любви к Родине, материнская любовь возводится в степень любви к Родине.

Чувство свободы и любовь к отечеству — самые высокие чувства, которыми может быть наделен патриот. Этим настроением проникнуты стихотворения «Мать и сын», «Думы матери», «Мать». В них нежнейшие чувства и мысли обращены к матери-Родине.

Акакий Церетели и Илья Чавчавадзе создали притягательные героические образы грузинских женщин. Алио Мирцхулава достойно продолжил эту славную традицию классиков грузинской литературы.

Ты ушел, но я всегда с тобою.
Ты перед глазами, мой хороший,
Думы не дают мне днем покоя,
Ночью сны тяжелые тревожат.

Чудятся шаги твои повсюду...
Никого! Стучат часы лишь в доме,
Я глаза смежаю — тотчас будит
Лязг оружия, сабли звон знакомый.

(Перевод А. Кудрейко)

Сын на фронте, бьет врага. Мать дома день и ночь думает о нем. Печаль и горе съедают материнское сердце. Но пребывание сына на фронте не вызывает в матери чувства безнадежности. Она хочет не только, чтобы сын не погиб, она хочет, чтобы он бился смело и мужественно, разбил врага и с победой вернулся домой.

Все мысли оставшейся дома матери — о благоденствии Отчизны, и потому она призывает сына вершить героические дела:

О, родные, славные джигиты!
Топчет враг в долине наше поле,
Кровью сердце матери облито,
Сжалось сердце матери от боли.
Я над колыбелью наклонилась,

По ночам здесь пела я над вами.
И взрастила вас, и вражья сила
Вас вовек не сделает рабами.

(Перевод А. Кудрейко)

Сердце матери и сердце Родины — это одно неделимое целое. Во имя Родины мать готова пожертвовать своей жизнью и жизнью своего сына. Так осмыслил и высказал поэт свой взгляд на высокое назначение матери. Ее зов сын слышит повсюду:

И чтоб ты с победою на праздник
воротился в дом свой, и с тобою
мчался побратим твой—русский всадник,
спасший жизнь твою на поле боя.

Чтоб весенний, точно орлий клекот,
сыновья мои, ваш клич победный
сквозь сянние зари далекой
дослетел с предгорий заповедных.

(Перевод А. Кудрейко)

Мать страдает всеми горестями Родины. Но ее мужество непобедимо. Она верит в то, что меч сына уничтожит врага. Выполнить свой долг перед Родиной — вот в чем видит высшее назначение человека грузинка-мать. В стихотворении встает образ матери, высокой духом и благородной душой. А такое стихотворение Алио Мирцхулава, как «Братья», действительно одно из лучших произведений грузинской военной лирики. Человеческая любовь в нем возведена в высочайшую степень нравственности.

Поэт с большой эмоциональной силой отобразил преданность братьев Родине, их самоотверженность. Сказочно прекрасны души братьев, и это пробуждает в сердцах читателей пламя боевого патриотизма.

Это стихотворение написано на фронте в результате происшедшего на глазах поэта события. Немного можно назвать в грузинской поэзии стихотворений, которые имели бы в дни войны подобный резонанс.

Однажды в госпиталь привезли двух раненых братьев. Обреченные на смерть, они только и спрашивали друг о друге: как брат?

А море снов, как в бурю челн,
Качало койку, кружило палату.

И врач, констатируя смерть, прочел
В глазах бойцов агонию брата.

Палата умолкла. Братья уже не спрашивали друг о друге. Исчезли их жизни, но не исчезли их дела. Жизнь продолжается в героических делах братьев.

Кульминация этого стихотворения насыщена напряженной драматической ситуацией. Герои пали в бою, а кони их рыщут под огнем в поисках своих смелых всадников.

В этом стихотворении поэт весьма своеобразно показал великое чувство братской любви, и потому это произведение обрело в народе такую большую популярность.

«Песня победы», «Морской орел», «Стоят два города, два побратима», «Мкинвари» — замечательные образцы поэзии волнуют своей боевой героикой, диапазоном художественного обобщения.

«Мкинвари» — отклик на призыв «Ни шагу назад!». Мкинвари, стоящий на страже Дарьяля, одухотворен. Запорошенный «снежной сединой», он не дрогнул, не отступил ни на шаг. И на этот раз не избежать врагу его грозной непреклонности и мести.

В этом стихотворении выражено боевое настроение всего нашего народа в годы Отечественной войны¹, его мечты и чаяния.

Мкинвари — это Грузия, посевшая, но сохранившая свои исконные земли. И в Дарьяльском ущелье он возвышается, как мужественная и грозная сила. Он слышит грохот Терека и гулом отвечает ему, окруженный родными горами. Годы, которым нет счета, запорошили его снежной сединой. Из небесной голубизны он гордо глядит вокруг.

Да, горд и могуч Мкинвари. Он всегда выдерживал натиск врага. Ни на шаг не отступил назад страж Дарьяля.

А сегодня все грохочет и гремит вокруг. Движение туч всколыхнуло горы:

Поднимись же, мой гнев, ураганом,
Порази их жестоким возмездьем!

Не стервятникам виться поганым —
Надо мной пусть витают созвездья!

Далее следуют такие строки:

Я же в гневе своем небывалом,
Опершись, как на посох, на молнию,

На врага весь обрушусь обвалом —
Сам погибну, но долг свой исполню!

Здесь перед нами новый взгляд на природу, на ее одухотворение. О Мкинвари (Казбеке) много написано, но «Мкинвари» Алио Мирцхулава совершенно новое поэтическое явление. Это стихотворение отмечено чистотой чувств и возвышенностью интонаций.

Побывавшие на фронте бойцы никогда не забудут этих стихов Алио Мирцхулава. Вместе с бойцами они шли в атаку на врага. «Поэт Алио Мирцхулава поднялся на разбитый нашей артиллерией вражеский танк и под свист пул прочитал написанное на поле боя стихотворение «Мкинвари», — вспоминает полковник запаса К. Гвалиа в статье «Те незабываемые дни» («Соплис цховреба», 1967, 27 августа). — ...Грузинский пехотный полк неожиданно пошел в атаку, и после, когда была взята пылавшая в огне безымянная высота, там появилась седая голова Алио Мирцхулава».

¹ Ш. Радиани, Алио Мирцхулава, «История грузинской литературы», т. 3. стр. 330.

В тот же вечер поэт был награжден орденом «Красной Звезды». Своеобразно и интересно по своему героическому настрою и оптимистическому предвидению будущего стихотворение «Севастополь». Этот город на берегу Черного моря мужественно оборонялся. Враг временно захватил его, но не покорил. Севастополь продолжал бороться.

Волны бушующего моря напомнили поэту гнев народа: как невозможно остановить волны, так же немислимо пресечь стремление народа к свободе. Разгневанный народ неистово боролся за солнце, утопленное в море. Но вот вновь встает солнце и вновь оживают улицы Севастополя.

Враг уничтожал города и села, все утонуло в крови человеческой... Зверства фашистских поработителей по жестокости превосходили зверства всех иноземных захватчиков, вторгавшихся в Грузию.

С большим внутренним напряжением и волнением написано стихотворение «Старая шинель в Кремле». Эта серая шинель побывала в суровых битвах. Ей приходилось встречаться лицом к лицу с врагом; но она хранит и тепло ленинской руки. А на сегодняшний день, подобно «демобилизованному», отдыхает в Кремле и вспоминает прошлые бои:

И, вспоминая все бывшее,
не помнит более тяжелых
и изнурительных боев.

В этом стихотворении в своеобразной форме передается широкий круг явлений. Стиль его романтичен, возвышен.

Защищая социалистическую Родину, советские люди жертвовали собой, ради своих детей, сестер, матерей, отцов: они отстаивали их честь и достоинство.

Вдохновленные этими чувствами, бойцы Советской Армии разгромили и уничтожили врага под Севастополем, Сталинградом, Орлом, в Берлине. Вера в победу вдохновляла защитников Ленинграда. И убежденный в этой победе поэт предупреждал оголтелого, зарвавшегося врага:

Могилою — море фашистам,
Кровавою топью — земля,

Карают их смертью снаряды,
Увеча и пепеля.

Алио Мирцхулава верил в неизбежность бури народного мщения, которая раз и навсегда сотрет с лица земли фашистских варваров.

Навсегда останутся в памяти читателей стихи Алио Мирцхулава, посвященные героической гвардии Таварткиладзе:

На всех фронтах громит врагов
Отечество мое;

Стальная армия орлов
погнала воронье.

(Перевод Н. Глазкова)

Это стихотворение написано на фронте. Светлый оптимизм и боевое настроение, жажда борьбы и жизни, мужество и преданность Родине, которыми оно насыщено, вдохновляли бойцов на подвиги.

Алио Мирцхулава был на Сталинградском, Ленинградском, Западном, Кавказском фронтах; он личным примером вселял в бойцов веру в победу. Его стихи военного периода — великолепные образцы высокой идейности, жизненной связи с интересами народа, с его героическим духом, несгибаемой волей.

Стихи поэта ежедневно печатались в газетах и журналах, на плакатах. Он выступал по радио, на митингах, в аудиториях.

«Среди произведений, созданных им на тему Отечественной войны, особое место занимает цикл стихов «Клятва», — пишет Ш. Шенгелия в статье «Пламенные певцы Октября». «Июньский день был схож с землетрясением» — так начинается стихотворение «Мтацминда». Для ясного и четкого выражения мысли в нем использованы все поэтические аксессуары. Июньский день 1941 года был днем, когда «тень чудовища легла на солнце» и «страну объяла печаль».

Алио Мирцхулава глубоко осознавал и понимал свой долг перед родным народом и страной. Его главной творческой задачей было убедительно показать обязательность и закономерность нашей победы, изобразить моральное могущество советского народа и сделать свое боевое творчество духовным оружием в борьбе с жестоким и коварным врагом.

Участник Великой Отечественной войны К. Гвалии вспоминает: «Танки капитана Бориса Стуруа уничтожили сотни фашистских солдат. Но радость победы была омрачена гибелью смелого воина Бориса Стуруа. Его друзья достали у него

из нагрудного кармана гимнастерки пробитый пулями партийный билет и небольшой сборник стихов Алио Мирцхулава»¹.

Стихотворение «Битва с чудовищем» повествует о героическом единении народов. И природа им сочувствует («Лес захопал в ладоши листьев»). Вздыхая, знамена, идут они с обнаженными мечами. Братья «гнали чудовище на запад», плечом к плечу пройдя сквозь огонь, уничтожили врага...

Заключительное стихотворение цикла — «Песня победы». В город под звуки победных фанфар возвращаются герои войны. «Столица празднично встречает прошедших сквозь огонь бойцов». Победные знамена затмили небо...

Стихи Алио Мирцхулава, написанные на военную тему («Песня победы», «Стоят два города, два побратима», «Братья», «Думы матери» и многие другие), вошли в золотой фонд грузинской поэзии.

В стихах этого периода поэт с большой поэтической силой отобразил твердую волю к победе всего советского народа, его боевой дух.

¹ Е. Бартая, Тема Великой Отечественной войны в грузинской поэзии, «Ганатлеба», 1967, стр. 177.

Лина ХИХАДЗЕ

ВОСПРИЯТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА В ИНОНАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Мысль о том, что литературе, как и всякому искусству вообще, необходимо сотворчество читателя (Ромен Роллан писал как-то, что, когда произведение рождается, «оно только начинает быть»), иначе говоря, проблема читательского восприятия все более занимает литературоведов¹.

Здесь мы остановимся на одной специфической сфере читательского восприятия — сфере переводческой деятельности. Переводчик — тоже читатель, причем читатель своеобразный, аналитик и исследователь. При этом в отличие от рядового читателя читатель-переводчик индивидуально выраженную мысль должен не только прочувствовать и понять, но и «услышать», и не просто передать, а заново «воссоздать» на другом языке.

Многое из того, ЧТО слышит переводчик и КАК воссоздает на своем языке, заранее обусловлено цепью причин далеко не случайного характера.

Перевод как активнейшая форма творческого взаимодействия литератур служит многим важным задачам их национального развития. Здесь с особенной непреклонностью действует принцип, о котором Л. Толстой говорил применительно к творчеству отдельных писателей, — знать, что твое или еще важнее — что не твое. Эта избирательность отбора в художественном опыте других народов того и только того, что отвечает тем же запросам духовной жизни, что и национальная литература, — очень знаменательный факт. Ею и объясняется, видимо, что переводческая способность к сотворчеству, стимулируемая и направляемая духом времени и требованиями родной культуры, из многозначной и многогранной художественной действительности переводимого произведения выбирает какую-то (или какие-то) грань, иногда не основную, иногда даже затененную в условиях той страны, где произведение родилось. Но именно потому оно обретает вторичную жизнь в иноязычной среде и становится фактом иноязычной литературы. Можно утверждать даже, что такое «прочтение» художественного произведения переводчиком — именно закон, закономерное проявление вторичной жизни произведения в новой национальной среде. (Здесь имеется в виду активное восприятие, когда творчество иноязычного автора служит тем же задачам национального развития, что и оригинальная литература. Его следует отличать от пассивного восприятия, цель которого, в первую очередь, познавательная).

Проиллюстрирую это положение выразительными, на мой взгляд, примерами из истории восприятия и «прочтения» пушкинского и лермонтовского творчества грузинскими переводчиками. Восприятие их творчества новой для них национальной грузинской средой дает в этом смысле интерес-

¹ См. Художественное восприятие. Сб. статей под редакцией Б. С. Мейлаха, Ленинград, 1971.

нейший материал для наблюдений. Особенностью восприятия и Пушкина, и Лермонтова в Грузии до 60-х годов XIX века было то, что ими интересовались исключительно как поэтами. Это понятно. Высоко развитая в стране стиховая культура легко и органически усвоила художественный опыт гениальных поэтов.

В 60-х годах Пушкин и Лермонтов «усваиваются» (термин Белинского) грузинской литературой и как прозаики.

В 1861 году в № 12 журнала «Цискари» публикуется первый перевод прозы Пушкина — повесть «Выстрел» (переводчик А. Пурцеладзе). В 1863 году в журнале Ильи Чавчавадзе «Сакартвелос моамбе» печатается перевод глав из «Героя нашего времени», осуществленный ближайшим соратником редактора Михаилом Кипиани. Вполне закономерно и это. Требуется стоял вопрос о приспособлении литературы к общенациональным задачам, и не только в области художественного восприятия и воспроизведения действительности, но и в области научной, гражданской, государственной. Это соответствовало духу времени, новым социальным условиям, усложнившейся духовной жизни грузинского народа, росту его национального самосознания.

Обращение к пушкинскому «прозе мыслей», с ее предельным лаконизмом, спокойной чистотой неярких красок и полным отказом от всяческих украшений, легкость усвоения аналитической и глубоко интеллектуальной стихии лермонтовского прозаического языка были не только симптомом роста реализма — они означали еще и полемическую противопоставленность стиля, который утверждался в новой грузинской литературе, сентиментально-романтической традиции. В этом смысле полемичен сам факт появления в новом журнале перевода романа, в прозаическом стиле которого Белинский видел «противоядие чтению повестей Марлинского» (Бестужев-Марлинский был представлен в «Цискари» с особенной щедростью. В частности, переводы его «кавказских повестей» — «Амалат-Бека» и «Муллы-Нура» печатались в №№ 1—8 за 1852 год).

Все эти факты интересны, потому что свидетельствуют, говоря словами Веселовского, о «...встречных течениях, сходном направлении мышления, аналогичных образах фантазии»².

Но, как уже было замечено, интерпретация художественного произведения в ином национальном контексте обнаруживает зачастую «направление мышления», за которым — иной духовный и национальный опыт и другая культурно-историческая среда. Отсюда и своеобразия прочтения переводчиком про-

изведения, акцентировка каких-то моментов, приглушенных в родной среде.

Почему, например, из белинского цикла грузинский переводчик выбрал повесть «Выстрел»?

Ответ на этот вопрос открывает перед нами любопытные вещи, которые были выявлены в ходе известной полемики вокруг имени Пушкина, развернувшейся в России в 60-х годах минувшего столетия. Чернышевский и Добролюбов не отрывали самого Гоголя от пушкинской традиции и в творчестве Пушкина видели зачаток тех критических элементов, которые получили свое дальнейшее развитие в гоголевском направлении. Правда, в их статьях встречается высказывания в том роде, что Пушкин по преимуществу поэт-художник, а не поэт-мыслитель. Эти замечания, несправедливость которых сейчас очевидна, объясняются условиями общественной борьбы 50—60-х годов XIX века и не снимают их правильной исторической оценки пушкинского творчества.

Грузинские шестидесятники оценивали творчество Пушкина аналогично тому, как его оценивали русские революционные демократы. Более того, думается, что их восприятие действительного, революционного духа пушкинского творчества было в какой-то степени более безоговорочным и острым. Ни в одной из литературно-критических статей грузинских шестидесятников нет противопоставления Пушкина Гоголю, и наоборот, о них упоминают неизменно в одном ряду, как о писателях в одинаковой мере нужных современности в свете ее насущных задач.

Все это, несомненно, повлияло на выбор переводчика. Он, этот выбор, несомненно, связан с тем «тревожным началом» повести «Выстрел», о котором упоминали все исследователи после Белинского.

«Сказывают, что Сильвио во время возмущения Александра Ипсиланти предводительствовал отрядом этеристов и был убит в сражении под Скулянами».

В отсвete этой лаконичной концовки прочитана переводчиком и вся повесть о короткой и странной жизни, исполненной борьбы за личную честь, окончившейся борьбой за национальную честь чужого народа.

Один любопытный факт из творчества самого А. Пурцеладзе. Через десять лет после перевода пушкинской повести он пишет повесть «Горе правым», героя которой отправляет на парижские баррикады, где он и пал со знаменем в руках.

Естественно, возникают литературные reminiscences — пушкинский Сильвио, тургеневский Рудин. Но современники вспоминают, что в Тифлисе существовал в то время кружок (в него входил и А. Пурцеладзе), члены которого до такой степени прониклись идеями французской революции, что решили отправиться в Париж на по-

² А. Н. Веселовский. Разыскания в области русского духовного стиха, вып. V. Сб. отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. 1889, т. V, № 6, стр. 115.

мощь коммунарам...³ А. Пурцеладзе заставил своего героя совершить то, о чем они мечтали и чего не сумели практически осуществить. В этом плане воспринят переводчиком и пушкинский Сильвио.

«Гул романтического моря» (выражение Д. Д. Благого), вольнолюбивый пафос, высокая героика молодого Пушкина, подспудно звучащие в повести и определившие ее «тревожное начало», как бы раскрепощены переводчиком, вынесены из подтекста на поверхность. Произведение осмысленно и прочитано как призыв к национально-освободительной борьбе, и такое прочтение пушкинской повести было актуально для Грузии 60-х годов прошлого века.

Еще интереснее в плане осмысления восприятия художественного произведения в инонациональной среде перевод «Героя нашего времени», осуществленный М. Кипиани.

Из повестей лермонтовского цикла переведены, кроме предисловия, три — «Бэла», «Максим Максимыч», «Тамань», не переведены — две: «Княжна Мэри» и «Фаталист».

Случаен или не случаен такой выбор? Думаем, что не только не случаен, но глубоко продуман и связан с общей интерпретацией произведения в грузинской общественно-литературной среде.

Известно, что напряженный психологизм двух последних повестей цикла подчинен единой задаче — раскрытию внутреннего мира героя, чей трагический индивидуализм, отображая неприятие сильных и гордым человеком существующей социальной действительности, имел в условиях последнекабарьской эпохи громадный прогрессивный смысл. Но уже в 40-х годах прошлого века в русской критике явно намечается новое отношение к типу «лишнего человека». К 50—60-м годам, когда процесс демократизации стал уже непреложным законом русского художественного развития, когда онегинско-печоринская тема окончательно потеряла свою прежнюю значительность и революционно-демократическая критика подводила уже итоги этому процессу (статья Чернышевского «Русский человек на ганде vous», статья Добролюбова «Что такое обломовщина?» и т. д.), перевод произведений, посвященных горьким душевным мятарствам «лишнего человека», мог иметь только абстрактный культурно-исторический интерес.

Но передовые грузинские литераторы стремились использовать перевод для утверждения своих социальных и эстетических принципов. Именно этот подход лежит в основе отбора повестей из лермонтовского цикла. В грузинском переводе печоринская тема отнесается в пользу народ'той, низовой демократической стихии цикла. Предпочтение отдается не тем повестям цикла, где личность еще романтически ги-

пертрофирована (хотя уже социально обусловлена), а тем, где присутствуют образы людей из народа с их простыми будничными радостями и печальми.

Повесть «Бэла» для журнала «Сакартвелос моамбе» имела еще, несомненно, и особый, специфический интерес в силу своей приглушенной и все-таки ясно чувствуемой (а грузинским переводчиком воспринятой очень чутко) антиколониальной направленности. Мы часто (и справедливо) говорим о душевности, спокойной ясности людей типа Максим Максимыча, не акцентируя того обстоятельства, что в условиях колониальной истребительной войны эта ясность могла быть следствием только узости и ограниченности мышления, так сказать, интеллектуальной детскости. Добродушный Максим Максимыч со всеми его золотыми качествами был все-таки нерассуждающим проводником политики царского правительства на Кавказе.

Горят аулы, нет у них защиты...

Горит черкесской вольности костер.

Пронзительные строки из романтической поэмы «Измаил-бей» в «Герое нашего времени» находят реалистическое обоснование. Добрейший Максим Максимыч был из тех, кто тушил этот костер с невозмутимым сознанием честно исполняемого долга. Лермонтов это знал. Вот почему Максим Максимыч даже ретроспективно не в состоянии понять внутреннего смысла той драмы, какой была для горянки Бэлы любовь к русскому офицеру.

Максим Максимыч же, балующий Бэлу, все-таки оставался для нее чужим, «гяуром», между ними была дистанция, которую она интуитивно безошибочно чувствовала и которая допускала только ласково-шутливые отношения — не более того. «Все надо мной, проказница, подшучивала» — вспоминает Максим Максимыч. Ей, одинокой в крепости, в обществе двух мужчин, один из которых сумел вызвать в ней такое сильное и трудное чувство, естественно бы видеть в ласковом Максиме Максимыче друга и опору. А вместо этого? «О чем ты вздохнула Бэла? Ты печальна?» — «Нет». — «Тебе чего-нибудь хочется?» — «Нет». — «Ты токуешь по родным?» — «У меня нет родных». — Случалось по целым дням кроме «да» да «нет» от нее больше ничего не добьешься». Однажды она проговорила было: «Начала говорить, только как вы думаете, о чем?.. Этакая мысль придет ведь только умирающему!.. Начала печалиться о том, что она не христианка и что на том свете душа ее никогда не встретится с душою Григория Александровича, и что иная женщина будет в раю его подругой. Мне пришло на мысль окрестить ее перед смертию: я ей это предложил, она посмотрела на меня в нерешимости и долго не могла слова вымолвить; наконец отвечала, что она умрет в той вере, в какой родилась».

³ З. Чичинадзе, Парижская коммуна и грузинская общественность, «Дроша», 1924, № 10.

Сложный, нежный и строгий облик, который приоткрывается нам в этих строках, — это идет от автора, незримо, но явно присутствующего на каждой странице романа. Что касается Максим Максимыча, то он опять ничего не понял, не осмыслил.

Показательно, что даже в ласковую отеческую привязанность Максим Максимыча к Бэле проникло это добродушно-презрительное, исключаяющее равенство отношение.

В двух аспектах воспринимается и Казбич. С одной стороны — оборванец с «разбойничьей рожей» (это в аттестации Максим Максимыча), а за ним и контрастируя с ним возникает образ, овеванный песенной звонкостью, исполненный романтики и своеобразной поэзии дикой воли, образ свободноголюбца, джигита, удалыца.

Трезвая оценка политики царского самодержавия на Кавказе делала «Бэлу» по-настоящему «кавказской» повестью в отличие от повестей Марлинского, например, с их опереточным декоративным блеском и мишурной красотой.

Более того, в условиях утраты Грузией национальной независимости, когда лучшие страны, считая присоединение Грузии к России исторически необходимым, прогрессивным государственным актом, благородно и бережно усваивая все достижения передовой русской культуры, не переставали гневно осуждать политику самодержавия, политику чиновничьей верхушки, вычленение из лермонтовского цикла «Бэлы» имело, несомненно, не только литературный, но и общественно-политический интерес.

Владимир ДЖИБУТИ

ДВА ЭСКИЗА К ПОРТРЕТАМ

Георгий Кучишвили — поэт вдохновения и высоких чувств. Пламенный патриот, он получил признание и читателей, и соратников по перу.

— Георгий Кучишвили, — говорил Геронтий Кикодзе, — пришел в литературу со своей ярко выраженной темой и обогатил мир грузинской поэзии мотивами труда и борьбы. Но он и истинный лирик. Эта очень важная и интересная сторона его поэзии, к сожалению, пока мало изучена. Кучишвили необыкновенно чуток к народной поэзии; отсюда — непосредственность его как художника. Есть у Г. Кучишвили и философские стихи, и в их основу легла народная мудрость. Когда я перечитываю завещание и эпитафию Кучишвили, невольно напрашивается сравнение с французским поэтом Франсуа Вийоном. Эта параллель может показаться притянутой, но суть ее в том, что у Кучишвили была такая же, как и у французского поэта, бурная, полная приключений и страданий молодость.

Геронтий Кикодзе, помню, добавил, что он непременно напишет о лирике Георгия Кучишвили. И в 1956 году он выполнил свое обещание, написав статью, раскрывающую богатый мир лирической поэзии Кучишвили.

Георгия Кучишвили с полным правом можно называть народным поэтом

— в его стихах выражались чаяния грузинского народа. Поэзия Кучишвили продолжает волновать и сегодня, она воплотила в себе немало «жизненной правды».

Ни на минуту не забывал он, что быть поэтом сложно и почетно. Являясь подлинным поэтом-трибуном, Кучишвили прекрасно понимал, что безыдейное, лишненное содержания искусство не приносит людям пользы. Он говорил: «Ничемное занятие писать стихи, в которых нет мысли, крови, мускулов, хребта, которые не согласуются с бурным веком, не звенят, как сталь. Такие стихи лучше выбросить в мусорный ящик или отдать детям для игры в бирюльки».

Отмеченные вдохновением стихи Г. Кучишвили о наших свершениях и героических буднях, о дружбе и любви отвечают духовным потребностям и идеалам современного человека.

Впервые с Георгием Кучишвили я встретился в годы Великой Отечественной войны. По инициативе Союза писателей Грузии и землабчальской средней школы в клубе стекольного завода состоялся большой антифашистский вечер. Был тысяча девятьсот сорок первый год.

Георгий Кучишвили со свойственным ему темпераментом прочитал два стихотворения. Его внутреннее горение, патриотическое воодушевление переда-

вались слушателям, вставая в них веру в торжество правого дела.

10 декабря того же года был устроен еще один литературный вечер, уже в Дигоми. На нем присутствовали Александр Абашели, Георгий Кучишвили, Соломон Тавадзе, Александр Кутатели, Константин Чичинадзе, Симон Чиквани, Виктор Габескирия, Алеко Шенгелиа и другие. На протяжении всего вечера я держался вблизи Георгия Кучишвили. Он заметил это и вдруг спросил меня: «Вы любите поэзию?». Я ответил, что очень люблю, и стал читать наизусть его стихи. Лицо Георгия осветила улыбка.

— Стихи облагораживают душу, — сказал он мне дружески, — они нужны нам в борьбе, в труде, в праздники и даже в горе. Но если они не пережиты, не выстраданы, не насыщены убежденностью, то сила их воздействия очень мала, незначительна.

Осенью 1942 года начальник Тбилисского пункта эвакуирования Совета народных комиссаров Грузинской ССР Григорий Хурцилава и я — уполномоченный этого управления — ожидали на вокзале прихода очередного эшелона с эвакуированными. Вдруг мы заметили группу наших писателей. Я сразу же подошел к Георгию Кучишвили. Он узнал меня, тепло поздоровался и сказал, что едет с писательской бригадой на Северокавказский фронт.

Как известно, бригада грузинских писателей с честью выполнила свой долг. И поэтический голос Георгия Кучишвили звучал в те трудные дни во всю свою поэтическую мощь, вдохновляя советских воинов на подвиги.

Георгий Кучишвили, человек нежного, легко ранимого сердца. Природа одарила его душевной добротой, он всегда был готов протянуть другу руку помощи.

* * *

Перу Акакия Белиашвили принадлежат интересные произведения как на современные, так и на исторические темы. Читатель хорошо знаком с его книгами.

Не так давно я присутствовал на литературном вечере в клубе одной фабрики и еще раз убедился, с каким неослабным интересом читают романы Белиашвили люди разных профессий.

Акакий Белиашвили писал легко, свободно, простым и доходчивым слогом, но сколько упорного кропотливого труда скрывалось за этой видимой естественностью, как он придирчив был к своим произведениям, переписывая и редактируя их по несколько раз.

Когда читалось его сдобренную лукавым юмором «Швидкацу», трудно даже представить себе, через какую авторскую правку прошла эта повесть, как испещрен

был новыми поправками уже набранный текст. Статьи, обидно, что с этим интересным произведением, написанным в последние годы жизни писателя, мало знаком русский читатель.

Акакий Белиашвили с увлечением создавал рассказы и романы о современной ему действительности, но особенно волновала его жизнь наших металлургов.

— Рустави, — говорил он, — большое историческое явление, поэтому художественное воплощение труда грузинских металлургов — прямой и святой долг наших писателей.

У Акакия Белиашвили слово не расходилось с делом. Он первым из грузинских писателей создал крупное полотно о трудной и почетной работе металлургов Рустави — роман «Вепхиа Халибаури» (в русском переводе — «Рустави»).

Прочитав этот роман, я написал статью, и вскоре она появилась в нашей литературной газете. Через несколько дней я встретил Акакия в коридоре Союза писателей, он отвел меня в сторону.

— Не скрою, мне приятно было увидеть твою статью в «Литературной газете», — сказал Акакий, держа меня за локоть. — Ты верно понял идейный замысел романа. Но почему-то и словом не обмолвился о недостатках. Может, автору не следует говорить о своих промахах, но я их прекрасно вижу и постараюсь исправить. Я еще в гранках заметил кое-какие просчеты, но когда перечитал в журнале, то понял, что роман надо хорошенько подчистить, отшлифовать, довести до «кондиции». Илья Чавчавадзе говорил, что критик должен одновременно и разбирать произведение, и выявлять его суть, и оценивать. Какую иначе пользу принесет критика писателю или читателю? Что нам прибавится, если будем только расхваливать друг друга? Думаешь, я не догадываюсь, почему ты умолчал об Арчиле, одном из главных героев моего романа?

Мне ничего не оставалось, как признаться Акакию в том, что некоторые персонажи «Вепхиа Халибаури» получились, на мой взгляд, бледными, «сырыми». В частности, Арчилу присущ некоторый налет резонерства.

— Так чего же ты набрал воды в рот? — сказал с упреком Акакий. — Побоялся обидеть меня? Напрасно. Честная, пусть даже резкая критика выводит из себя только тех людей, кто не верит в свои силы.

Признаться, я был удивлен и обрадован этим замечанием Акакия Белиашвили. Что греха таить, подобное можно слышать от писателей не так уж часто. Увы, многие не любят критики, считают даже пустяковое замечание личным оскорблением, покушением на их авторитет.

— На критику, — продолжал Акакий Белиашвили, — возложена большая и ответственная задача. Велика ее роль. Кри-

тика помогает писателю, ориентирует его. Однако критика, отстраненная от ритма жизни, лишена вдохновения, обречена на прозябание. Критическая статья должна читаться как стихотворение, рассказ или роман. Только такая критика способна завоевать авторитет и доверие.

Из грузинских критиков Акакий Белиашвили высоко ценил Г. Кикодзе, Б. Жгенти, Г. Джигладзе, Л. Каландадзе, Г. Натршвили, Е. Карелишвили.

— Геронти Кикодзе, — говорил он, — никогда не кривил душой и не писал того, что перечило его совести. Книги Кикодзе обогащают нас, дают повод для раздумий, двигают вперед литературную жизнь.

Однажды в беседе с Белиашвили я высказал давно вынашиваемую мной мысль о том, что новый этап развития грузинской прозы, приобщение ее, так сказать, к европейской прозе начинается с переводов Шекспира, осуществленных И. Мачабели.

— Интересное наблюдение, — сказал Акакий, — только я должен добавить, что советский роман уже совершенно иное, новое явление. В советском романе главный герой не вступает в противоречие, в конфликт с обществом, а выражает его идеалы, веру, стремления. В этом отношении мне лично очень нравится и кажется типичным роман Александра Кутатели «Лицом к лицу». На глазах молодого интеллигента Корнелия Мхеидзе происходит рождение новых форм жизни, и эта борьба нового со старым формирует его мировоззрение. Должен заметить, что в грузинской художественной литературе А. Кутатели первым создал образ интеллигента, верно понявшего закономерности исторического развития и требования времени. Конечно, «перековка» Мхеидзе не происходила безболезненно. Автор художественно правдиво и убедительно показывает внутренние борения своего героя, которые приводят его в конце концов в ряды строителей нового общества. И в этом логика истории. По достоверности и глубине психологического анализа я ставлю роман Александра Кутатели в число лучших художественных произведений нашего времени.

Акакий Белиашвили был неутомимым, беспокойным человеком. Печать этой неу-

мноности характера лежит почти на всех его произведениях.

Однажды я прочитал в газете его фельетон о мальчишках, которые, развлекаясь, бросают в идущие поезда камни. Я знал, что Акакий с головой ушел в работу над новым романом, и был просто удивлен, как этого человека хватает на все. При первой же встрече с Белиашвили я сказал ему откровенно, что писателю, по моему, не стоит отвлекаться от главной темы, переключение на другие вопросы может помешать, сбить с ритма.

Акакий возразил мне.

— Во-первых, — сказал он, — для писателя не существует больших и маленьких тем. А во-вторых, эти метатели камней ставят под угрозу жизнь человека. Ну как я мог оставаться сторонним наблюдателем?! Работать над романом мне мешает не переключение, как ты говоришь, на другую тему, а скорее тревога за жизнь пассажиров.

Акакия Белиашвили часто приглашали на встречи с читателями на заводы, фабрики, в Дом офицеров, и он охотно откликнулся на такие приглашения. Мы, его друзья, тоже любили ходить с ним на читательские конференции или встречи.

Одно из его коротких выступлений я даже записал.

— Я ни на минуту не сомневаюсь, — обратился Акакий к аудитории, — что каждый из вас хорошо знаком не только с произведениями грузинских писателей, но и с достижениями всей советской литературы. И это очень приятно. Мне было радостно слушать, с какой заинтересованностью и требовательной любовью вы говорили о наших писателях. Ведь только тот писатель может стать жнецом любви народной, кто отвечает его духовным потребностям, сеет зерна добра. Поэтому слова любви и уважения, сказанные вами сегодня, я отношу ко всей грузинской литературе...

«Таков наш Акакий — скромный, обаятельный, чуждый зазнайству», — написал я в тот вечер в своей записной книжке.

Акакия Белиашвили мы знали как писателя и общественного деятеля широкого диапазона. Его произведения, служа современности, были устремлены и в будущее.



НЕМЕЦКИЙ ПОЭТ XIV ВЕКА В ГРУЗИИ

Поскольку среди уже изученных иностранных материалов, связанных с Грузией, нет ни одного упоминания о пребывании на грузинской земле в эпоху средневековья европейских писателей, создается впечатление, будто они непосредственно познакомились с Грузией лишь в XIX веке; более раннее их представление об этой стране исчерпывалось информацией путешественников и летописцев, миссионеров и ученых.

Коррективы в такое представление о Грузии вносят сведения о пребывании здесь немецкого поэта XIV века Освальда фон Волькенштейна. Об этом миннезингере, воспевавшем любовь и рыцарство, известно не так уж мало. Говорят, что тирольский князь — рыцарь Освальд фон Волькенштейн (1377—1445) прожил беспокойную, полную опасностей жизнь. Десяти лет он покинул родной дом. Объездил Францию и Англию, Португалию и Испанию, Италию и Швецию; побывал в России, Турции, Персии... Принимал участие в боях и походах. Вместе с войском императора Сигизмунда в 1396 году боролся с турками под Никополем; был замешан во внутренних распрях тирольского дворянства; шел войной против шведов, англичан, арабов и чешских гуситов. Считаясь, был то купцом, то моряком, то наемным воином. Трижды попадал в плен. В 1409—1410 гг. по требованию возлюбленной, отправился в Иерусалим поклониться святым местам.

Освальд фон Волькенштейн писал в ту пору, когда в Европе в связи с падением дворцовой культуры, пришел конец и придворной литературе — миннезангу. Освальд фон Волькенштейн считается самым значительным и оригинальным поэтом своего времени; пытаясь сохранить прошлое величие миннезанга и идеализировать политические интересы падающего феодализма, он все же отдавал должное интересам возвышающегося бюргерства. Вследствие этого кургузый элемент в его творчестве все больше уступает место бытовым зарисовкам и размышлениям о современном общественном положении. Своя песня Волькенштейн превратил в поэтический дневник личной жизни, в силу чего его считают

далеким предтечей великого Гете. Поэт написал 125 песен. Первый полный сборник его стихотворений был издан в 1847 году в Инсбруке историком Беда Вебером.

В своих стихотворениях Волькенштейн описывал увиденное и пережитое. В отличие от других классиков миннезанга, которые идеализировали потусторонний мир, Освальд фон Волькенштейн ставит в центр внимания земное бытие и житейскую правду, воспевает супружескую любовь и семейное счастье. В некоторых стихотворениях осуждаются развращенность и вероломство аристократии, говорится об угнетении и преследовании справедливости.

Своеобразный след в творчестве Освальда фон Волькенштейна оставило пребывание в плену в России, где он и изучил русский язык. О своих впечатлениях той поры поэт рассказывает в четырех стихотворениях (№ 36, стр. 77, № 59, стр. 46, № 107, стр. 7, № 11, стр. 133). Кроме упоминаний о России, мы встречаем в его поэзии конкретный лексический материал русского языка. «Milla shena» — милая жена, «draga Griet» — дорогая Грета, «twoia» — твоя и др.; в силу этого его стихотворения считаются ярким примером так называемой «разноязычной поэзии» («Mischpoesie»).

Сам по себе интерес Волькенштейна к России не удивителен. Понятия «Русь» и «русские» часто встречаются в немецком рыцарском эпосе и произведениях поэтов средневековья. Так, наряду с влахами и поляками, греками и «дикими печенегами» в «Песне о Нибелунгах» упоминаются киевляне, прибывшие из России в страну гуннов; в саге о Дитрихе Бернском, в частности в некоторых редакциях «Вольфдитриха» и «Розового сада» действуют русские Хертнит и Хартунг («Hertnit und Hartung»); в «Песне об Анноне» («Annolied») расхваливаются подарки, привезенные немецкому князю из России; поэт Фома Марнер подтверждает, что поклонники эпического пересказа наряду с рассказами о битвах Зигфрида и Тристана любили послушать и о сказочных боях русских (Riuzen). О русских упоминает также поэт Гуго фон Тримберг.

Для нас же наиболее интересен следующий факт из биографии Освальда фон Волькенштейна: в 1389 году с караваном купцов сухопутным путем он спустился к Крымским берегам Черного моря, где попал на купеческую бригадирину, направившуюся в Трапезунд. Судно это разбилось о подводные скалы и поэт спасся, выплыв на бочке, оставшейся чудом после кораблекрушения. Об этом говорится в достаточно длинном стихотворении (№ 64), которое по предположению исследователей может быть отнесено к 1416 году. Из этого же стихотворения мы узнаем, что вместе с его автором спускался еще «один русский» («Ein Reusse»).

Больше ни о чем поэт не сообщает. Однако его издатель и биограф Беда Вебер доказывает, что несчастный случай произошел по дороге в Трапезунд. По словам Беда Вебера, чудом спасшийся поэт пристал к восточному берегу Черного моря и оттуда отправился в Армению и Персию. Эту версию подтверждают и другие исследователи, например, Ф. Фогт и М. Кох, а также М. Алексеев и Б. Пурищев. То, что Освальд фон Волькенштейн был в вышеупомянутых странах Малой Азии, по нашему мнению, бесспорно. Но, чтобы попасть туда, ему нужно было пересечь территорию Грузии. И действительно, в одном из своих любовных стихотворений, перечисляя страны, в которых он побывал, поэт упоминает «Ибернию» («Ibernia»). Именно это сообщение для нас важно и интересно.

Следовательно, Освальд фон Волькенштейн, немецкий поэт — миннезингер XIV века, согласно его же сообщению был в Иверии, то есть в Грузии. Правда, на основании доступных для нас материалов трудно сказать что-либо о конкретных впечатлениях немецкого поэта о Грузии, но уже интересен сам факт его пребывания в нашей стране.

Это все изложено мной в статье, опубликованной в газете «Тбилиси» (1963, № 64); путем позитивного изложения своих мыслей я дискутирую в ней с некоторыми комментаторами текстов Освальда фон Волькенштейна в связи с толкованием слова «Иберния». На-

пример, вышеупомянутый Беда Вебер в 1850 году высказал предположение, что «Иберния» означает «Ирланд» («Ireland»), то есть сегодняшнюю Ирландию, и на этом построил фантастическую цепочку о путешествии миннезингера в Переднюю Азию. В отличие от него И. Зиберт, ссылаясь в 1934 году на одно из стихотворений старого немецкого поэта Тангейзера (№ V, 164), представил «Ибернию» — Иберийским полуостровом, «Ирландом», причем упустил из виду тот факт, что у самого Волькенштейна Иберийский полуостров упоминается как «Ирлант» («Irlant», 26, 25) и, следовательно не имеет ничего общего с «Ибернией».

Другие исследователи, например, Конрад Лестер, Вернер Марольд и Нойберт Майер, ничего не говорят об этом интересующем нас слове и оставляют его без комментариев.

После того как эти соображения были опубликованы, у нас появилась возможность познакомиться с исследованием Ульриха Мюллера, который, рассматривая стихотворения Освальда фон Волькенштейна «Поэзия» и «Правда», подтверждает, что, перечисляя страны, в которых он побывал, поэт упоминает Грузию. «Иберния», упоминаемая Волькенштейном, — пишет он, — не «Ирландия» и не Иберийский полуостров, а Кавказская Иберия — Грузия». Таким образом, Ульрих Мюллер подтвердил факт пребывания австрийского миннезингера Освальда фон Волькенштейна в Грузии, придя к такому заключению совершенно независимо и даже раньше нас. Однако и Мюллер ничего не мог сказать о впечатлениях, полученных поэтом в Иберии.

К сожалению, та литература об Освальде фон Волькенштейне, которой мы располагаем, крайне бедна, чтобы обнаружить новый материал, который помог бы осветить иберийские впечатления немецкого поэта, необходимы дополнительные исследования.

Каждый новый аналогичный факт может дополнить историческую картину взаимоотношений Грузии и Германии, пролить свет на культурные связи этих стран. А это подготовит надежную платформу для научного обсуждения данного вопроса, приведет нас к соответствующим выводам.

МОРЕ, ПОКОРНОЕ ЧЕЛОВЕКУ

Ваше удивление еще больше возрастет, если из так называемого «зала живописи» вы перейдете в «зал скульптуры». Он наполовину затемнен. Посредине стоит единственный экспонат: круглая ограда из папье-маше, наподобие тоннеля. С наивным любопытством заглядываешь через ограду — там мусор. Вот и все. Мало? Сама ограда изготовлена из уплотненной туалетной бумаги, в ней валяются пестрые лоскутки, ветошь, клочки бумаги, смятые папиросные коробки окурки и прочая дрянь.

Третий зал, несколько больших размеров, чем второй, затемнен еще более. И здесь сумрак освещает сам экспонат — белый лабиринт из туалетной бумаги. Лабиринт петляет и извивается по всему залу. Ходишь, растопырив руки, почти вслепую и не видишь ничего, кроме странных бумажных оград. Хотя нет — вот и новинка: на некоторых поворотах поставлены большие жестяные трубы. Можешь взять трубу — она почти в человеческий рост — и, дунув изо всех сил, зареветь страшным голосом.

В конце концов я вышел в фойе и подошел к киоску, торгующему репродукциями. Интересно, что тут все разглядывают? Оказалось — фото выставленных в музее авторов-абстракционистов, предваряющие альбомы цветных репродукций с их творений, кстати сказать, полиграфически безукоризненные.

Я долго рассматривал лица художников. Может быть, хоть они объяснят мне что-нибудь. Лица как будто обыкновенные, такие же, как у нас с вами. Некоторые совсем молодые — как говорится, молоко на губах не обсохло, есть люди пожилые, а есть почтенные старцы. Так что авангардизм не является привилегией только молодого поколения.

Сколько бы я ни спорил с собой, внутренне выставляя более или менее убедительные доводы, я не мог избавиться от ощущения, что подавляющее большинство этих людей, заполнивших своими физиономиями альбомы, а произведениями — музеи, — и где? — по соседству с Рубенсом и Рембрандтом! — неудачники и абсолютно беспомощные в искусстве люди.

10

У «Централ Стациона» — главного железнодорожного вокзала Роттердама — есть одна особенность, отличающая его от других вокзалов. В этом огромном железобетонном здании все подсобные помещения и несколько залов ожидания находятся на первом этаже, а поезда прибывают на второй этаж. Поднятая на высокие бетонные опоры железная дорога проходит над городом и, оставив позади мост на стальных опорах, выходит на простор свекольных полей и тюльпановых плантаций.

У крытых перронов одновременно стоит несколько поездов. Роттердам — большой железнодорожный узел. Отсюда во все стороны Европы отходят поезда, похожие на пригородные. Надо полагать, это объясняется небольшими расстояниями: пока наступит время сна, поезд прибудет в пункт назначения — в особенности если до него так же близко, как от Роттердама до Антверпена.

Перед отправлением поезда я развернул карту на столе у окна вагона. От Роттердама до Антверпена, куда лежал наш путь, не больше двухсот километров. Это расстояние поезд проходит за три часа с минутами. Почти посредине дороги на границе двух государств находится маленький бельгийский городок Эссен. Оттуда до Антверпена меньше полутора часов пути.

Эта часть страны почти не отличается от северных районов. Аккуратные дворы удлиненной формы, вдоль дорог кирпичные дома с мансардами; разделенные каналами сады, огороды и пастбища. Пятнистые коровы лениво жуют

сочную траву. При звуках приближающегося поезда они поднимают головы и долго удивленно смотрят.

Здесь заметно меньше пестрых полей-цветников. Зато кормовая свекла и пастбища с покосами занимают обширные площади.

Участок, выделенный под пастбище, голландский крестьянин разделил на четыре части. И скотина не пасется на всех четвертях одновременно. Чтобы она не вытаптывала и не пачкала навозом весь луг, хозяин сперва выгоняет коров на первую четверть луга и не переведет на вторую, прежде чем они не съедят всю траву. Когда скотина кормится на последней четверти участка, в первой уже колышется под ветерком свежая травка, и ее опять можно использовать под пастбище. Так продолжается все время, и пока не выпадет снег, у коров вдоволь сочной травы.

Экономное использование земли и, в частности, пастбищ в Голландии объясняется тем, что тут не найдешь бесхозной земли, необработанной целины, где трава росла бы сама собой и можно было бы волюно пасти стада. Права на такую роскошь не дали голландцам природные условия их страны и плотность населения. Верно сказано с давних пор: по одежке протягивай ножки.

Поезд долго шел по мосту. Река была такая широкая, что противоположный берег едва просматривался. Она медленно катила свои воды и с высоты моста казалась почти неподвижной. Я тут же развернул карту и по слогам прочитал фламандское название реки — Голландш-Диеп. Наверняка это она. Другой такой большой реки мы не встречали. Вскоре поезд остановился в городе цветов — Розендале. На нашем пути это был второй сравнительно крупный город после Дортрехта, оставшегося на другом берегу Голландш-Диэпа.

В Розендале в поезд поднялись французские студенты, возвращавшиеся после экскурсии, и весь вагон наполнился непривычными для сынов Голландии оживленным говором и веселыми возгласами. Они были в восторге и, разгумянившиеся, счастливые, не замечали никого вокруг.

Но вот мы заговорили с ними, и молодые люди и девушки сразу посерьезнели и оказались очень вежливыми и прекрасно воспитанными. Оказалось, что они приехали прошлым утром, провели в Розендале целый день и теперь возвращаются назад. От Антверпена до Парижа расстояние почти такое же, как от Роттердама до Антверпена. Эти живые, бойкие молодые люди, которым мир видится персиковым садом, полным зрелых румяных плодов, перед заходом солнца будут в Париже...

А за окнами сменяют друг друга изумрудные поля, застекленные теплицы и оранжереи, сады, деревни, ветряные мельницы на пригорках...

В жизни нидерландцев и бельгийцев ветряные мельницы играют немаловажную роль. Главное орудие, с помощью которого оба этих трудолюбивых народа еще до изобретения паровой машины заставили отступить море, была именно ветряная мельница. Она всегда строилась на недоступных тальм водам взгорках, высокая, с гигантским размахом крыльев. Эти крылья приводят в движение черпаки мощных насосов и легко перекачивают в нужном направлении целые реки воды. Без ветряных мельниц все Нидерланды и всю Бельгию сплошь покрывали бы болота и озера, а человеку был бы заказан путь в эти края. Да если б не ветряные мельницы, разве посмел бы Вильгельм Оранский открыть шлюзы под городом Лейденом? Ведь тогда там погибли бы все — и свои и чужие, и друзья и враги — и отвоеванная у моря суша снова стала бы морским дном!

И сейчас стоят по всей стране на колмах и пригорках эти честно потрудившиеся на своем веку работяги и, распластав в небе гигантские крылья, ждут своей очереди. А их черед настает после каждого сильного ливня и наводнения.

Так думал я, глядя на разворачивавшийся за окном ландшафт, когда дверь вагона открылась и пожилой кондуктор спросил билеты. Но ведь до его прихода перед голландшдиепским мостом у нас уже проверили билеты. В чем дело? Чем вызвана такая строгость? Оказалось, что город, который мы проехали несколько минут назад, был Эссен, и теперь поезд мчался по земле Бельгии.

Этой маленькой европейской стране, стране древнейшей культуры, еще во втором веке принявшей христианство, история даровала неспокойную судьбу. Да и о каком покое мог думать маленький народ, живущий в центре Европы на перекрестке важнейших путей, между могущественными и неспокойными соседями.

Правда, соседство великих цивилизованных народов было одновременно и большим благом, поскольку, общаясь с ними, Бельгия постоянно находилась на авансцене мировой культуры. Но беда, когда ненасытные соседи шли друг на друга войной. В такое время Бельгия обычно становилась козлом отпущения, и нередко судьба Европы решалась на ее территории.

Чего стоит одно только воспоминание о Ватерлоо! 17 июня 1815 года в сражении на полях этой маленькой деревушки закатилось солнце императора-корсиканца, бросившего вызов всей Европе, здесь угас сотый день его нового владычества.

Перед въездом на Антверпенский вокзал поезд проходит по мосту над Шельдой, на левом берегу которой и выстроен этот крупнейший и древнейший город Бельгии. Еще из окна поезда видны старинные дома, все с круглыми высокими крышами, шпили церквей и соборов, башни общественных зданий. Среди них выделяется шпиль собора Божьей матери. Высота его почти вдвое больше других самых высоких шпилей, и виден он из всех районов города, словно начертан кистью художника на небесной лазури.

Антверпен издревле город ремесленников, купцов и моряков. Откуда только не приходят сюда корабли, груженные бельгийским и заморским сырьем и продуктами, углем и нефтью. В гигантских складах в устье Шельды сложены товары со всего света. Речной флот и железнодорожные эшелоны непрерывно развозят эти товары во все уголки континента, привозя взамен то, что нужно отправить за моря и океаны.

Развитие Антверпена как морского порта началось не так давно. До того, как он вышел на арену мировой торговли и стал богатеть, среди бельгийских портовых городов пальму первенства держал сперва Гент, а затем Брюгге.

Подобно Антверпену, эти портовые города расположены на порядочном расстоянии от моря, и судьба судоходства, а следовательно, и всей экономической жизни здесь зависит от глубины рек. Если вода в реках спадет или наносные ил и песок измельчат русло, большие морские суда не смогут войти в порт. Некогда кишевшие судами порты Гента и Брюгге измельчали, и, хотя для углубления русла принимались и принимаются все меры, спасти положение уже невозможно. Пришлось искать новые морские ворота. Эту хлопотливую, но выгодную роль взял на себя город купцов и ремесленников — Антверпен.

Конечно, Шельду не сравнить с полноводным, как море, Маасом, но из бельгийских рек, она лучше других приспособлена для судоходства. В портовых бассейнах глубина воды достигает пятнадцати метров. Разумеется, этого недостаточно для приема больших океанских кораблей, что существенно снижает грузооборот, но суда среднего водоизмещения свободно заходят в порт.

Главной причиной, скрывающей морское судоходство на Шельде, было то, что большая часть ее нижнего течения вместе с устьем находится на территории Нидерландов, и использование Антверпена как морского порта было возможно только после заключения соответствующего договора с северным соседом. Соглашение было достигнуто в середине прошлого века, когда Бельгия добилась независимости и сама занялась решением своих внутренних дел. Голландия не стала упрямиться. Ведь все решали деньги. И Голландия держала себя так, словно не замечала скрытых намерений Антверпена — постепенно окрестить, оказать конкуренцию Роттердаму. Голландцы заранее высчитали, сумеет ли Антверпен осуществить свои намерения. Все предварительные данные говорили в пользу Роттердама. Тогда голландцы без колебаний согласились отдать в аренду устье Шельды и пропускать через свои территориальные воды направляющиеся к Антверпену суда.

Выйдя из высокого сводчатого здания вокзала, сразу же погружаешься в сутолоку городского центра. От вокзала начинается главная улица города — улица Кайзера. Она делит Антверпен на две равные части, другим концом упираясь в порт.

Кайзер, именем которого назван этот великолепный проспект, фламандский художник. Иностранцу, откровенно говоря, несколько удивительно то, что в родном городе Рубенса самая большая и красивая улица названа именем не Рубенса, а другого художника.

Но первое, что вам с гордостью покажут и чем похвастанут хозяева, все-таки Рубенс, связанные с именем Рубенса дома и предметы, несравненные произведения Рубенса...

Этот величайший художник всех времен жил в Антверпене. Здесь, на берегах Шельды трювел он свое детство, после долгих многолетних скитаний он вернулся в родной город и прожил в нем самый плодотворный период своей жизни.

По роду деятельности Питер Пауль Рубенс был дипломат и долго работал в коллегии иностранных дел. Он был послом в Италию, когда получил из дому весть о тяжелой болезни матери. Рубенс немедленно оставил службу и через несколько дней был в Антверпене. Он застал мать в живых, но дни боль-

ной были сочтены и, несмотря на радость встречи с любимым сыном, она прожила недолго.

Похоронив мать, Рубенс вышел в отставку. Он — к тому времени уже немолодой человек — решил оставшуюся часть жизни целиком посвятить живописи.

Долгое пребывание в Италии и основательное изучение творений итальянских мастеров оказались для гениального фламандца блестящей школой. Все его существо было захвачено идеями Ренессанса. Да ведь и Бельгия не сидела сложа руки. Она по праву гордилась своими высокоодаренными живописцами. Ван Эйк, де ла Пастурс, Ван дер Пус, Мемлинг, Оливье дела Мерк, Шатлен, Комин, Герард Давид, Брейгель и другие — вся фламандская школа живописи завоевала мировое признание...

Позже, когда вышедший в отставку Рубенс купил в Антверпене землю и в одном из тихих районов города построил великолепный дом, он собрал замечательные картины фламандских художников и с благоговением повесил их в специально отведенной зале. Лучшим отдыхом для него было созерцание творений любимых художников. Его не раздражали предшественники, не внушали ему нигилистического чувства отрицания. Напротив, в лучших произведениях блестящей плеяды предшественников он черпал вдохновение.

Нельзя сказать, что дом Рубенса очень велик, однако и маленьким его не назовешь. Два флигеля, поставленных параллельно, соединены третьим, выступающим к фасаду. Во флигелях помещались семья художника и мастерская. Весь дом поделен на маленькие комнаты удлиненной формы. В комнатах стоит резная деревянная мебель эпохи Возрождения — дивные шкафы, буфеты, скамьи, сундуки, кушетки, кресла...

В доме можно увидеть два живописных портрета молодой жены художника. Оба портрета выполнены учениками маэстро. Рубенс обожал свою юную супругу и баловал ее, как малое дитя.

В правом флигеле дома, площадью и высотой не уступающем средних размеров церкви, помещалась мастерская художника. Здесь творил Рубенс — titan и полубог! Из этого огромного окна лился в зал волшебный, все преображающий дневной свет. Вот здесь он стоял, вознесенный вдохновением в заоблачные выси, и само бессмертие двигало его рукой, создавая образы невиданной красоты и силы.

На южной стене мастерской висят три картины Рубенса. «Адам и Ева». Обнаженные фигуры мужчины и женщины, исполненные духовного и физического здоровья. Ева зажала между большим и указательным пальцами чуть согнутой руки росток виноградной лозы. Этот росток, отчетливо извивающийся на фоне молочно-розового тела, еще больше оттеняет восхитительную наготу по-земному прекрасной женщины.

В ветвях лаврового дерева, как раз возле уха Евы, в густой листве ползет Змей. Видно, он уже ввел в искушение Еву — сообщил ей великую тайну жизни.

Весь облик юного Адама выражает удивление и высочайший восторг. Он только прозрел и еще не пришел в себя от изумления.

На втором полотне — картина на библейский сюжет. Ангел благовещения приносит деве Марии весть о том, что у нее родится сын, который примет на себя грехи и боли всего человечества.

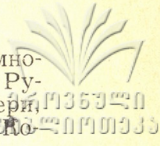
Картина многофигурная, многокрасочная. Нелегко нащупать ее ведущую мысль. В ней нет свойственной Рубенсу близости к жизни, точной заземленной силы, и поэтому она неубедительна для зрителя, не захватывает его.

Зато, третья картина — «Римское милосердие» насыщена напряженным драматизмом воспринимается сразу, и, чем дольше ее разглядываешь, тем больше она покориет искренностью переживания, простотой и характерной для Рубенса внутренней силой.

Пышная по-рубенсовски молодая рыжеволосая женщина обнажила залитую молоком грудь, к которой приник длиннобородый истощенный старец. Эта женщина — его дочь, которая решила спасти приговоренного к голодной смерти престарелого отца своего: проникая в темницу с пустыми руками, она кормит его грудью, как младенца.

В зарешеченном оконце — изумленные лица двух римских легионеров. Они все видели...

Сказание гласит, что самоотверженный поступок дочери спас заключенного. Отцу простили его вину и даровали жизнь.



К чести Антверпена надо сказать, что он сумел по сей день сохранить многие произведения великого живописца. Пожалуй, нигде не увидите столько Рубенса, сколько здесь, в его родном городе. Три полотна в соборе Божьей матери, остальные десять или двенадцать полотен различного размера выставлены в королевском музее изящных искусств.

Можно смело сказать: картины в соборе Божьей матери — лучшее из того, что было создано кистью Рубенса. Но прежде, чем увидеть эти картины, следует осмотреть сам собор — удивительное произведение зодчества. Его строительство было начато в конце тринадцатого века, затем все новые и новые поколения строителей возводили его около полутора столетий.

Все грандиозные соборы, какие вы увидите в городах и селах Бельгии, возводились веками, и замысел зодчего находил свое воплощение спустя десятилетия после его смерти. Ничего не поделаешь — таковы были темпы строительства. Никто никуда не спешил.

Чтобы из дома Рубенса попасть на площадь, на которой стоит собор Божьей матери, надо некоторое время опять идти по проспекту Кайзера и в торговом центре свернуть направо.

Здесь, на подступах к собору, в центре Зеленой площади на высоком бронзовом постаменте стоит бронзовая скульптура великого фламандца — Питера Пауля Рубенса. С площади собор открывается во всем своем величии. На острие стометрового золоченого шпиля сверкает золотой крест. Многогранная конусообразная башня к низу постепенно расширяется и в основании переходит в продолжение одной из несущих стен собора. Разбегающаяся в разные стороны то круглая, то плоская кровля собора создает такое впечатление, будто собор — не одно сооружение, а целый комплекс построек. Это впечатление исчезает только тогда, минуя портал, под таинственный гул органа вступаешь внутрь собора.

Интерьер имеет форму креста. Форму креста, лежащего на земле, имеет, разумеется, и весь собор, но для того, чтобы увидеть это снаружи, надо подняться на высоту птичьего полета.

Для паствы в нескольких больших залах поставлены скамейки со спинками. На возвышении стоит старинная деревянная кафедра, украшенная поразительно тонкой и красивой резьбой.

Но почему скамейки повернуты спиной к кафедре? Неужели прихожане слушают проповедь, повернувшись спиной к епископу?

Дело в том, что в отличие от других католических церквей, в бельгийской не сидят во время проповеди, а стоят, упираясь коленом в скамью, что видимо, должно обозначать коленопреклонение. Этим и объясняется странное расположение скамеек в соборе.

Два великолепных полотна Рубенса симметрично висят у амвона, слева и справа от него на глухой стене, освещенные светом, льющимся через высокие окна.

На первом полотне, которое художник назвал «Распятие», вы не увидите ничего мистического. Сильные, здоровые мужики с буграми мышц и тупой угрюмостью во взоре распинаят на кресте молодого мужчину, пострадавшего за правду. Телла готовится поднять крест, чтобы поставить его между двумя распятыми разбойниками...

У Христа возвышенное, почти вдохновенное лицо с обращенными к небу глазами. Перенесенные муки словно успокоили его и очистили от всего земного. Он знает, за что умирает, и божественный свет снизошел на него перед смертью.

Наверное, так умирал на костре Джордано Бруно. Так умирали все, кто жертвовал своей жизнью во имя истины, во имя любви к людям.

Моральный смысл рубенсовского «Распятия» выходит далеко за рамки картины и жизненность его идеи диктует широкие, далеко идущие выводы и обобщения.

Второе полотно «Снятие с креста» производит на зрителя еще большее эмоциональное воздействие. Безжизненное тело Христа снимают с креста близкие и преданные ему люди и с величайшей осторожностью опускают на белую простыню. Центр картины занимает жестоко истерзанное совершенно обмякшее, словно раздавленное собственным тяжестью тело Христа. Его левую руку поддерживает своей натруженной десницей перегнувшийся через крестовину распятия Иосиф. В мозолистой загорелой ладони Иосифа бледная рука Христа отдает голубизной. Слегка растопыренные пальцы левой ступни покойника

упираются в покрытое прозрачной тканью плечо Марии Клеопайи. Слева, закутанная в темно-синие одежды, в глубокой скорби стоит мать божья Мария и едва касается пальцами безжизненной руки сына. Там же пала на колени Мария Магдалина. Неужели это правда? Она не верит глазам своим!.. Все картину оживляет экспрессивное красное пятно. Это в красном плаще «ученик, которого возлюбил он» и на которого указал перед последним издыханием матери: «Женщина, се сын твой!» Согнувшись под тяжестью, он старается бережно опустить на землю тело Христа.

Если в «Распятии» Иисус из Назарета идет навстречу своей судьбе, сохраняя душевную стойкость и силу, то здесь он окружен преданнейшими людьми — уввы, слишком поздно — душа его рассталась с телом.

Восхищаясь неподражаемыми картинами Рубенса, посетитель собора обратит внимание и на то, что вокруг царит беспорядок, никак не соответствующий бельгийской аккуратности.

Изнутри собор смахивает на побежденный и разоренный неприятелем город. Потемневших, обшарпанных стен и колонн давно не касалась заботливая рука. Никто не пытается вернуть былые великолепие внутренним помещением собора, построенного в честь хранительницы города Божьей матери и раз в неделю собирающего весь Антверпен.

Это печальное обстоятельство антверпенцы объясняют просто: Антверпену не хватает времени для дел духовных. Он занят торговлей, товарооборотом, деньгами. А о духовном пусть пекутся Гент и Льеж!

Но так ли это?

Антверпен — издревле город художников, город, ценящий искусство. Богатством хранящихся тут коллекций фламандских мастеров он превосходит даже Брюссель и Льеж.

Королевский Музей изящных искусств — гордость Антверпена — один из богатейших музеев на земном шаре. Так можно ли хотя бы даже в шутку говорить, что торговому Антверпену нет дела до духовных запросов, что он целиком захвачен горячей обогащения!

13

Музей изящных искусств занимает огромный дворец, выстроенный в стиле Ренессанса в центре города рядом с банками, ювелирными магазинами и ночными кабаре. Чтобы обойти его просторные и светлые залы и широкие лестницы, заглянуть во все уголки, надо затратить очень много времени.

Так же, как и во все большие картинные галереи мира, пьяным сюда вход воспрещен. В залы нельзя вносить холодное и огнестрельное оружие, нельзя фотографировать экспонаты и использовать заряженные чернилами авторучки для записи впечатлений.

История художественных выставок и музеев помнит множество краж. Похитители картин не хуже искусствоведов знают номинальную цену произведений, которые они решили выкрасть. Похищенный шедевр, обычно небольшого размера — удобнее при выносе и транспортировке, в первое время исчезает бесследно. Затем в прессу просачиваются туманно-расплывчатые сведения о том, что шедевр, кажется, цел и в сохранности и, очевидно, находится в таком-то городе. Международная полиция, детективы и органы внутренней безопасности включаются в поиски, но напасть на след преступников очень трудно. Преступники запрашивают за картину определенный выкуп и ставят государству или заинтересованному частным лицам свои условия.

Одно такое похищение случилось недавно в брюссельском Музее изобразительных искусств. Опытные грабители, используя новейшие технические средства, пропилили крышу выставочного зала и выкрали небольшой портрет работы Рубенса. Полиция быстро напала на след преступников. Воры не смогли вырвать за выкраденный шедевр внушительную сумму, запрошенную у музея.

Потому-то так осторожен Антверпен, потому-то у гостеприимно распахнутых дверей музеев стоят рослые, плечистые стражи в ливреях и бдительно следят за входящими и выходящими посетителями.

Широкая мраморная лестница ведет на второй этаж дворца, где выставлены картины фламандских мастеров предренессансного периода и времен самого Ренессанса.

Первые два зала отданы так называемым примитивистам. Изысканная манера письма и выразительные краски этих художников свидетельствуют об их высоком профессионализме.

Так в чем же дело? Почему целую плеяду художников окрестили термином столь пренебрежительным и обидным? Дело в том, что интернациональный термин — «примитивизм», в данном случае звучащий крайне несправедливо, употребляется здесь совсем в другом смысле. Примитивизмом называют начальный

период развития фламандской живописи, так сказать, период подготовки, хотя, подчеркиваю, ни один из мастеров названной школы не страдает отсутствием профессионализма.

Примитивизм кончается там, где появляется перспектива: второй, третий, четвертый план...

Последователи этой большой и популярной школы были по преимуществу портретистами. В залах Музея изящных искусств можно увидеть множество портретов, выполненных примитивистами.

На этом же этаже специально отведенные залы занимают три титана фламандской живописи: Брейгель, Иорданс, Рубенс... Все три несравненных мастера резко отличаются друг от друга как в видении мира, так и в манере его воспроизведения на полотне. Но всех трех, равно как и всю фламандскую школу живописи, объединяет главная черта: гражданственность живописи, ее воинственный дух, беззаветная борьба за жизненные интересы своего народа, бескомпромиссность в схватке со злом.

Творчество Брейгеля совпало по времени с периодом испанской тирании, с царствованием Филиппа II. Движение протестантизма и разгул реакции нашли свое самое яркое выражение в современной Брейгелю Фландрии. Тогда же родилось сказание о вольном сыне Фландрии свободолюбивом Тилле Уленшигеле. Страна кишела наемными шпионами инквизиции, провокаторами и добровольными предателями.

В такое время человеку с отзывчивой душой трудно было закрыться в собственной скорлупе. Или беспрекословное служение католической церкви, за которой стояли испанские правители, или служение родине. Третьего пути не было.

Брейгель, художник и гражданин, избрал второй — единственно верный путь. Это была дорога мук и страстей, ведущая на костер инквизиции, но, несмотря на все опасности, Брейгель до гробовой доски остался верен своим гражданским идеалам.

Думаю, не будет большим преувеличением, если я скажу, что живопись эпохи Возрождения являет собой главным образом иллюстрацию Священного писания, своеобразную интерпретацию его отдельных кусков. Если когда-нибудь человечество надумает отказаться от христианского прошлого, оно вынуждено будет перечеркнуть всю живопись времен Возрождения, позабыть все великое и неповторимое, что было создано человеческим гением на протяжении двух тысячелетий... В число вычеркнутых из памяти человечества произведений попало бы и все творчество Брейгеля, поскольку его картины, как и творения его великих соотечественников — Рубенса, Иорданса, Ван Эйка, Мемлинга и других, строятся на библейских сюжетах.

В картинах Брейгеля Иисус Христос — носитель доброго начала. Все, что против Христа, — зло, безнравственно, все является врагом добра, а потому ему должна быть объявлена беспощадная война.

Но против кого война? Против недалекого иудейского духовенства и легатов Понтия Пилата?

Брейгель не ограничился прозрачной аллегорией и нарисовал на своих картинах непосредственных палачей Фландрии — воинов герцога Альбы. На картинах они не совершают преступлений, но даже статичное изображение чуждых библейскому сюжету персонажей делает мысль художника ясной как день.

«Путь на Голгофу». Вышедшая из деревни толпа направляется к возвышенности в отдалении. Там уже подняты два креста с распятыми разбойниками. Придавленный непомерной тяжестью, Христос несет крест свой и вместе с толпой поднимается в гору. Оставшиеся в деревне, откуда вышла вся эта разношерстная толпа, заняты своими делами. Все как в пословице: моя хата с краю, ничего не знаю.

Если б Брейгель нарисовал только это, он ни на шаг не отошел бы от традиций. Но вот на краю села, в правом углу картины в тускло поблескивающих кольчугах стоят испанцы. Они молча наблюдают за процессией, столь обычной для эпохи религиозных войн. Художник говорит нам, что ужасное насилие совершается по воле и настоянию испанцев.

Такое прочтение придает картине совершенно иной смысл и звучание, и идущий на Голгофу Христос Брейгеля превращается в образ самоотверженного сына отчизны, отдающего жизнь за родину.

Или «Распятие»: разъяренные иудеи распинают спасителя на кресте; здесь же — испанцы. «Десять заповедей» — Иисус читает проповедь, а испанцы подслушивают, притаившись за деревьями, — не готовится ли тут заговор против них?

Известный библейский сюжет — избивание младенцев царем Иродом Брейгель подает в своей обычной манере. За избивающими невинных детей мы опять и опять видим вооруженных испанцев.

Здесь висит только одна картина, на которой нет испанцев. «Праздник в деревне». На лугу под большими деревьями, за которыми видна деревня, пляшут большие и малые, старые и молодые, монахи и служивые, богатые и бедные, уродливые и красивые — все выпалили за околицу и пляшут, веселятся — бесхитростно, как умеют. Внимательно разглядываешь картину. Ищешь испанцев. Нет, их нет. Эти добрые, наивные люди, что пляшут сейчас на зеленом лугу, должно быть, изгнали завоевателей или перебили всех до единого, и радость свободы послужила поводом для всеобщего веселья.

После знакомства с Брейгелем сразу вспоминается испанец в шлеме в рубеновском «Распятии». Этот испанец пришел в творение Рубенса дорогой Брейгеля.

Рисовать испанцев в библейских сюжетах стало затем модой. Более того: возникла целая школа эпигонов Брейгеля. Они в тысячах вариантов повторяли и переделывали Брейгеля, но их творчество уже не несло в себе брейгелевской первоизданной искренности, непосредственности и силы гражданского протеста.

14

Трудно оторвать взгляд от божественного творения Иордана — «Тайной вечери». Кто сосчитает, скольких художников вдохновил этот библейский сюжет! Творчество Иордана отличается своей демократичностью. Даже обращаясь к библейским сюжетам, он рисует простых труженников — детей Фландрии, ее рыбаков, ткачей, портовых рабочих, словно меняет место действия библейской легенды.

«Тайная вечеря» — большое полотно. Перед длинным столом, за которым мы видим двенадцать апостолов, в левом углу сидит обожженный южным солнцем Иуда Искариот, с ногами, распухшими от долгого стояния в воде. Возле него уселась белая собака. Иуда гладит собаку грубой, мозолистой рукой и старается не встретиться взглядом с привставшим Христом...

Спаситель только что сказал: «Ядущий со мной хлеб поднял на меня пяду свою».

Апостолы встревожены: о ком говорит учитель! Только Петр посмел встать и спросить: «Кто он, господи?» «Тот, кому я, обмакнув кусок хлеба, протяну его».

Светлый, озаренный, как свеча во мраке, Иисус Христос протягивает Иуде кусок хлеба...

«А он, — гласит затем Евангелие, — принял тот хлеб и тотчас вышел. И была ночь».


В коллекции Рубенса заметное место занимает «Распятие». На узком полотне — три огромных креста. Распятый на кресте Иисус с поразительной твердостью духа переносит нечеловеческие муки и людскую неблагоприятность. Его, распятого на кресте и обреченного на смерть, били свои же и плевали в лицо. Но мысли негибаемого человеколюбца опять с теми, ради кого он взошел на Голгофу и был распят.

Зато один из разбойников, тот, что на левом кресте, потерял человеческий облик и, не в силах сделать что-нибудь своим палачам, кричал покинутому всеми Христу: «Если ты Христос, спаси себя и нас!». Другой же, напротив, унимал его и говорил: «Или ты не боишься бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли. А он ничего худого не сделал». И сказал Иисусу: «Помяни меня, господи, когда придешь в Царствие твое». И сказал ему Иисус: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со мной в раю».

Прекрасны рубеновская «Лежащая Венера» и несколько произведений из цикла «Распятие»: «Оплакивание Христа» и «Положение во гроб». В «Поклонении волхвов» так и видишь, так и чувствуешь пыль пустынь, принесенную путниками с дальних дорог Передней Азии.

Одно из больших полотен «Крещение» было написано Рубенсом на закате дней. На этой картине изображено крещение Иисуса Христа Иоанном Крестителем в водах реки Иордан. Стоящий в центре группы Иоанн опрыскивает Христа святой водой. Вся картина залита ярким солнечным светом и так и играет бликами солнца, пробившегося сквозь густую крону могучего дерева.

На первом этаже музея рядом с живописью девятнадцатого века несколько больших залов занято современным абстрактным искусством — живописью и скульптурой. Выставлены итальянские художники и скульпторы. Каждый экспонат поражает и возмущает. Да ведь это несчастье нашего времени! Что с нами происходит? Неужели большие мастера ушедших эпох выразили не только себя, но и будущее? Неужели все должно начаться сначала?



Работники музея оправдывают выставку этих безобразнейших, лишенных всякого смысла полотен тем, что Музей изобразительных искусств, невзирая на свои тенденции и пристрастия, с добросовестной старательностью должен отразить фактическое положение живописи во все эпохи. Абстрактное искусство — искусство шестидесятых годов двадцатого века, и обойти его молчанием значило бы закрывать глаза на то, что уже существует или борется за право на существование.

Но что это за право? Это право на дезертирство, трусость, бегство от действительности, на цинизм и отказ от всего, что по сей день признавалось человечеством святым и непоколебимым.

Да, музей не дает оценок. Он только показывает. Будь добр, потрудись и сделай выводы сам.

В Антверпене испокон веков господствует культ художников. Есть страны и города, озаренные солнцем поэзии или музыки. Здесь властвуют художники, и самые распространённые легенды связаны с их жизнью.

На маленькой площади позади собора Божьей матери стоит железный тренажник. Тренажник называется «Колодец любви».

Простой кузнец, говорится в древней легенде, полюбил дочь известного художника. Художник, узнав об этом, вознегодовал, отказался признать кузнеца зятем: «Как посмел этот грубый мужлан пожелать мою дочь»...

Задумался бедняга кузнец — что делать? Как завоевать благосклонность тестя? Долго думал, но так ни до чего не додумался. Огорченный, однажды ночью он пробрался в мастерскую к художнику, развел краски и на почти завершенной картине нарисовал муху.

Утром художник увидел муху и взмахнул салфеткой, сгоняя ее с полотна. Но когда муха не взлетела, художник понял, что она нарисованная. Удивленный и восхищенный, он спросил, кто это сделал. Кузнец признался.

После этой истории художник отдал за кузнеца свою дочь, а счастливый кузнец выковал «Колодец любви», как памятник вечной любви к своей избраннице.

В нише на задней стене собора Божьей матери стоит скульптурная группа — это строители собора: автор проекта и руководитель строительства архитектор Агелманс с циркулем в руках, а вокруг него вооруженные заступами, молотками и мастерками каменщики и скульпторы.

Великолепное зрелище являет собой выстроенная в стиле Ренессанса городская ратуша. Ее здесь под влиянием французского языка называют мэрией. Ведь в Бельгии два языка пользуются правами государственного — французский и фламандский.

Народность романского происхождения — валлонцы, живущие на юге страны в районах, граничащих с Францией и Люксембургом, говорят по-французски, а фламандцы, соседствующие с одной стороны с Германией, а с другой — с Голландией, придерживаются языка предков. Все делопроизводство — государственное и юридическое — ведется на обоих языках; оба языка совершенно равноправны на государственном и культурном поприще.

Ратуша — орган городского самоуправления — прекрасное гармоничное строение с высокой башней было возведено в конце пятнадцатого века. Обязанности, возложенные на нее со дня завершения строительства, она с честью выполняет и поныне.

На башне в высокой нише над позолоченными часами стоит хранительница города и его заступница божья мать и вот уже пять столетий взирает на возведенный в ее честь собор.

Главную площадь города, с одной стороны которой стоит ратуша, с трех других сторон замыкают многоэтажные здания корпораций. Они также выстроены в пятнадцатом-шестнадцатом веках.

Корпорации — объединения ремесленников разных профессий и купцов, в старом Тбилиси известные под названием амбаров, и ныне пользуются в Антверпене большими правами и влиянием. В период особого усиления в руках корпораций скопились огромные богатства, что позволило им соперничать с самой церковью, постоянно претендующей на роль первой скрипки в жизни государства.

Квадратную площадь, мощеную розовыми плитами, украшает громадная бронзовая скульптура «Фонтан Брабо».

Как и «Колодец любви», эта скульптура обязана своим рождением старинной легенде.

Антверпен был в беде, говорится в легенде. В порт не могли войти суда, а те, которые все-таки поднимались вверх по Шельде, гибли перед входом в порт или уходили назад. «Так дело не пойдет, — решили антверпенцы. — Если не принять мер, наши дети помрут с голоду», — и пошли к реке узнать,

в чем же дело. Пришли, и что же? У входа в порт со стоном ворочалось в реке огромное чудовище. В ужасе вернулись антверпенцы в город и стали думать, что же делать?

Тогда городской голова сказал своим сыновьям, что первый же корабль, вошедший в порт, будет принадлежать тому, кто убьет чудовище и освободит дорогу в порт.

Младший из братьев, Брабо, убил чудовище, отрубил ему правую руку, зашвырнул на палубу корабля, затем подхватил корабль, перенес через труп чудовища и впустил в порт. Именно это мгновение и изобразил скульптор.

Легенда, видимо, относится ко времени нашествия норманнов, когда меч жестокого врага разрушил государственное единство бельгийцев и расчленил страну на маленькие графства и герцогства. Обескровленная страна с каждым днем слабела. Однако в конце концов свободолюбие и стремление к независимости взяли верх. Главные герцогства и епархии Бельгии и Нидерландов — Брабант, Голландия, Фландрия, Льеж, Намюр — объединились и нанесли могучий удар по врагу. Первый удар не принес полной победы, это и понятно, но страна постепенно стала набираться сил и скоро превратилась в одну из могущественных морских держав мира.

15

Раннее средневековье характеризовалось большим подъемом культуры и науки на всем Европейском континенте. Именно в этот период совершаются великие географические открытия. В морских экспедициях, вместе с представителями разных народов, принимали участие и многие бельгийцы. Еще Васко да Гама видел в Калькутте уроженцев Брюгге, которые занимались ростовщичеством. На корабле Магеллана были три фламандца и два валлонца.

В шестнадцатом веке в Бельгии закладываются основы картографии, которая позже вырастает в целую науку. Во главе нее становится отец современной картографии Жерар Меркатор. В дальнейшее развитие картографии бесценный вклад вносит антверпенец Ортелиус, прозванный Птоломеем шестнадцатого века.

Через несколько лет житель Антверпена Жан де Лаат издает в Лейдене атлас. Этот атлас сыграл огромную роль в эпоху морских путешествий и великих географических открытий.

Легкие и красивые корабли с бельгийским флагом на мачтах достигали самых отдаленных уголков земли. В национальном Музее судоходства, занимающем сегодня казематы старинной крепости на берегу Шельды, стоят макеты почти всех овеянных славой старинных судов. Здесь же хранятся судовые журналы, прошедшие через тысячи штормов и бурь, дневники путешественников, писавшиеся в корабельных каютах, части кораблей, механизмы, паруса, морские карты пятнадцатого и более поздних веков, компасы, подзорные трубы и бинокли, пушки, круглые чугунные ядра, кремневые ружья и порох. Уникальные экспонаты музея выставлены в десяти больших и малых залах.

Мрачное, довольно невзрачное здание с зубчатой стеной, в котором открыт музей, называется Стэн. Это старинная феодальная крепость-замок, памятник национальной архитектуры одиннадцатого века.

Прежде чем стать музеем, Стэн, подобно большинству феодальных замков-крепостей, послужил тюрьмой. Кто знает, сколько жизней ушло в его сырых подвалах и сколько крови, виновной и невиновной, пролилось в его замкнутом, как колодец, дворе.

Узкие полутемные коридоры ведут из века в век. Не только предметы, выставленные за широкими витринами и принадлежавшие некогда смелым морякам, кажется, сам воздух тех времен сохранился в музее и под низкими сводами слышится ропот далеких морей.

Фундамент Стэна ласкает рукав Шельды. На площади перед Стэном — ряд трех-четырёхэтажных домов тринадцатого-четырнадцатого веков, в которых живут люди. Это портовый район, хотя стоянка морских судов еще далеко отсюда. Друг к другу примыкают огромные склады, пакгаузы, навесы. Подъемные краны, как и в Роттердаме, торопливо нагружают железнодорожные эшелоны, речные флотилии, колонны сверхмощных автомобилей, и отправляются они во все стороны старого Европейского континента, по всем дорогам.

Вот и сам порт!

Шельда поделена на несколько рукавов, медленно текущих между стенами специально выстроенных бассейнов. По сравнению с роттердамскими, бассейны эти очень узкие. Они рассчитаны на морские суда среднего водоизмещения. Поскольку глубина реки мала, кораблю, чтобы дойти до места своей

стоянки, нужно одолеть так называемую лестницу, что отнимает довольно много времени и средств и лишним расходом ложится на порт.

Солнце склонялось к закату. На портовом перроне не было ни души, море дул ветер, и вода в бассейне едва заметно рябила. В бассейне стоял танкер с нефтью. Видимо, он прибыл недавно, ибо только начинал «восхождение по лестнице».

Шагах в двадцати от его нормы из левой стены бассейна медленно выступал шлюз, шириной с порядочный мост, и закрывал вход в бассейн. Минут через десять бассейн совершенно закрылся, со стороны моря уровень воды резко упал, зато внутри бассейна он стал подниматься. Портовые рабочие отвязали швартовы, и корабль подобрал их на палубу. Впереди развели железный мост. Но обе стороны реки на шоссе стали скапливаться автомобили. Пароход загудел, и неожиданно заработавший винт взбил пену в бассейне.

У стены бассейна сидела девушка и смотрела, как пароход, взбивая пену, медленно двинулся «вверх по лестнице».

Я перегнулся через перила шлюза. В бассейне уровень воды поднялся на несколько метров. Ночью, если на море ожидается шторм, шлюзы оставляют закрытыми, чтобы вода не нанесла мель у входа в порт.

Рекам Бельгии, в том числе и Шельде, всегда грозит опасность измельчания из-за наносов. Морские приливы, очень чувствительные в этих местах, наносимые в устье рек уйму песка и ила. Если за рекой не следить, море со временем сделает свое дело и превратит оживленную судоходную реку в непригодную для судоходства. Потому-то и стоят в пойме Шельды отсасывающие ил механизмы и в любое время суток, в любую погоду углубляют дно. Извлеченный со дна ил вывозят в польдеры. Это великолепное удобрение: свекла и прочие овощи буквально буйствуют на нем, да и трава растет великолепно...

16

Постоянная забота об углублении речного дна, можно сказать, одна из главнейших забот Бельгии. Беда, грозящая портовым городам, станет очевидной для гостя, если он увидит древнейший культурный центр Фландрии, университетский город Гент, расположенный на обоих берегах реки Лиси.

От Гента до берега Северного моря восемьдесят километров. Весь этот путь корабли проходили в русле реки Лиси. Речная дорога Лиси была некогда одним из значительнейших судоходных путей Западной Европы. Слава Гента гремела по всему земному шару, и даже сам Париж завидовал его богатству.

Богатство принесла вода, и вода же унесла. Жители Гента не сумели справиться с напором моря. Хоть порт и находился так далеко от устья, прилив достиг его и занес песком не только речной путь, но и бассейн самого порта.

Генту грозило забвение и обнищание. Город не покорился, он боролся, не щадя ни денег, ни других средств.

Однако довольно скоро стало ясно, что старый порт обречен и оживить его не в силах сам господь бог. Было решено построить новый порт — между городом и морем. Порт был построен, и не один, а два, три... Приливы один за другим делали их непригодными. Наконец решили строить порт прямо в устье, на берегу Северного моря. Соглашение было достигнуто, но городская мэрия, взглянув в свою казну, отказалась от строительства. Городской бюджет не выдержал бы таких расходов...

Так заглох Гент. Так он отошел от морских дорог и сделался континентальным городом.

Если вы едете в Гент из Антверпена, то, выехав из тоннеля под Шельдой, нужно направиться по шоссе, ведущему на юго-запад. Вдоль дорог опять зеленые кущи, ухоженные долины, пастбища, покосы, ветряные мельницы на пригорках и красивые коттеджи из красного кирпича.

Эти добротные небольшие дома с первого взгляда могут показаться одинаковыми. Однако, приглядевшись, увидишь, что каждый из них имеет что-то свое, каждый чем-то отличается от соседнего. Если поинтересоваться и копнуть поглубже, все станет ясно. В Бельгии закон запрещает «партизанское» строительство домов и иных сооружений. Всем строительством на территории страны — как частным, так и государственным — ведают соответствующее учреждение. Оно берет заказ на нужный вам проект дома и в соответствии с вашими вкусами решает его архитектурный облик. Строительная фирма, по договору берущая на себя строительство дома, обязана в точности выполнить весь проект. Таким образом, каждый из этих небольших домов — продуманная и характерная деталь архитектурного облика всей страны.

Бельгиец, достигший зрелости, задумывается над тем, как построить свой дом и устроить по своему вкусу усадьбу. Участок земли для дома он либо по-

лучает в наследство, либо тратит большую часть жизни, чтобы накопить деньги для его приобретения.

В городах и в их окрестностях, особенно в больших городах, земля стоит значительно дороже, чем в провинции. Кроме того, земля под огород или возделанное поле дешевле, чем садовый или дворовый участок. Но так или иначе она доступна для работы крестьянина, устраивающего свою жизнь.

Прямо из зелени долины медленно выплыли устремленные в синь неба сторожевые башни и стали расти на глазах. Это значит, что мы, покинув Антверпен, проехали шестьдесят километров, и Гент в нескольких минутах езды.

Вознесенные над городскими крышами два шпиля, издали кажущиеся острыми и гладкими, как иглы, постепенно делаются все четче и вскоре предстанут перед взором во всей суровой красоте.

Один из них — шпиль сторожевой башни гентской мэрии, другой венчает стоящий напротив мэрии католический кафедральный собор святого Бавона.

Оба великолепных памятника средневековой архитектуры — и мэрия, и собор св. Бавона — возведены в тринадцатом веке и весьма точно отражают соотношение общественных сил в городе.

Гент, некогда большой торговый и промышленный город, был свидетелем конкуренции и соперничества двух могучих общественных сил. Первая была — корпорация ремесленников, которая в двенадцатом-тринадцатом веках достигла своего расцвета, а вторая, не менее богатая и могучая, — католическая церковь.

В те времена между церковью и корпорациями шла холодная война, в разных исторических ситуациях принимая различные формы.

Разумеется, обе стороны старались заполучить как можно больше богатств и таким образом завоевать господствующее положение в городе, при этом они готовы были потуже затянуть ремни, только бы их постройки были краше и выше, только бы унизить соперника.

Взять хотя бы ту же мэрию и собор св. Бавона!

Оба здания возводились в одно и то же время. Так какое из них поднимет выше свой шпиль? Кто сумеет унижить противника, в данном случае — унижить в прямом смысле?

Приостановиться не пожелала ни одна из сторон до тех пор, пока башни и шпили не сделались слишком высокими и сами сооружения не пострадали из-за нарушения пропорций.

Гентская мэрия и сегодня помещается в своей старинной резиденции и оттуда руководит жизнью города. Роскошный и блистательный, как в былые времена, собор св. Бавона открыт. Вместе с папой он принимает тысячи иностранцев и приводит всех в восторг своей неповторимой красотой.

Интерьер собора поистине грандиозен. Бесчисленные колонны и арки опираются на граненые мраморные столпы. Двойной ряд столбов тянется от входа к алтарю и кончается перед мраморной лестницей. Лестница в несколько полукруглых ступеней ведет на амвон. Восточная часть собора — белый, черный и розовый мрамор.


Этот благородный розовый камень, столь часто встречающийся у нас в Грузии, напомнил мне храм Баграта. Полы, колонны и стены храма Баграта, который старше собора св. Бавона ровно на двести лет, тоже были отделаны цветным мрамором. После вторичного разорения храма этот мрамор сперва понал в Ахалцихе, во дворец глупого атабага, фанатично преданного вратам своей родины, а затем был направлен в Стамбул для украшения султанского гарема. В глазах иноземцев утраченное в прошлом вызывает лишь сочувствие и сожаление. Ведь ценят тебя только за то, что ты сохранил, за то, как отразились твои достижения в духовной сокровищнице человечества...

Все вокруг сверкает и блестит. Антверпенцы верно сказали: видно, Гент с особой любовью и нежностью бережет свою старину, свои исторические памятники, а собор св. Бавона — гордость Гента, одна из лучших жемчужин его прошлого.

Но у самого собора есть в свою очередь достопримечательность, которой гордятся и собор, и Гент. За алтарем, в узкой ризнице, освещенной единственным узким окном, на стене висит картина замечательного представителя фламандской живописи Ван Эйка — «Поклонение агнцу».

В ризнице тесно. И не только сегодня. Здесь всегда многолюдно. Осмотрев собор, туристы направляются сюда. Экскурсоводы на разных языках шепотом объясняют своей пастве, что и как изображено на божественном полотне.

А на полотне — праздник цвета и гармонии. Над всеми цветами преобладает зеленый; свежая зелень маленькой лоцинки, заключенной между невысокими холмиками. На пригорках и под ними зелень пледоносных деревьев. На заднем плане видны башни средневекового города, а еще дальше, на краю неба — цепь синих гор, окутанных голубоватой дымкой.



А впереди по левую и по правую сторону от священного фонтана тесной толпой стоят люди разного звания и состояния, в шапках и с непокрытыми головами. Одни, босые и длиннородые, молятся на коленях, другие — стоя. Зажутанные в гранатового цвета сутаны, с золотыми тиарами на головах духовные лица читают Евангелие. Позади на резном ковчеге стоит агнец. Его приподнятая головка рассеивает во все четыре стороны ослепительные лучи. Агнца окружили голубокрылые ангелы, они поют ему псалмы и кадят золотыми кадильницами.

А еще глубже, позади священнослужителей и тесной толпы горожан, видны две группы. Слева у масляных деревьев богато одетые знатные мужчины, справа — в красивых нарядах и головных уборах прекрасные дамы. У каждой в руке ветка папоротника. А две юные девушки в переднем ряду держат новорожденного ягненка и спелую землянику в плетеной корзинке.

Все это земное торжество залито солнцем. Его золотые лучи делают картину удивительно реальной и в то же время мистически возвышенной.

17

Гент — древний город. Его строительство было начато во втором веке до рождения Христова. Не многие города Европы могут похвастать столь солидным возрастом.

Но жители Гента выстроили не только свой город. Часть их пересекла Северное море и основала на берегах Альбиона город Винчестер. Это событие жители Гента вспоминают с гордостью и считают жителей Винчестера, потомков тех первых переселенцев, своими земляками и согражданами.

После шестивековой норманнов Гент сделался столицей Фландрского графства. Река Лиси обтекает хорошо сохранившийся замок графов. Подобно антверпенскому Стэну, его строительство было закончено в одиннадцатом веке.

Пройдя по набережной реки, вы увидите на противоположном берегу целый ряд жилых домов в готическом стиле. Эти дома принадлежали корпорациям и почти все построены в тринадцатом веке. Корпорации были фактическими хозяевами города, и, пока Бельгия не оказалась под испанским ярмом и не была обозначена на карте империи как семнадцатая провинция Карла Пятого, они сохраняли свою экономическую и правовую независимость.

Приход испанцев открыл церковь. С этих пор борьба приняла открытый характер, а во времена Филиппа II достигла своей кульминации.

Садист император осквернил Гент своим визитом. Только стало известно о его приближении, на башне мэрии большой колокол ударил тревогу. Этот колокол звонил лишь в тех случаях, когда к городу приближался враг, и звонарь призывал всех — старого и малого — к оружию.

Еще не настало время смертельной схватки с Филиппом, но тревожный набат, будивший в груди жажду мщения, грозно гудел над городом.

Филипп пожелал узнать, в чем дело. Он полагал, что Гент торжественно встречает его и в его честь звонят колокола. Филиппу доложили, что означает бой большого колокола на башне мэрии, и посоветовали вооружиться. Гордые и непокорные жители Гента в любую минуту могли причинить неприятность незваным гостям.

Ни у городских ворот, ни на улицах короля со свитой никто не встретил. Большой город, казалось, обезлюдел. Только двурюшники явились к нему и принесли нижайшие извинения за самовольие и непокорность горожан.

— Немедленно сбросить колокол с башни мэрии! — приказал разгневанный Филипп. Сшел с коня перед собором св. Бавона и, сложив на груди руки, стал ждать.

Филипп знал, что снять большой колокол и сбросить его с башни мэрии — значит оскорбить Гент, и именно потому проявлял нетерпение: Гент, наконец, должен почувствовать королевскую силу и склонить голову.

Не прошло и получаса, как городской колокол с гулом полетел вниз со стометровой высоты, жутко застонал при ударе о мостовую и, расколовшись на мелкие куски, разлетелся по всей площади. Один маленький осколок упал к ногам королевского коня. Испуганное животное зафыркало и запрядало ушами.

Только после этого король свои выслушал молебен. Когда испанцы вышли из собора, на площади уже всюю польхал костер. Обнадеженные приходом короля двурюшники и предатели схватили тех, кто бил в набат, и только ждали приказа его величества...

Жители Гента в ту же ночь собрали осколки разбитого колокола, спрятали и через много лет после описанного события отлили заново, чтобы повесить на башне мэрии. К сожалению, звук нового колокола оказался не тот, к которому привыкли в Генте. Тогда решили колокол, с честью исполнивший свой долг, по-

ставить на высоком постаменте как одну из достопримечательностей города. Сказано — сделано. Колокол мэрии, гул которого вызвал ярость короля Филиппа, по сей день стоит на том самом месте, где сброшенный с башни он разбился в осколки, стоит как напоминание, как символ твердости духа старых фламандцев.

18

Если вы пересечете реку Лиси и по такой же мощеной дороге, по какой попали из Антверпена в Гент, направитесь на северо-запад, примерно через сорок минут езды вы окажетесь в третьем крупном городе Фландрии — Брюгге. Крупный торговый и промышленный центр, в порту которого некогда сходились морские пути со всех сторон мира, Брюгге упоминается в летописях с незапамятных времен.

Трудно назвать страну или народ, с которым не торговал бы Брюгге или куда не ступала бы нога его жителей. В четырнадцатом веке Брюгге развернул оживленную торговлю со странами Восточной Европы — Польшей и Россией. Через порт Брюгге в Россию и Польшу поставлялись сукно, полотно, ковры, оружие и посуда. Взамен Польша и Россия поставляли во Фландрию смолу, лен и строительный лес для корабельных верфей Брюгге и Антверпена. Старинные фландрские города, среди них и Брюгге, покупали также в России мед, воск и шерсть.

В Брюгге, так же как и в других городах, большие и красивые дворцы построены в центре. Остальные районы застроены, как правило, двух- и трехэтажными домами, не отличающимися особой привлекательностью. В узких на редкость извилистых улицах еле разъезжаются два автомобиля, но движение тем не менее очень оживленное и при переходе через улицу приходится быть начеку.

На Рыночной площади ваше внимание непременно привлечет каменное, почерневшее от времени здание, выстроенное в стиле позднего барокко. Раньше его занимала мэрия. Сейчас мэрия расположена тут же на площади в нескольких просторных дворцах, увенчанных гранеными башнями. С новой резиденцией мэрии смыкается под прямым углом украшенный гербами и эмблемами Дворец правосудия, где заседает областной суд Брюгге.

На гербе Брюгге изображены лев и медведь. Любопытно, что здесь не только города, но каждый район и даже улица имеют гербы и знамена. Однако жители Брюгге не довольствовались и этим. Здесь многие улицы и районы отмечают свои, так сказать, индивидуальные праздники. В такие дни жители празднующих улиц и районов вывешивают свои флаги. Не случайно сказано, что, если встретятся три бельгийца, они немедленно создадут общество и сошьют знамена.

Для того чтобы с Рыночной площади попасть к каналу, нужно пройти под аркой новой ратуши. Отсюда глазам открывается вид на совершенно средневековый город. Над неровными, крутыми и острыми кровлями, расположенными в разные стороны, висится башня и шпиль собора. Но, прежде чем подойти к собору, придется пройти несколько узеньких улиц, застроенных одноэтажными домами.

...Лет двести или триста назад, а может быть, и раньше, эти домишки, в сравнении с другими домами Брюгге кажущиеся труппомами, были построены как убежища для городской бедноты. Надо полагать, что и тогда они выглядели весьма непрезентабельно. Несмотря на это, чтобы не нарушить традиционного облика города, фасады и здесь оставлены в неприкосновенности, и с ними как-то согласованы новейшие, прекрасно оборудованные квартиры за старыми фасадами.

Пройдете еще одну такую узкую улочку и выйдете на мощенную цветным булыжником площадь. По правую сторону площади висится увитый плющом собор Божьей матери Брюгге, тот самый, высокий шпиль которого мы видели над домами из-под арки мэрии.

Этот собор знаменит мраморным резным алтарем и органом высотой с двухэтажный дом. Но это не все. Собор гордится своим главным сокровищем. В нише алтаря стоит беломраморная «Матерь божия Мария и младенец Иисус Христос». На постаменте большими латинскими буквами высечено «Микеланджело».

Да, это творение Буонаротти! Трудно сказать, когда оно попало в Брюгге: до постройки собора или после.

В мрачные дни, когда в Брюгге вступили завоеватели — фашисты, скульптура пропала. Это известие поразило жителей города: в пору самых тяжелых испытаний, какие только выпадали на долю Брюгге, заступница божья мать Мария покинула его... Но ценнейший памятник мирового искусства не покидал



Брюгге. Скульптуру выкрали и схоронили подпольщики, чтобы какой-нибудь фашистский полковник не отправил ее в Берлин для пополнения своей коллекции. Немцы бесчинствовали в Брюгге долгих пять лет. И пять лет скрывалась «Божья мать». Совершенно неожиданно ее снова увидели в пустовавшей нише — нише алтаря, когда в город вошли союзники и в нем не оставалось ни одного фашиста.

С собором Божьей матери, или, как его называют бельгийцы, Нотр-Дамом, смыкается старинный графский дворец. Оба сооружения, несколько надменные, мрачноватые, вызывающие неизъяснимо скорбные чувства, создают характерный для средневековья суровый ансамбль.

Маленький двор, украшенный цветами и затененный красиво подстриженными деревьями, делится пополам глубоким рвом с каменными стенами и зеленоватой водой. Ров проходит под аркой дворца и за его пределами, у края улицы соединяется с широким и глубоким каналом.

Усыпанная толченым кирпичом садовая тропинка приведет вас к городскому Музею изобразительных искусств. Музей расположен в двухэтажном, однако достаточно высоком и капитальном здании. Так же как все большие и маленькие музеи бельгийских городов, он замечателен и неповторим, благодаря хранящимся в нем оригиналам. Брейгель, Давид, Ван Эйк, Мемлинг, Ван дер Вейн...

«Скорбящая Мария» Ван дер Вейна, почти позеленевшая от горя... При взгляде на нее испытываешь неодолимое желание выразить сочувствие отчаявшейся матери.

Живыми, яркими красками и глубиной перспективы впечатляет полотно Мемлинга «Святой Христофор»...

Самое замечательное то, что некоторые из выставленных здесь картин изображают быт и жизнь простых людей Фландрии и при этом ни на шаг не отходят от традиционных религиозных сюжетов.

Ясностью мысли и публицистической остротой характеризуются два полотна Герарда Давида, сюжетно дополняющие друг друга.

Творчество Давида приходится на вторую половину пятнадцатого и начало шестнадцатого века. Родом он был из Брюгге и самые плодотворные годы своей жизни прожил в родном городе. Жизнь художника совпала с периодом расцвета Брюгге. В то время корпорации пользовались большими правами и диктовали городской жизни свою мораль, свои обычаи и тенденции.

Два больших полотна Давида, выставленные ныне в музее, несколько десятиков лет назад были собственностью мэрии, по заказу которой художник написал их и где они висели на почетном месте.

Что заказали художнику отцы города? Что пожелали они увидеть изображенным на полотне? Главной идеей картин должна была быть идея чести и неподкупности городских властей перед лицом народа.

«Ваша картина, — сказали Давиду, — должна изображать искреннюю клятву человека, облеченного доверием народа, и одновременно проклятие всем тем, кто хотя бы на йоту изменит этой клятве из-за своих человеческих слабостей. Укравший верблюда и укравший иголку — оба воры!».

Картина как бы освещена чистой ранее данной клятвы, но она несет в себе и проклятие преступившим клятву. Здесь все говорит против судьи, совесть которого нечиста. Вернее, не говорит, а вопиет, и вопль этот достигает небес.

Долго задерживаешься перед аллегорическими картинами Жерара Боша. Как и Брейгель, Бош был очевидцем безнаказанного разгула инквизиции на земле Фландрии. Потому-то на первый взгляд его картины так алогичны и лишены внутреннего порядка: люди потеряли человеческий облик. Весь мир погружен в хаос. Чалят и дымят костры. Всюду виселицы, эшафоты. Не поймешь, кто кого хватает, пытает, сжигает; то ли протестанты католиков, то ли католики протестантов...

Это те самые места, где возили свою расшатанную тележку легендарный Тилль Уленшпигель и его глуповатый друг Ламме. Ведь именно в Брюгге нашел Ламме свою красавицу-жену, но, увы, затем опять потерял. А вот и деревня Даме, в которой по доносу злого и желчного соседа кровопийцы-инквизиторы возвели на костер отца Уленшпигеля — Клааса.

Нужно сказать, что знаменитая во всем мире книга Шарля де Костера не пользуется сегодня большой популярностью на родине. Издают ее редко. Молодежь не очень тянется к ней. Конечно, что-то в книге устарело, что-то навсегда ушло в прошлое, но трудно сделать достоянием прошлого силу духа и неистребимое стремление к свободе, пронизывающие созданный фантазией народа образ Тилля Уленшпигеля.

Следы тележки Ламме повели нас еще севернее — к берегу моря. Если ехать этим путем, последним пунктом на суше будет курортный город Бланкенберг — «Белая гора». Затем дорога пойдет по побережью и, минуя Остенде, направится к Дюнкерку.

На второй год после начала второй мировой войны мотомеханизированные части и танковые бригады немецких фашистов ворвались в Бланкенберг и через два или три часа оказались у стен старинного порта Остенде.

Отступившая бельгийская армия, которой командовал сам король Леопольд III, решила дать здесь генеральное сражение. Соотношение сил не сулило союзникам ничего хорошего. Просьба короля Леопольда не была принята во внимание: напуганные английские генералы думали только о том, как бы вывести свои войска из-под ураганного огня и достигнуть Дюнкерка. Там их ждала морская эскадра. Перережь немцы пути к отступлению, Великобритании пришлось бы распространиться со стоящими в Дюнкерке кораблями, а взятые в кольцо английские войска никогда не увидели бы родных берегов. Но бог войны в этот раз не отвернулся от англичан. Они успели ворваться в порт, погрузиться на корабли и поднять якоря.

После предательского бегства англичан король Леопольд, не пожелав покинуть свою землю, вместе со всеми бельгийскими вооруженными силами сдался в плен под Дюнкерком.

Скоро дорога вырвалась в польдеры. На горизонте заколебалась нескончаемая волнистая линия дюн, а за дюнами, как при подступах к Лейдену и Гааге, вспыхивала и опять скрывалась сверкающая синь моря, пока дорога не потянулась слегка в гору, и море, столько дней не показывавшееся нам на глаза, открылось как на ладони.

А вот и прекрасный белостенный город Бланкенберг со своими многоэтажными домами и ровными, как струнка, улицами. С бланкенбергским пляжем, который при морском отливе обнажается на целый километр, не сравнится даже великолепнейший гаагский пляж. Именно этому пляжу обязан своим существованием красавец-город.

В Бланкенберге множество первоклассных отелей, игорных домов, ресторанов и кафе, универмагов, переполненных предметами роскоши и широкого потребления, баров, ночных клубов...

Удовольствие отдохнуть здесь стоит больших денег, и этим курортом пользуются преимущественно иностранные миллионеры. Как только наступает купальный сезон, в середине лета сюда начинают стекаться гурманы-толстосумы со всех концов света. От них не отстают привычные к перемене мест — вольной или невольной — международные авантюристы. В казино до утра не гаснет свет. Утро застает игроков за столами, по зеленому сукну которых за ночь из одного кармана в другой перекочевывают миллионы долларов.

Бланкенберг чрезвычайно равнодушен ко всем и чрезвычайно вежлив со всеми. Он открывает свои двери и оказывает гостеприимство, не смотря на цвет кожи, вероисповедание и политическую принадлежность. Наличное золото или английские и американские банкноты примиряют всех и вся.


Дорога лежит вдоль дюн. Чувствуется близость моря. Время от времени слышно, как ритмично накатывают на берег волны, но моря не видно. Чтобы увидеть его, надо подняться на верхушку дюн. Вспененное море плещется выше уровня польдеров, и белопенная волна буквально у твоих ног ласкает подножье холмов из удивительно чистого, словно бы просеянного песка. Идти по дюнам трудно. Если не нащупать спору, по колени провалишься в песок и не сразу выберешься.

Вот опять городок — приморский курорт. Этот — для людей среднего достатка: Коксютмеер — «Петух на море». От шоссе и до пляжа по правую сторону дороги — коттеджи с другими крышами. Видны и трех-четырёхэтажные недорогие гостиницы, где в жаркие летние дни находят приют одинокие сравнительно небогатые люди.

Из дюн постепенно выросли и вскоре встали, как лес на краю неба, шпили и башни Остенде. Мачты стоящих в бухте кораблей и стрелы подъемных кранов в порту состязались в высоте со шпилями соборов.

Только подъехав поближе, увидишь, что, кроме кораблей с высоченными мачтами, в бухте стоят десятки других судов: рыбацкие сейнеры, изящные яхты, моторные лодки и почти по палубу ушедшие в воду грузовые баржи, Отсасывающие ил плавучие экскаваторы, так же как в Шельде и Лиси, тарыхты и грохочут на весь порт. Под вытянутым к берегу длинным хоботом, выбрасывающим струю ила, в ожидании своей очереди толпятся грузовые машины.

Время полдника. В старинных кафе на портовой улице все места заняты моряками, портовыми рабочими и рыбаками. Нароботавшись, они с аппетитом едят, запивая горячую еду холодным martini или пенящимся пивом.



На перроне порта, вдоль кнехтов для закрепления судов, устроен рыбный базар. Издавна всеми признанное разделение труда: мужчины ловят рыбу, женщины продают. Покупателей почти не видно. Свежая, только что выловленная рыба разных пород и разных размеров маленькими кучками и целыми холмами навалена на оцинкованные прилавки. Море, правда, под боком, и поймать рыбу наверняка, не очень трудно, но все-таки стоит она удивительно дешево. Хотя что тут удивительного! Ведь Остенде — город рыбаков и матросов. Здесь у каждого второго жителя своя лодка — простая или моторная — и рыболовные снасти. Зачем же ему покупать рыбу на рынке, когда он может сам выйти в море и, вкусив особого рыбацкого азарта, поймать ее своими руками. И стоят полные, статные и румяные фламандки и, стараясь привлечь покупателей, часами выкрикивают цену своего товара.

Минувя порт, улица сворачивает налево. Эта улица ведет на искусственную террасу, выложенную цветным кафелем. Терраса тянется вдоль берега, перед домами, выходящими фасадами на море. Она на несколько метров выше уровня моря, и во время приливов сюда едва достигают соленые брызги набегающих волн.

На террасе всегда много народа, преимущественно иностранцев. Они стоят у высокого парапета и смотрят на море. Отсюда хорошо видны вся бухта и не знающий отдыха и сна порт. Видно, как выходят суда в открытое море или как, выплывая из густого тумана, они замедляют ход и приближаются к горловине бухты.

На побережье уже появились первые отдыхающие. Они группами сидят в плетеных креслах и, легко одетые, греются на слабом еще солнце.

Два или три часа назад начался отлив, и вдоль берега обнажилась широкая полоса мокрого песка. Полоса делается все шире, сдвигаясь в сторону моря.

В самом центре террасы сверкает желтое, как лютик, длинное здание с круглыми колоннами. Обращенным к городу фасадом оно выходит в сад, густо поросший фруктовыми деревьями и декоративными растениями.

Это летняя резиденция бельгийской королеи. Дворец закрыт, и в нем нет никого, кроме обслуживающего персонала.

Молодая королева Бельгии Фабиола предпочитает проводить лето на родине, в Испании, и венценосный супруг беспрекословно подчиняется ее воле. Королевская чета находит, что Остенде даже в разгар сезона скучен и в нем не развлечься, как ты ни старайся. Совсем другое дело морские курорты Пиренейского полуострова!.. Что ж, возможно так оно и есть.

Рядом, во дворце поменьше, в самом просторном зале, обступив что-то полукругом, толпится народ. На стеклянном парапете выстроились в ряд стаканы.

В круглом, выложенным белым кафелем углублении стоит юная девушка. Она подставляет стаканы под струю из крана и подает всем желающим. Вода в стаканах чистая и прозрачная, как хрусталь. Оказывается — минеральная!

Вкуса почти никакого. Несмотря на это, ее считают здесь настоящим даром природы: заключили чуть ли не в золотую оправу и отмеряют желающим стаканчиками, точно напиток бессмертия.

20

Из Остенде в Брюссель — столицу государства — ведет одна из самых благоустроенных автострад Европы. Она оставляет в стороне все большие и малые города, не говоря уж о селах и деревнях, и почти как по линейке проведена по карте Бельгии, соединяет морское побережье с центром страны. От автострады то и дело отходят в стороны ответвления — шоссе, мелькают крупные надписи — до такого-то пункта столько-то километров. Слева остаются Брюгге, Даме, Гент, еще левее и дальше — Антверпен. Сто пятнадцать километров с характерным дорожным звуком проносятся под колесами автомобиля.

Брюссель построен на холмистой местности. Он окружен большими массивами парков и искусственных лесов, и зимой и летом утопает в зелени. Еще с автострады замечаешь дома и целые кварталы, расположенные на пригорках, и тут же появляется чувство, что ты уже где-то видел эту картину, что она напоминает что-то близкое и родное.

На подступах к городу несколько дорожных знаков показывают, какой дорогой проехать в тот или иной район — или, по-местному, коммуну города. Самая правая, крайняя дорога ведет вверх, вверх вдоль распускающегося леса. В левом окне машины возникает сверкающий, играющий в косых лучах заходящего солнца, окутанный прозрачной дымкой Брюссель. Он является словно бы в огромной яме, и разловооские дома неровно топорщатся по краям этой ямы.

Поросший лесами и парками курортный пригород Лакен — самое высокое место в окрестностях Брюсселя. Потому-то виллы и дачные дворцы самых сос-

тоятельных жителей Брюсселя — членов правительства, министров и самого короля — выстроены в лесах и парках Лакена.

Резиденция короля окружена высоким железным забором. У ворот стоят солдаты в старинной военной форме. Охрана дворца, безусловно, личная, для помпы и величия.

Небольшой дворец, выстроенный из керамического кирпича, виднеется шагах в сорока от ворот. Король Бодуэн и королева Фабiola зимой и летом живут в Лакенском дворце. Перед дворцом на небольшой площади мелькают мундиры военных. Верно, пришло время смены караула...

На противоположной стороне улицы среди столетних чинар стоит усыпальница бельгийских королей — собор Божьей матери.

На протяжении всей истории страны только одному королю — Леопольду II, основателю бельгийских колоний в Конго, не суждено было почтить в фамильной усыпальнице. Его одинокая гробница с зеленого пригорка взирает на Лакенский дворец и собор Божьей матери. Леопольд II по вероисповеданию был христианин-протестант, и католическое духовенство Бельгии не посмело похоронить короля-протестанта рядом с предками-католиками.

Десять с лишним лет назад на Лакенской горе была устроена грандиозная всемирная выставка, известная под именем Брюссельской выставки. Но на бывшей территории выставки и сегодня покажут места, где стояли павильоны тех или иных стран.

Вот эту зеленую лошину, к примеру, занимал американский павильон, а напротив него, на пригорке в самом привлекательном и тихом месте, высился советский павильон. Там же неподалеку стояли японская пагода и Нептун — копия с болонского фонтана.

Теперь все сооружения выставки разобраны, только ее центр — атомium — сохраняет свой прежний вид.

Бельгийские инженеры, конструкторы и металлурги отлили и собрали из дюралюминия символ науки двадцатого века — гигантскую модель атома — и это поразительное по размерам и формам здание поставили в самом центре выставки.

Огромная алюминиевая сфера — протон — имеет единственную точку соприкосновения с фундаментом. Вращающиеся вокруг него электроны, один из которых вознесен на отвесно взметнувшемся радиусе, расположены по кругу. В крайних электронах, наподобие кубриков в подводной лодке, устроены комфортабельные ресторанные купе. Верхний электрон, из окна которого открывается широкая панорама Лакена и оставшегося в низине Брюсселя, оборудована как башня обзора. Из просторного вестибюля, находящегося в протоне, сюда ведет скоростной лифт, к остальным же электронам — эскалаторы.

По первоначальному замыслу вся эта машина должна была иметь единственную точку опоры, ту самую, на которую опирался протон. Расчет был чрезвычайно точен и среди специалистов не вызывал ни малейших споров и сомнений. Однако осторожное руководство города все-таки не посмело полагаться на предсказания математических счетных машин и из боязни — как бы не было беды — инженерам предложило сделать четыре дополнительные точки опоры для их фантастической алюминиевой конструкции.

Неохотно конструкторы выполнили требование городских властей. Четыре дополнительные точки опоры аннулировали весь эффект фантастического замысла, но благодаря масштабам и практическому назначению атомium остался уникальным сооружением.

Дорога, ведущая из лесистых гор Лакена к Брюсселю, катится под гору. Отсюда раскинувшийся на невысоких холмах Брюссель очень хорош, в особенности вечером. В городе постепенно зажигаются уличные фонари и ослепительные рекламы. Издали можно прочитать огромные надписи, светящиеся зеленым и красным неонам: «Мартини», «Хейнкель Беерс», «Форд», «Сабена»...

В Брюсселе, одном из узловых торговых городов Западной Европы, сталкиваются политические и экономические интересы многих больших и малых стран мира. Реклама есть своеобразное отражение этой борьбы интересов. Победители твердо становятся на завоеванную почву и всеми средствами рекламы извещают Европу, что они здесь и их отсюда не изгнать.

Перспект Крестовых походов переливается праздничными красками. Сверкают ярко освещенные витрины магазинов, рекламы и вывески небольших уютных кафе, баров, подъезды ночных клубов. Перед некоторыми из них стоят элегантно одетые мужчины и приглашают прохожих в клуб. Наиболее доброшестные зазывалы переходят в вежливое наступление. На широких тротуарах толпы людей. Город только начинает ночную жизнь. Какие-то длинноволосые молодые люди под аккомпанемент гитары на всю улицу распевают модную итальянскую песню. Их никто не слушает, хотя изрядно выпившие молодые

люди со смешно заплетающимися ногами всеми силами стараются привлечь внимание прохожих.



Гость столицы Бельгии, если он хочет выразить свое уважение стране и народу Бельгии, должен прежде всего пойти к обелиску Конгресса и возложить венок на могилу Неизвестного солдата, погибшего в борьбе за независимость родины.

Обелиск стоит на возвышенности так, что с искусственной террасы, являющейся продолжением сквера, Брюссель открывается весь, из края в край. Слева и справа от террасы двумя независимыми крыльями взметнулись дома правительства и министерства. Обелиск хорошо виден и снизу, из города, между этими двумя замечательными сооружениями, пронизанными духом двадцатого века.

В 1830 году, когда Бельгия освободилась от господства Нидерландов и могучие соседние державы признали ее государственную независимость, собранный в Брюсселе представительный орган — национальный конгресс — избрал формой государственного управления конституционную монархию и принял конституцию. В тот же день национальный конгресс короновал на престол Леопольда I, родного дядю Виктории Английской и впоследствии зятя французского короля. Европа не сразу признала Леопольда королем. Именно он арендовал у Нидерландов устье реки Шельды, и именно в его царствование Антверпен, скованный по рукам и ногам отсутствием выхода к морю, вступил в пору нового расцвета.

Обелиск воздвигнут в честь названного конгресса по рисунку архитектора Пулярти.

На четырех углах широкого гранитного постамента стоят бронзовые аллегорические фигуры, олицетворяющие четыре конституционные свободы. Впереди на гранитных глыбах спокойно лежат могучие львы — символ государственной мощи. Между этими глыбами на могиле Неизвестного солдата горит вечный огонь. На могильной плите и у лап львов — венки и букеты живых цветов. Сюда приходят бельгийцы и дети других народов, те, кто понимает, что означают слова «быть себе господином», и снимают шапки перед святым прахом Неизвестного солдата. Приходят, наверное, и другие, чтобы для отвода глаз совершить принятый в стране ритуал, а между собой переморгнувшись насмешливо: «Эх, жаль, другие нынче времена... Мы-то знаем, как проучить тех, кто поставил здесь этот столп и уложил смешных львов».

У обелиска хозяева по понятным причинам воздержатся, но только вы отойдете немного, они непременно расскажут вам старый и вечно новый анекдот: однажды ночью три неизвестных солдата — англичанин, француз и бельгиец — встали из своих могил и встретились. — Ты за что погиб? — спросил француз англичанина. — За своего короля, — гордо ответил англичанин, — во славу великой Британии! — А ты? — Я за свободу, равенство и братство! — А ты? — обернулись они к бельгийцу. — А я... я против своего желанья.

В коммуне, где стоит обелиск Конгресса, находятся резиденции высочайших органов государственного управления. Недалеко отсюда и «Национальный дворец», построенный в последней четверти восемнадцатого века, — средних размеров здание с двумя флигелями. В левом флигеле помещается палата депутатов, в правом — сенат.

Если пройти вниз по улице мимо Дворца наций и парка, сплошь затененного громадными липами и чинарами, вы выйдете на Королевскую площадь.

Одну сторону просторной, вымощенной цветным булыжником площади целиком занимает роскошный дворец в стиле Людовика XVI. На флагштоке над его главным куполом ветер полощет государственный флаг Бельгии.

На эту же площадь, позади столетних лип, выходит желтым фасадом здание Королевской академии. Постройка старинная. Некогда этот дом принадлежал принцам Оранским.

В центре площади на взвешшемся на дыбы коне стоит скульптура вооруженного в тяжелые доспехи воина с занесенным мечом. Это Готфрид Бульонский, король Иерусалимский, вдохновитель первых крестовых походов.

В нескольких минутах ходьбы от площади находится замечательное произведение готики — собор божьей матери «Саблон». Напротив него, по другую сторону довольно широкого проспекта, расположен маленький сквер того же

названия. Сквер огражден чугунной решеткой. На каждом из столбов этой решетки поставлены маленькие чугунные статуэтки простых людей. Их одежда и инструменты в руках, определенная поза указывают на то, что на скульптурах изображены представители ремесел, которыми на протяжении веков занимались валлонцы и фламандцы. Кто мог поставить здесь этих мастеров, усилившиеся корпорации ремесленников, державшие в своих руках судьбы страны?!

В задней части сквера, на невысоком постаменте, стоят рядом фландрские графы — Эгмонт и Горн в парадном облачении.

Мадридский королевский двор подозрительно косился на них. Графы сочувствовали народному движению против испанцев, охватившему всю Бельгию и Нидерланды, и его руководителю принцу Вильгельму Оранскому. Но ни один, ни другой не делали решающего шага. Замки обоих кишели испанскими шпионами.

Кровожадный Альба внимательно следил за своими потенциальными противниками, стараясь при этом внешне не порывать дружественных отношений. Нескорого раз он даже пригласил обоих на охоту. И Горн, и Эгмонт вежливо поблагодарили за честь, но не сделали шага, который мог стать для них роковым.

Альба продолжал играть в дружбу.

В конце концов, не умея ничем вернуть доверие заподозривших неладное графов, он послал им клятвенные заверения: вы только приезжайте, и пусть меня покарает всевышний, если я причину вам зло. К тому же, заключал Альба, зачем вам делать из друзей врагов и вызывать на ваших подданных громы небесные... О, как красноречиво, как умно и тонко грозил этот полномочный наместник короля.

Графы попрощались со своими женами и детьми и, во избежание кровопролития риска собственными жизнями, явились к грозному Альбе.

Через три дня, рано на рассвете на Гран-пласе на глазах у всего Брюсселя палач наместника короля отрубил обоим головы; с этого начался кровавый террор, за которым стоял король Филипп и римская церковь.

Гран-плас — самая большая и красивая площадь Брюсселя — и сегодня сохраняет тот вид, какой она имела в конце XVI — начале XVII века. Когда смотришь на оживший камень — дворец брюссельской ратуши, от восхищения захватывает дух. Его башня, увенчанная остроконечным, будто заточенным шпилем, так высока, легка и ажурна, точно вышита из нежнейшего шелка, и видна отовсюду. Боковые башни, стоящие по углам здания, в уменьшенных масштабах варьируют волшебные линии и цветовые соотношения центральной башни. Передний и боковой фасады с несколькими рядами окон, а также крутые кровли, глазами окон глядящие поверх городских крыш, создают впечатление бесконечного многообразия линий, цветов, форм.

Ратуша построена в первой половине XV века по проекту зодчего Иоанна ван Рейсбурка. С верхушки вознесенного в синее небо шпилья на город взирает бронзовое творение скульптора Мартина ван Лода «Святой Михаил» — главная святыня Брюсселя.

Уже больше пяти веков, как городское самоуправление расположено в этом неповторимом по красоте и очарованию здании.

Внутри ратуша так же великолепна, как и снаружи. В коридорах и высоких залах висят картины великих фламандских мастеров. Каждый зал назван, наверное, в соответствии со своим бывшим или нынешним положением: «Зал совета», «Зал секретариата», «Галерея монархов», «Свадебный зал»...


Этот последний не так-то легко обойти сторсной.

В Брюсселе, как и во всей Бельгии, свадьба считается одним из самых значительных актов заслуживающих внимания общества. Молодожены ставят подписи на брачном договоре в «Свадебном зале» ратуши.

Кто бы ни были молодожены, поскольку они граждане Брюсселя, подписание брачного договора проходит в торжественной обстановке. Здесь же, разумеется, родители жениха и невесты, их родственники, друзья, духовенство. На несколько минут, которые запоминаются человеку до смерти, молодожены делаются самыми значительными гражданами своего города — внимание всех обращено на них, все желают им любви, согласия, благосостояния и детей.

В Брюсселе царит культ детей. Здесь никто и никого так не холят и не балуют, как детей. Позади ратуши на тихом перекрестке стоит бронзовая скульптура голенького мальчугана. Избалованный пухленький мальчик, никого не стесняясь, весело и беззаботно мочит улицу...

Не думайте, что «Манекен-писи» поставлен недавно: он уже больше трехсот лет стоит здесь, вызывая у каждого прохожего теплую улыбку. Не бельгийцам, обладающим внутренним артистизмом, и этого показалось недостаточно. Голень-



кому мальчишке шили более двухсот разных одежд. Его передевают по три раза на дню. И вот, наряженный в форму французского барабанщика, с треуголкой на голове, сдвинув барабан на сторону, он беспечно тушит пожар... Из каких только концов земли не стоят здесь люди, отворачивают лица от водяных брызг, и в глазах их рождается улыбка, какой улыбаются только матери и только отцы.

Между Гран-плас и «Манекен-писи» в арочном проходе ратуши вам покажут в стене волшебный камень. Достаточно девушке на выданье дотронуться до него, как к жениху объявится, и первенца ждать недолго. Камень как полированный от бесчисленных прикосновений. Сколько женщин ушли отсюда обнаженными, сколько прибежали сюда поздно ночью и убежали, запыхавшись, задыхаясь: как бы кто не увидел...

Прекрасная, ярко освещенная по ночам, заполненная разноцветными автомобилями и автокарами Гран-плас имеет форму правильного четырехугольника и слегка наклонена с юга на север. Северной стеной площади является мрачный, но роскошный и гордый дворец брабантских герцогов. С ратушей составляет восхитительными красками и поэтичнеешими линиями стоящий напротив нее королевский дворец — королевский чисто символически, ибо со дня его постройки и по нынешний день в него не ступала нога ни одного из бельгийских королей; более того, он никогда не использовался для административных учреждений.

С севера площадь замыкает многооконный громадный Дворец корпораций. Второй и третий этажи его правого флигеля занимает старинное кафе. У стен, расписанных в примитивной манере, стоят грубые столы. Верхний этаж в виде антресолей — туда можно подняться по скрипучей деревянной лестнице.

Ах, сколько скандалистов и заводил скатывалось по этим ступенькам, орчитывая их собственным затылком. сколько лбов расшибли эти резные перила и колонны, сколько пива выдули здесь приехавшие в столицу на поиски удачи провинциальные фламандские дворяне.

23

За Дворцом корпораций, по другую сторону узкой улицы, дорогу преграждает длинная странная постройка. Если в нее войти со стороны Гран-плас, то переходя из зала в зал, можно выйти на площадь Бижи.

Старое, похожее на московский манеж сравнительно невысокое здание — бывшее помещение биржи, на фасаде которой вам покажут несколько скульптур работы Огюста Родена, сейчас почти бездействует. Торговые сделки, аукционы, купля-продажа акций и валютные операции нынче совершаются в любом кафе и на любой площади. Хозяин положения, тот, кто управляет ежедневной финансовой жизнью страны, спокойно сидит в кафе, попивает турецкий кофе и заедает его мороженым.

Но традиции есть традиции. По утрам в витринах биржи наклеиваются обрывки денежных знаков разных государств. Там же приписано, каким будет курс этих денег с такого-то по такой-то час — соотношение между иностранными валютами и бельгийским франком. Часты случаи, когда это соотношение меняется несколько раз в течение дня, но случается, что проходят недели, а на «биржевом фронте» царят мир и покой.

Столь же оперативно объявляют об изменениях акционерные общества. От их положения в большой степени зависят денежный курс и колебания биржевой температуры. В дело вмешиваются банки. В каждый удобный момент на арену действий выходит пресса. Репортеры рыщут повсюду, от их наметанного глаза и чуткого слуха трудно укрыть что-либо.

Позади остался бульвар, названный именем почетного гражданина Брюсселя, бывшего мэра города Адольфа Макса. Машина сворачивает на проспект Лауры и едет по нему, пока не выедет на авеню Наций. Авеню Наций тянется по направлению к Суанскому лесу. Прежде чем по пути к Ватерлоо проехать Суанский лес, машина минует академический городок. Академический городок составляют корпуса Брюссельского университета и жилые помещения для студентов и профессорско-преподавательского состава. Отдельные факультеты помещаются в небольших зданиях, разбросанных по всей территории.

Перед каждым зданием на пестрых газонах и клумбах на постаментах разной высоты стоят бюсты выдающихся ученых и деятелей культуры.

Искусству Бельгии принесли лавровый венок мирового признания фламандские мастера кисти. Но Бельгия — страна развитой науки и большой литературы. Чтобы подтвердить это, достаточно назвать имена Эмиля Верхарна и Мориса Метерлинка. Вместе с другими корифеями науки всемирную известность завое-

вали бельгийские медики, два из них — Жюль Борде и Корнелиус Хейманс лауреаты Нобелевской премии.

Вот и последний дом Брюсселя, и вы уже в Суанском лесу. Лес, разумеется, искусственный, но выглядит вполне естественно. Горячее солнце, лучи которого с трудом пробивались через густые ветви, пробудили землю, и кругом стоит душноватый дурманящий запах отогревшейся прели. В дороге изредка попадаются встречные автомобили. Шофер замедляет ход и, поскольку подъемы и спуски то и дело чередуются, часто переключает скорость и внимательно смотрит на дорогу.

16 июня 1815 года по этой же дороге двигалась к Ватерлоо армия английского полководца лорда Веллингтона. Веллингтон находился в Брюсселе, когда узнал о том, что вернувшийся на французский престол Наполеон начал военные действия и вступил на территорию Бельгии. Над стоящим в Брюсселе семидесятитысячным войском англичан нависла смертельная опасность. Союзники-австрийцы были далеко, за Рейном. Еще дальше была русская армия. Единственную надежду на спасение представляла пятидесятысячная прусская армия, возглавляемая опытным и смелым полководцем маршалом Блюхером.

По точным сведениям разведки, Наполеон располагал армией в сто тысяч человек. Но, несмотря на то, что англичане вместе с пруссаками значительно превосходили в численности французоз, надеяться на это было бы глупо. Ведомые в бой самим Бонапартом, французы могли вздеть на штыки противника, вдвое и втрое превосходящего их численностью.

Со своей стороны, Наполеон хорошо знал, что австрийская армия ускоренным маршем движется для соединения с Веллингтоном и Блюхером; сюда же спешили почти двести тысяч русских. Судьба Бонапарта висела на волоске. Он мог надеяться на победу только в том случае, если бы не дал противникам соединиться и молниеносными ударами разбил бы их порознь. С этой целью Наполеон атаковал Блюхера на берегах Мааса, между Шерлеруа и Льежем. Маршал Ней, командовавший кавалерией, с утра был пьян и начал атаку с опозданием. Пруссаки были побеждены, но не уничтожены. Это обстоятельство сыграло впоследствии решающую роль в ходе сражения и решило его судьбу в пользу союзников.

Блюхер оставил на поле боя двадцать тысяч убитыми и беспорядочно отступил. Наполеон, понимая, что его нельзя выпускать из рук, срочно приказал маршалу Груши во что бы то ни стало найти Блюхера и уничтожить, а сам вышел на поле Ватерлоо, где несколькими часами раньше встал Веллингтон. Ту беспокойную ночь он провел на ферме Кайю.

На бескрайнем зеленом поле позади фермы — пяти или шести домов с островерхими крышами — вздымается конусообразный холм. Этого холма, поросшего свежей весенней травой и кустами с нерасправившимися листочками не было здесь сто пятьдесят лет назад. Его на радостях соорудили бельгийцы — в честь победы союзников над беспокойным французским императором. На вершине холма на сверкающем белизной высоком постаменте, положив лапу на земную полусферу, стоит громадный лев; его лик с оскаленной пастью обращен в сторону Франции, откуда напал на союзников Наполеон Бонапарт и куда вернулся, раз и навсегда побежденный на поле Ватерлоо.

На ферме же все оставлено в неприкосновенности, в точности так, как было в ту ночь.

В нештукатуренной, основательно прокопченной и продымленной таверне перед огромным камином, не раздеваясь, в мундире сидел император. На дворе шел дождь. Его струи попадали и в дымоход толстостенного дома, и капли шипели на горящих поленьях.

Во второй комнате, где сейчас находится гардероб и где вежливый хозяин таверны почтительно примет у вас пальто и шляпу, в ожидании приказов императора клевали носами промокшие адъютанты.

От Груши не было никаких известий. Что с ним? Нашел ли он Блюхера, в панике отступившего к берегам Мааса? Император приказал немедленно привести к нему всякого, кто появится с вестями от Груши. Но не видно было ни Груши, ни гонца от него с добрыми вестями. А вдруг он напоролся на хитроумную засаду и загубил всю армию?

Да, у Наполеона, сидевшего перед широким камином на ферме Кайю, было над чем поломать голову. Проливной дождь смешал все его планы. На раскисших распаханных полях и нивах ни кавалерия, ни пехота не могли ступить ни шагу. А о стремительном маневрировании артиллерии не могло быть и речи...

От фермы Кайю для подъема к бронзовому льву навели бетонную лестницу с железными перилами. По лестнице — ее длина не меньше ста метров — непрерывно двумя потоками, вверх и вниз, движутся люди. Одни уже побы-

вали наверху и своими глазами видели бескрайнюю зеленую долину, на которой развернулось одно из самых кровопролитных сражений в истории человечества, другие только идут, чтоб увидеть ее из края в край, и устами запыхавшиеся, тяжело дышат.

На небольшой площадке у постамента можно заплатить двадцать пять сантимов за подзорную трубу времен Наполеона, и вся бескрайняя долина откроется как на ладони. Из невидимых репродукторов слышится отрывистый гул военных оркестров. Офицеры и генералы громко выкрикивают команды. В эти голоса вдруг врывается грохот пушек и яростный шум битвы.

Как только рассвело, Наполеон со своим многочисленным штабом вышел из фермы и осмотрел место предстоящего сражения. Дождь перед рассветом прекратился, но с листьев яблонь, шелестевших вокруг, еще падали капли. Земля раскисла, в таких условиях нечего было и думать о начале сражения. А время не ждало. Каждая потерянная минута приближала объединение Веллингтона с австрийцами и русскими и делала победу Наполеона все более сомнительной.

За ночь, невзирая на проливной дождь, Веллингтон сумел укрепиться на пригорках у Можен-Жан, на юге от деревни Ватерлоо. Дорога для отступления на Брюссель, проходящая через Суанский лес, была отрезана.

Деять часов утра. Десять. Одиннадцать... Наполеон медлил с началом атаки. Кроме того, что его связывала по рукам и ногам непроходимая грязь, все еще не было вестей от Груши. Незнестность терзала, как соль, попавшая на рану. А время не ждало. Наполеон послал гонца на поиски Груши с приказом немедленно двигаться к Ватерлоо.

Однако и союзники не дремали. Опытный, понаторевший в военных хитростях Блюхер умело укрылся от преследования. Нерешительный Груши, привыкший слепо выполнять приказы своего императора, нигде не смог настичь отступающего неприятеля, чтобы дать ему сражение. Блюхер блестяще воспользовался нерасторопностью и нерешительностью французского маршала и через гонца сообщил Веллингтону, что, как только избавится от преследователя, немедленно выйдет к Ватерлоо и встанет плечом к плечу с английской армией.

Армия Груши целую ночь под проливным дождем плутала по лесам в поисках Блюхера. Но тщетно. Ни ночью, ни утром 17 июня пруссаков никто не видел, за исключением маленьких групп, ничего не знавших о движении армии. На рассвете англичане перехватили наполеоновского гонца. В четыре часа дня, когда солнце пригрело кастелью, что даже в лесу от земли повалил пар, маршал Груши и его солдаты, обессиленные от преследования невидимого неприятеля, услышали далекую канонаду. По звукам трудно было определить, кто стреляет, но ни у кого не осталось сомнения, что сражение началось. Груши перекрестился и с минуту стоял, почти не дыша.

А на поле Ватерлоо действительно началось жестокое и последнее сражение между французской империей и Европой. Наполеон приказал обрушить на английские позиции огонь восьмидесяти четырех орудий. По его же приказу левый фланг неприятеля атаковали кавалерийские корпуса под предводительством самого Нея. Для того чтобы отвлечь англичан и скрыть направление главного удара, незначительные силы французских атаковали и правый фланг Веллингтона. Левый фланг англичан не выдержал ураганного натиска маршала Нея. Правда, и французы понесли существенный урон, но потери англичан были несравненно больше.

Наполеон верхом на белом коне стоял метрах в пятистах от Кайю по поиску в зреющей ржи и оттуда наблюдал за ходом битвы. На левом крыле он держал в резерве кавалерийский корпус. Если Нею придется трудно, этим корпусом он намеревался нанести удар по правому флангу Веллингтона. Вскоре, как и следовало ожидать, на участке атаки Нея жар битвы спал. Англичане пришли в себя после немыслимо яростной французской атаки и построили неприступное каре. Французская кавалерия раз за разом откатывалась от этого каре, за которым на расстоянии пистолетного выстрела стояли сам Веллингтон и весь английский генералитет. Настала минута, когда перед глазами Веллингтона во всей ясности вырисовывалась картина жестокого поражения: он бросил против Нея все свои резервы, напряг все силы, для того чтобы как-нибудь отбить атаки неприятеля.

Наполеон видел, что Нею приходится трудно. Сейчас необходимо было нанести столь же сильный удар по правому флангу неприятеля. Англичане не успели бы перестроить каре, и хоть кавалеристы Нея заметно устали в непрерывных атаках, они беспрепятственно ворвались бы в середину расположения противника и завершили бы битву победой Франции. Но сил не хватало.

тало и императору; вводить в дело резервный корпус имело смысл только при появлении на поле боя маршала Груши. А Груши как в воду канул. Наполеоном все больше овладевало нетерпение. Он дважды приказал начальнику штаба уточнить местоположение Груши. Почему он олаздывает? За всю свою боевую жизнь он впервые почувствовал, что в славных битвах, когда французская армия одерживала победу за победой, оказывается, он, главнокомандующий, был не один. Рядом с ним всегда были бесстрашный Миурат, любимец императора Даву, бог кавалерии Сен-Сир и еще другие — умелые и бесстрашные. Сегодня он сражался без них: Сен-Сир спал вечным сном, Миурат сидел на королевском троне в Неапле Даву, военный министр Французской империи, пыгался сохранить нарушенное равновесие внутри государства...

Наполеон поднес к глазам подзорную трубу и стал разглядывать укрепления на правом фланге Веллингтона. Будь у него под рукой две-три дивизии, он сейчас же бросил бы их в атаку. Вдруг он опустил трубу: в стелющемся по земле жидком тумане от Льежа к полю битвы стремительным маршем двинулись кавалерийские колонны... «Слава богу, подоспел!» — подумал он, но вслух не сказал ни слова.

Разве он мог представить себе, что рабски преданный императору маршал Груши продолжал поиски бесследно пропавших пруссаков даже после того, как со стороны Ватерлоо донесся грохот орудий и он понял, что битва началась. У Груши ни на минуту не появилась мысль прервать бессмысленные блуждания по лесам, развернуться к Ватерлоо и в критическую минуту вступить в схватку с неприятелем.

Вместо Груши это сделал Блюхер, но он пришел на помощь не Наполеону, а находившемуся в безнадежном положении Веллингтону. Кавалерийские колонны, увиденные Наполеоном, были армией Блюхера. Вместе с пруссаками шли три бельгийских и нидерландских кавалерийских корпуса, присоединение которых сделало армию Блюхера грозной силой.

«Сдавайтесь, храбрые французы!» — несколько раз донесся унижительный клич до находившегося на поле боя Наполеона. В ответ на это французские гвардейцы отвечали непотребной бранью, и горячая кровь лилась рекой...

На обратном пути от фермы Кайю к Суанскому лесу, влево от магистрали, ответвляется дорога. Стрелка и знак, прикрепленные к дорожному столбу, указывают, что до города Веллингтона всего двенадцать километров... Семье Веллингтона и его потомкам бельгийский королевский дом назначил вечную пенсию, потомки героя Ватерлоо получают ее по сей день.

А на поле Ватерлоо, как и прежде, зеленеет трава, как и прежде, колышется рожь, а иногда всю ночь напролет льют проливные дожди.

Последнее утро на бельгийской земле застало нас в автобусе, в открытом поле. Экспресс поглощал километр за километром. Международный аэропорт «Сабена», откуда самолеты различных авиакомпаний разлетаются во всем направлении, удален от столицы более чем на двадцать пять километров. Прямая, как струна, дорога пролегла через мирно зеленеющее поле. Вдали показались белые башенки аэродрома. А по правую сторону дороги началась ограда из колючей проволоки, натянутой на высокие столбы.

Такого забора здесь не увидите по всей стране и потому непременно обратите внимание: что бы это значило?

И в самом деле, как связать воедино ясное майское утро, мирно зеленеющее поле и эту гнусную колючую проволоку, вызывающую в памяти фашистские концлагеря?

Ответ на этот вопрос дают длинные «П»-образно выстроенные здания, а на площади между ними разноцветный лес флагов, словно бы выросших из земли.

Флаги государств — членов НАТО. А в длинных, безликих, как казармы, строениях размещается штаб НАТО. Он недавно был вынужден покинуть Париж и расположился неподалеку от столицы маленькой многострадальной страны, в мирно зеленеющей долине.

Невольно вспоминаются те три неизвестных солдата из старого бельгийского анекдота, услышанного у обелиска, — англичанин, француз и бедняга бельгиец, погибший против своего желания...

Стюардесса на четырех языках сообщает принадлежность самолета, состав экипажа, маршрут, высоту и продолжительность полета. Сидишь в мягком кресле и чувствуешь, что все увиденное и пережитое — с тобой, и остается с тобой до конца жизни.

Взрывает двигатели. Взлетная полоса медленно поползла назад, и — я всем существом ощутил головокружительную скорость. Через несколько секунд самолет, взмывая носом в синь неба, взял курс на Амстердам.



Александр БАРАМИДЗЕ,
академик АН Грузинской ССР

ЗВЕЗДА ВЕНГЕРСКОЙ ПОЭЗИИ

Сверкающая звезда венгерской и всей мировой поэзии Шандор Петефи родился в ночь на первое января 1823 года.

За три месяца до смерти он бросил в лицо грубому и спесивому военному министру, генералу Дьердю Клапке: «Если современники не выслушают меня, я подымусь на высокую трибуну истории и оттуда провозглашу свои обвинения. Справедливое потомство услышит меня».

Сегодня всему прогрессивному человечеству близки и понятны проникновенные слова поэта, направленные против старого мира. Ему внемлют, его ценят, отдавая должное этому поистине великому сыну венгерского народа.

Шандор Петефи был очень близок к своему родному народу, сочувствовал его горестям, описывая его переживания, выражал его идеалы. «Моя священная цель — служить родине, народу», — писал поэт. Он боролся со всякого рода насильем, беззаконием, социальной несправедливостью и национальным гнетом. «Иди же, если ты поэт, с народом сквозь огонь и воду», — обращался Петефи к поэтам XIX века. «Да здравствует народ!», «Народ моя религия, мой бог», «Да славится имя народа ныне и присно и во веки веков!» — провозглашал он. Петефи поклонялся трудовому народу, ему служил, его воспевал. Чванливую же и праздную аристократию, продажных и невежественных чиновников, лицемерных и алчных священнослужителей и другие паразитические слои общества он беспощадно разоблачал.

Петефи был ненавистником тирании и деспотизма, ярым врагом цивилизованных царей-варваров, «коронованных разбойников».

В истории богатой многовековой венгерской поэзии Шандор Петефи признан самым национальным и самым популярным народным поэтом. Он был подлинным идейным руководителем венгерского национально-освободительного движения: поэт-гражданин, поэт-трибун, поэт-революционер и поэт-воин. Восхитительны патриотические гимны Петефи, посвященные венгерской земле, ее горам и долам, ее рекам, дремучим лесам и бескрайним степям, ее трудолюбивому, доброму, талантливому народу. Вот несколько строк из стихотворения Петефи «Патриотическая песнь»¹:

Я твой и телом, и душой,
Страна родная.

Кого любить, как не тебя!
Люблю тебя я!

Безграничная любовь к родной стране и родному народу давала ему право иногда с юмором, а иногда и остро-сатирически высмеивать некоторые отрицательные черты своих соотечественников.

Патриотизм — основной мотив поэзии Петефи. Он горячо и страстно молился о своей родине, превозносил ее героическое прошлое, жаловался на ее безрадостное настоящее и мечтал о счастливом будущем. «Есть ли в Венгрии хоть горсть земли такая, что венгерской кровью не орошена?», «Неужели, милая отчизна, нет в тебе былого героизма?.. Венгрия, достигнешь ли ты снова гордого величия былого?» (II,226) — вопрошает с душевной болью великий поэт (II,224). По определению Петефи, венгерский народ на протяжении столетий, опираясь на плуг и не выпуская из рук меча, отбивался от вражеских нашествий, отдавал жизнь, защищая свою священную землю, своих жен и матерей, свою великую национальную культуру, свой прекрасный язык (здесь полная аналогия с историей грузинского народа). Недовольный настоящим, Шандор Петефи разоблачал и осуждал духовную нищету значительной части общества, ее склонность к обособлению, индифферентность к общественным делам, пагубную тенденцию отдаваться всецело личным интересам. Поэт призывал своих современников пробудиться ото сна и горячо защищать свободу. «Что ж вы рабство терпите такое? Цепи сбрось, народ, своей рукою!» (II,370) — писал поэт и не раз повторял:

¹ Тексты цитируются по четырехтомнику собрания сочинений Ш. Петефи (Москва, 1952 — 1953).



Встань, отчизна! Все вернуть ты можешь,
Только не робей в бою неравном!
«Победить иль умереть сражаясь!» —
Начерти на нашем стяге славном.

Кто уцелеет? Я не знаю!
Но не умрет страна родная!
Вперед, мадьяры! (П,418)

Поэт непоколебимо верил, что венгерский народ бессмертен, что он встанет, проникнется чувством свободы и станет бороться с врагами не на жизнь, а на смерть. Для Петефи борьба за национальную и социальную свободу была единым, неразделимым делом. Не случайно он стал не только идейным знаменосцем венгерской революции 1848-49 годов, но и одним из ее фактических вождей. «Революция — моя стихия», — говорил поэт. Революционно-патриотические стихи Петефи вдохновляли венгерский народ, наполняли его жаждой борьбы против контрреволюционной интервенции, внутренних реакционеров и оппортунистов самых различных мастей. «Национальная песнь» Петефи стала подлинным гимном венгерской революции (II,480), его «Боевая песня» (II,417 — 418) выполнила роль венгерской Марсельезы, «Гонвед» же являлся идейно-организующим поэтическим манифестом, который специально раздавался идущим на фронт воинам. В нужный момент Петефи сам взялся за оружие и вступил добровольцем в революционную армию. «Я вместо лиры саблю в руки взял, я был поэтом — нынче я солдат» (II, 359).

По мнению Петефи, карательные экспедиции интервентов не добились бы успеха, если бы нация была единой и целеустремленной. Самыми отвратительными и злостными врагами он считал врагов внутренних, изменников родины и гражданского долга. Поэт проклинал жалких трусов, упавших духом и сеявших смуту.

Петефи жестоко разоблачал тех, кто колебался и добивался примирения с врагом. А таких, к сожалению, оказалось много не только в кругу высшей знати, но и среди широких слоев интеллигенции. Именно на почве бескомпромиссной принципиальности отвернулся Петефи от своего благодетеля, выдающегося венгерского поэта старшего поколения Михая Верешмари (1800 — 1855) и друга юности — известного романиста Мор Йокая (1825 — 1904). Петефи умел отстаивать свое мнение даже перед общепризнанным вождем венгерской революции Лайошем Кошутом (1802 — 1894), не говоря уже о других известных венгерских политических и военных деятелях.

В вопросах чести и свободы Венгрии Петефи был непоколебим. Но ему была чужда национальная ограниченность. Он был передовым человеком, с широкими, подлинно интернационалистическими взглядами, поэтом-гражданином, ратующим за светлое будущее всего человечества. «Погибнуть ради человечества! Какая радостная смерть!» (I, 427) — признавался поэт.

Петефи прошел очень тяжелый жизненный путь. Он сравнительно легко сносил голод и нищету, мужественно встречал несчастья, опасности, преследования. Но поэт был совершенно нетерпим к национальному нигилизму, общественному индифферентизму, примиренчеству и двойственной политике, а тем более — к явной измене всенародному делу и к предательству. И никто так бурно и с такой искренностью, как Петефи, не радовался успехам революции и счастливым дням народной свободы.

Через всю поэзию Шандора Петефи красной нитью проходит мотив аполгии вина и вакхических настроений. Подробно на этом останавливаться не будем, скажем только, что эти мотивы носят глубокий отпечаток патриотических переживаний поэта. Например, адресуясь к родной стране, Петефи пишет:

Я пью вино. Горчит оно,
Но пью до дна я, —

Мои в нем слезы о тебе,
Страна родная!

Большой вдохновляющей силой поэзии Петефи является любовь, любовь к женщине. Любовь поэта — всеобъемлющий, мощный, бескрайний и безбрежный поток.

Люблю я, милая!
Так люблю тебя,

Как никогда, нигде,
Никто не мог любить!

— обращается поэт к любимой. И еще: «Ведь это смерть почти! Не может это быть, что можно так любить, что можно воплотить все, все в лице одном» (II, 409). И все-таки Петефи был готов принести свою любовь к жертвенному алтарю во имя счастья родной страны. Так и произошло. В дни смертельной опасности для родины и революции Петефи, как известно, без раздумий ушел на фронт добровольцем, и горящее любовью сердце поэта перестало биться в схватке с врагами.

Несколько слов об одном из шедевров Петефи, который в оригинале называется «Мой Пегас», а в прекрасном переводе Григола Абашидзе на грузинский язык получил название «Мерани». Это великолепное лирическое стихотворение пронизано революционно-романтическим духом. Лирический герой —

всадник на коне чистокровной венгерской породы, выросшем в степях родного края и там же пойманном. Быстрее молнии этот окрыленный конь «с огнедышащей пеной» мчится вперед, не зная усталости. Пути-дороги Пегаса беспредельны и бесконечны, как «далека мечты всадника граница». Смелому всадину предстоит проделать еще очень большой путь. И он подбадривает и веселит своего любимого крылатого четвероногого, чтобы он мог преодолеть непреодолимое.

Каждый внимательный читатель «Моего Пегаса» легко почувствует, какое идейно-художественное родство проявляется в этом замечательном стихотворении с поэтическими творениями аналогичного типа других народов и, в частности, с знаменитым «Мерани» Бараташвили. Конечно, сходство здесь не переходит границ типологических признаков. Но и характерно как раз то, что два поэта, отдаленные друг от друга исторически и географически и совершенно незнакомые, дышат одинаковой идейно-эмоциональной атмосферой и свои поэтические устремления выражают в поразительно схожих художественных образах.

Петефи принадлежит выдающаяся роль писателя, упрочившего в венгерской литературе новые, революционно-демократические эстетические идеи. Непосредственный руководитель радикально-демократического крыла венгерской национально-освободительной революции, он и в литературе смело утверждал высокую идейность и народность. Петефи отверг господствовавшие в литературе аристократически-салонные, риторически-вычурные принципы и ввел в родную поэзию народно-разговорный язык и народные поэтические размеры. Высокая идейность, правдивость переживаний и естественность, удивительная художественная простота и утонченность, характеризующие поэзию Петефи, основаны на глубокой народности. «Что правдиво — то естественно, что естественно — то и хорошо и, по моему, красиво: вот моя эстетика», — писал Петефи своему другу Яношу Араню (IV,247). «Поэзия — не зал и не салон, где избранное общество расселось, а храм, в который можно войти в лаптях и даже босиком» (II,145,IV,129). Художественная простота и ясность, сердечность и искренность, по мысли Петефи, являются неотъемлемыми свойствами и самой сущностью поэзии. Он называл себя глашатаем революции, поэтом-буревестником. «Счастлив я, что родился в хижине», — с гордостью заявлял Петефи (IV,44). Согласно Петефи, поэзия должна служить народным интересам, быть доступной и понятной народу. «Если народ будет господствовать в поэзии, он приблизится и к господству в политике, а в этом — задача века» (IV,241).

Радикально-демократическая направленность поэтического мировоззрения Петефи восстановила против него консервативно-реакционную и аристократически-либеральную общественность. Современные авторитетные литературоведы отмечают, что даже великий Верешмарти «не разделял плебейскую революционность Петефи»¹. Поклонялась Петефи и обожествляла его революционная молодежь. Талантливейшему и популярнейшему поэту Венгрии (достоинств и популярности Петефи не отрицали и враги) приходилось в условиях крайней материальной нужды и тяжелого душевного состояния вести упорную борьбу против внутренних реакционных сил и контрреволюционной интервенции. И совсем еще молодой, 26-летний, но уже всемирно прославившийся поэт и гражданин пал жертвой этой борьбы. Он трагически погиб на поле брани 31 июля 1849 года. Удивительно, что, несмотря на юношеский возраст, Петефи как бы инстинктивно чувствовал приближение конца жизни. «Чем меньше жить осталось, тем сильнее моя любовь», — признается он и восторженно продолжает прославлять жизнь: «Как прекрасна земля и как жизнь хороша!» (II,91). Петефи страшилась перспектива «среди подушек умереть в постели» (I,48), он хотел погибнуть в борьбе, в жестокой схватке с врагами и завещал, чтобы его останки были похоронены в просторных степях его родной страны, где-то между Тиссой и Дунаем (IV,40).

Путешествуя по родной стране, Петефи остановился как-то у заброшенной было могилы известного венгерского писателя Михая Чокони (1773 — 1805). Виденное больно пронзило сердце тогда еще полного жизни Петефи. «Вероятно, когда-нибудь другой путник будет вот так же задумчиво стоять над моей могилой», — подумал поэт (VI,36). Однако предчувствие обмануло его. Могила Петефи неизвестна. Его останки бесследно исчезли где-то в далеких степях Эрдея (Трансильвания). Но его желание исполнилось: он погиб в борьбе с врагом, стремившемся поработить его страну. Светлая память о великом поэте навечно хранится в сердце венгерского народа.

¹ Краткая история венгерской литературы XI — XX вв. (Будапешт, 1962, стр. 121).

ПЕВЕЦ РЕВОЛЮЦИИ

Великие поэты по-разному воплощают дух родного народа. Творчество многих из них служило осуществлению чаяний и надежд породивших их народов.

Но не всем удавалось отдавать за торжество этих идеалов не только все свое вдохновение, но и всю свою жизнь.

Недолгой, но исполненной бурь и волнений была жизнь Петефи. Он был не только свидетелем и очевидцем великой венгерской революции, но и стал автором гимна, певцом этой революции, принеся свою жизнь и свое творчество на алтарь освобождения родины.

В детстве Петефи мечтал стать артистом. Он даже тайком бежит из родного дома, чтобы осуществить свою мечту. Но отец силой заставляет своего вольного сына оставить театр. Непокорный Шандор не желает оставаться дома и по своей воле становится солдатом. Однако слабый физически, он не в силах выдержать суровый казарменный режим. Шандор заболевает чахоткой, его признают негодным для несения военной службы и отпускают из армии.

И он вновь мечется в поисках своей судьбы. Снова театр, армия, еще раз театр; необеспеченность, голод, нужда. Ради куска хлеба он вынужден пешком исходить всю Венгрию.

У дошедшего до отчаяния поэта оказался лишь единственный попутчик, дававший ему надежду и ободрение. Это был стих, это была поэзия, о которой он не забывал даже в минуты тягчайшей нужды и бедствий. Петефи писал и в казарме, и в больничной палате, в мороз и холод. Его стихи еще не напечатанными распространялись в народе, их передавали из уст в уста, на их слова слагали песни, даже не зная, кто их автор.

Поэтический дебют Шандора Петефи, его появление на литературной арене и признание так же окружены легендами, как и его смерть.

В 1842 году первые стихотворения Петефи были напечатаны в самом влиятельном венгерском журнале «Атенеум». В течение одного года там было опубликовано еще несколько произведений поэта, и хотя тираж журнала был невелик, все же он, наряду с изустно распространившимися стихами,

во многом способствовал популяризации имени молодого поэта.

Ему едва за 20. С одной лишь тетрадкой стихов он приезжает в Пешт. Отчаявшемуся после бесплодных переговоров с издательствами поэту все же удается при содействии известного писателя и общественного деятеля Михая Верешмарты на сумму, скопившуюся от общественных пожертвований, издать первую книгу.

Вдохновленный и ободренный первым успехом, поэт начинает работать помощником редактора журнала мод. И хотя его жалование и гонорар, получаемый за опубликованные стихотворения, составляли минимальную сумму, Петефи все же считал себя счастливым — он получил возможность отныне всецело отдаваться своему призванию.

Только за 1844 год поэт написал 135 стихотворений и две поэмы общим объемом в 8.000 строк.

Многие из этих стихотворений навечно остались в числе шедевров венгерской поэзии, а поэма «Витязь Янош» до сегодняшнего дня признается вершиной национального эпоса.

1844 — 49 годы явились не только периодом наиболее интенсивной творческой работы Петефи, но и замечательной эпохой в истории всей венгерской поэзии — на протяжении столь небольшого отрезка времени поэт создал все то, что столь ценно и дорого для венгерской литературы.

Творческая зрелость пришла к нему, как к Лермонтову и Бараташвили, уже в юности.

По первой книге Петефи стало ясно, что это поэт, в чьем творчестве во всей полноте и величии проявлялись огромная национальная энергия венгерского народа, его мужество и благородство. Каждое его новое стихотворение становилось еще одним подтверждением того, что след индивидуальности этого художника навсегда останется в венгерской поэзии.

Пришел поэт, в чьих стихах и поэмах бурно и стремительно клокотала жизнь. Радость и горе венгерского народа, его простых людей, тружеников, мысли и чувства рабочих и пастухов, бродячих артистов и солдат впервые стали темой

Здесь он еще был человеком,
выйдя отсюда, он ступил на свою
великую дорогу,
чтобы превратиться в звезду.
Его свет негасим вовеки.

Такая краткая и исчерпывающая характеристика потомков, в которой воплощена глубочайшая любовь и величайшее признание, становилась уделом редких поэтов.

Петефи и впрямь звездой заблестал на небосклоне венгерской поэзии, и его свет ныне светит всему миру.

Творчество Ш. Петефи давно стало

достоянием всего советского народа благодаря прекрасным переводам лучших поэтов страны. Стихи Петефи звучат не только на русском, но и на украинском, белорусском, грузинском, и на других языках. Советский читатель достойно оценил и полюбил революционный пафос и глубокий лиризм поэзии великого венгерского певца свободы.

Строя свою новую родину в дружбе с Советским Союзом, венгерский народ осуществляет и великие гуманистические идеи, ради которых сложил голову величайший венгерский поэт и гордость мировой поэзии.

ХРОНИКА

ПОЧЕТНОЕ ЗВАНИЕ УКРАИНСКОЙ ССР — ГРУЗИНСКОМУ ЛИТЕРАТУРОВЕДУ

Указом Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 30 декабря 1972 года грузинскому ученому — известному исследователю грузино-украинских культурно-литературных взаимосвязей профессору Отару Акакиевичу Баканидзе присвоено звание заслуженного деятеля культуры Украинской ССР.

Это высокое звание ему присвоено одновременно с известными деятелями советской литературы — поэтами А. Сурковым, А. Кулешовым и Гегамом Сарьяном.

О. А. Баканидзе уже много лет плодотворно и активно работает в области изучения грузино-украинских культурно-литературных обменов и является пламенным пропагандистом украинской классической и советской литературы. Он во многом способствовал развитию украинско-грузинских связей и установлению тесных контактов между писателями и литературоведами двух братских народов.

Доктор филологических наук Отар Акакиевич Баканидзе — профессор кафедры истории русской литературы Тбилисского государственного университета и декан филологического факультета университета. Он ведет плодотворную научно-исследовательскую работу в области истории русской, грузинской и украинской литератур и культурных взаимосвязей, является автором многих опубликованных научных исследований, среди которых нужно отметить книги «Из истории русско-грузинских литературных связей» (1962 г.), «Очерки украинской литературы» (1965 г.), «Украинский театр в Тбилиси» (1967 г.), «Из грузино-украинских литературных связей» (1968 г.), «Лесья Украинка» (1973 г.), многочисленные научные статьи.

Член КПСС с 1955 года О. А. Баканидзе принимает активное участие в общественной жизни. На протяжении ряда лет он был секретарем партийного комитета Тбилисского государственного университета, заведующим нештатным отделом науки и культуры Тбилисского Комитета КП Грузии, избирался членом Тбилисского горкома КП Грузии, депутатом Тбилисского городского Совета депутатов трудящихся. В течение ряда лет он состоял членом Ученого совета Тбилисского университета. Ныне Баканидзе председатель Ученого совета по литературоведению.



* * *
Руководство Союза писателей Украины направило О. А. Баканидзе приветствие, в котором, в частности, говорится: «Президиум Союза писателей Украины сердечно поздравляет Вас, прекрасного исследователя грузино-украинских литературных и культурных связей, с присвоением почетного звания заслуженного работника культуры Украины. Мы давно знаем и ценим Вас, как большого друга украинского народа, постоянно живущего чувством семьи единой. Желаем новых творческих успехов на благо народов нашей социалистической Отчизны».

Приветствие подписали: секретари Союза писателей Украины Ю. Смолич, В. Козаченко, Ю. Збанацкий, П. Загребельный, Б. Олейник, И. Солдатенко, С. Олейник.

Гиви. ВАРДОСАНИДЗЕ

БЕЗОБРАЗНАЯ КРАСАВИЦА

В бар вошел совершенно высохший старик. Он с трудом передвигал ноги. Дунь — повалится. Войдя в зал, старик остановился. Плечи узкие, спина горбленная. На худощавом теле старый мятый пиджак висит, как мешок. Штанины узких синих брюк не закрывают худых щиколоток. На ногах — сандалии. Грязная шляпа с искореженными полями так глубоко надвинута на глаза, что наполовину скрыла уши.

— Дядя Сэм!

— Дядя Сэм! — раздалось со всех сторон.

— Сэм, старина, иди сюда, приглашаю на сэндвичи, — позвали старика за соседний столик. Звал человек, сидевший спиной ко мне. Я заметил его, как только вошел в бар: волосы у него были непомерной длины для мужчины и говорил он громко.

Длинноволосый выдвинул из-за стола стул и крикнул старику:

— Сэм, садись ко мне!

Дядя Сэм и ухом не повел. Он медленно оглядел зал и неожиданно для меня пошел к моему столу. Когда он проходил мимо длинноволосого, тот схватил его за полу пиджака.

— Да садись же! — крикнул он.

Дядя Сэм молча выдернул полу пиджака из руки длинноволосого, но споткнулся и налетел на сидящих за соседним столиком.

— Что ты как стреноженная кобыла спотыкаешься! — крикнул на него какой-то мужчина, сидевший за столиком, и толкнул старика.

Старик, пошатываясь, добрал до моего столика и, как подкошенный, упал на стул. Лицо у него было спокойное, безмятежное, словно жил он все свои долгие годы беззаботной, блаженной жизнью и все, что случилось сию минуту, никак не касалось его. Шляпу он положил себе на колени.

Дяде Сэму подали чашку кофе и тоненькое печенье, хотя он ничего себе не заказывал. Вероятно, это был его обычный неизменный рацион.

Дядя Сэм поправил шляпу на коленях. Не спеша поднес ко рту печенье, откусил. Склонился над чашкой, отпил глоток кофе.

Я заметил, руки у него дрожали.

Длинноволосый встал из-за своего стола и сел за наш столик. Он прихватил с собой бутылку виски и рюмку.

— Пардон, — сказал он и кивнул мне головой. — Разрешите присоединиться.

— Пожалуйста, — ответил я.

Дядя Сэм ни словом не обмолвился. Даже головы не повернул, словно бы длинноволосого вовсе не было за нашим столом. Только отхлебывал свой кофе и заедал печеньем.

Длинноволосый сел с шумом, долго ерзал на стуле, усаживаясь поудобнее. Был он еще молод, лет, наверное, тридцати, смуглолицый, с крупными чертами лица и походил на грека.

Удобно устроившись, он хлопнул дядю Сэма по плечу и прокричал:

— Старина, сбежал от меня, да?

Дядя Сэм страшно закашлялся, должно быть, капля кофе попала ему в дыхательное горло.

«Ласки этого медведя вгонят в гроб», — мелькнуло у меня в голове.

Дядя Сэм долго отхаркивался, наконец перевел дух и успокоился. Глаза у него наполнились слезами, худое осунувшееся лицо покраснело.

Продолжение. Начало в № 2.



Дядя Сэм вытащил из нагрудного кармана платок, протер глаза и снова стал отхлебывать кофе. Я обратил внимание на то, что платок был чистый.

Длинноволосый взял в руки рюмку.

— Да здравствуют те, кто не работают, а едят! Сэм, вырази свое согласие, — кинул он камешек в огород Сэма. — Чего молчишь, негодник!..

Потом повернулся ко мне:

— Иногда у него не было порядочного дела, всегда был бродягой, а пенсию старина все же вырвал.

— Вы получаете пенсию? — спросил я дядю Сэма.

— Получает, всю жизнь мытарствовал. И вот единственная выгода всей жизни — пенсия.

Дядя Сэм закивал головой.

— Сколько вы получаете?

— Тридцать пять долларов в неделю, — спокойно ответил дядя Сэм и устался на меня своими узкими глазами.

— Но только не говори, что не хватает. Ни дети не плачут, ни жена не ждет. Одной жменькой зерна до отказа набиваешь зоб!.. Ох-о-о-хо-хо! — длинноволосый расхохотался так громко, что несколько пар глаз уставилось на нас.

— Хок... Хок... — застонал дядя Сэм в знак согласия и безропотной покорности судьбе.

— Извините, а чем вас побаловал в жизни господь бог? — спросил я длинноволосого.

— Меня? — удивился он, не ожидая этого вопроса.

— Да!

Длинноволосый задумался.

— Во-первых, мне кажется, тем, что вы здоровый человек и сильны, как великан, — сказал я.

Длинноволосый уставился на пустую рюмку.

— У вас веселый нрав, и это много значит...

Дядя Сэм опять закашлялся. Дрожащей рукой поставил чашку на блюде и ладонью прикрыл рот.

Кашлял он хрипло и долго. Когда отдышался, отодвинул от себя чашку, руки положил на стол и лбом уперся в кулаки. На темени у него виднелся глубокий шрам.

— Таблетки для смеха лежат у меня в кармане, — с запозданием ответил длинноволосый; голос его прозвучал как-то надтреснуто. — Вот гляди! — обозлившись, вскрикнул он и из нагрудного карманчика пиджака достал небольшую продолговатую железную корбочку, раскрыл ее и поднес мне к самому носу: — Гляди!.. У некоторых — жизнь веселая, а некоторые — вот этим себя веселят.

— Давно колетесь?

— Колюсь!..

Длинноволосый захлопнул коробочку и сунул ее в нагрудный карманчик пиджака.

Дядя Сэм поднял голову, покрасневшими глазами обвел зал, словно знакомился с незнакомым ему окружением.

Длинноволосый поставил перед ним рюмку, из которой пил сам, и наполнил ее виски.

— Пей! — приказал он.

Дядя Сэм наивно поморгал глазами и пожал плечами.

— Пей! — еще громче и строже повторил длинноволосый. — Коль умрешь — чужой могилы не займешь.

Дядя Сэм несмело взял рюмку и поднес ко рту.

Длинноволосый схватил рюмку за ножку и насильно заставил старика пригубить, и держал так до тех пор, пока дядя Сэм не выпил до дна.

— Если в ад ступишь ногой, — сказал длинноволосый, — девушки с Бродвея от тебя не отвернутся.

Дядя Сэм стал икать и побагровел.

— Погубил, — со стоном проговорил он.

— Не прибедряйся, знаю тебя как облупленного.

— Я в чем-нибудь провинился?

— Отягощаешь землю.

— Да, но самоубийство не выход.

— Заговорил...

— Я свое получил... Теперь ты поищи свое, а найдешь, так, смотри, ни с кем не делись, — с неожиданной смелостью сказал дядя Сэм и хихикнул.



— Разболтался, старина, да?
 — Ты этого хотел...
 — Говори, язык без костей — отведешь душу.
 — Вся грязь и нечистоты Баузра проходят через твои руки.
 — А ты всю жизнь купался в золоте.
 — Ты утонешь в тех смрадных трубах.
 — Вот и усладись ими!...
 — Вы работаете в области канализации? — вмешался я в их разговор.
 — Ведь кто-то должен же работать там...
 — Конечно, всякий труд достоин уважения.
 Дядя Сэм вытер бумажной салфеткой пластмассовую поверхность стола перед собой, собрал крошки печенья, высыпал на блюдце и хотел встать.
 — Сиди! — приказал длинноволосый, хлопнул его по плечу и не дал встать.
 — Я пойду, пожалуй, — скаля зубы, попросил дядя Сэм и с детской покорностью посмотрел на длинноволосого.
 — Сиди! — повторил длинноволосый. — Чем слоняться по улицам, не лучше ли со мной лясы течить?
 — Хок... Хок... — слабо простонал дядя Сэм.
 Юноша опять обнял за талию примостившуюся возле стойки Рут и приложил голову к ее голове, покоившейся на руках. Некоторое время они сидели так, не шевелясь, казалось, не дыша. Потом девушка поежилась, должно быть, ее утомила поза, и подняла голову. Юноша продолжал держать ее за талию. Они прижались щеками и замерли.
 — Сэм, а ну-ка выложи все начистоту, как чернокожая девчонка показала тебе кузькину мать и очистила твои карманы!
 Сэм молчал, он весь как-то взъерошился наподобие зачумленной курицы.
 — Ведь уже болтал про это не раз... так говори и теперь!.. — взревел длинноволосый.
 — Хок... Хок.. — пропищал дядя Сэм.
 — Ну, ты был пьян... — напомнил длинноволосый.
 — Выпивший, — сказал дядя Сэм.
 — А раньше хвастал — в дымину пьян был.
 Дядя Сэм заморгал глазами.
 — Не томи душу! — рассердился длинноволосый.
 — Пристала ко мне на улице негритянка, — без всякой охоты начал дядя Сэм.
 — Ты сам пристал к ней, ловелас, — поправил его длинноволосый.
 — Она сама заговорила со мной, — твердо сказал дядя Сэм.
 — На пуховую перину, мол, уложу? — слово за словом вытягивал из дяди Сэма длинноволосый. — Сэндвичей напеку? Зацелую, замилую?
 — Сказала, живу недалеко.
 — Да уж ты бы отказался!
 — Сглушил и пошел.
 — В постельке, должно быть, она обрызгала тебя розовой водичей.
 — Я заснул, как убитый.
 — Во сне, наверное, в кипящем смоляном озере купался.
 — Ничего не помню. В полночь проснулся и сломя голову пустился бежать на улицу.
 — С пустыми карманами!
 — Хок... Хок...
 — О-хо-хо-хо-хо-хо!.. О-хо-хо-хо-хо-хо!.. — не сдерживаясь, во всю глотку заржал длинноволосый.
 Дядя Сэм пошарил по карманам своего пиджака. Отсчитал мелочь, положил на стол. Тихо, неслышно встал и побрел к выходу, держа в руках шляпу. Длинноволосый уже не задерживал его. Людей в баре сильно поубавилось, и никто не обратил внимания на старика.
 ...Когда я вышел из бара, дорогу мне преградила пожилая, одетая в лохмотья женщина с протянутой рукой. Щеки у нее ввалились, губы посинели. Глаза были мутные — от нее пахло вином... Я положил ей в руку несколько монет и быстро отошел... На мостовой, лежа ничком, спал Джон Эли и храпел на всю улицу...

БЕЛОЕ И ЧЕРНОЕ

Негр-водитель улыбкой встречает поднимающихся в автобус людей — скалит зубы, похожие на зерна кукурузы.
 В нашей группе около тридцати человек. Мы сразу заполняем автобус. Некоторым придется стоять.

Я сажусь в самый конец автобуса. Слева от меня сидит негритянка, справа — член нашей группы Нина Ивановна.

Некоторые негры и правда сказочно черны. А Нина Ивановна истинная северянка — у нее голубые глаза и волосы цвета соломки.

В автобусе тесно, сидим прижавшись друг к другу.

Негритянка повернула голову и смотрит на меня.

Автобус неожиданно поворачивает, и я плечом наваливаюсь на соседку. Автобус вновь поворачивает, на сей раз в другую сторону, и теперь я наваливаюсь на Нину Ивановну.

Извиняюсь перед женщинами.

Негритянка только улыбается и не говорит ни слова. А Нина Ивановна успокаивает меня: тут извиняться не приходится, говорит — автобус.

Рядом в кресле сидит негритянка с двумя дочерьми. Старшей лет десять, младшей — семь-восемь.

Мать, должно быть, женщина почтенная, сидит спокойно.

Дети, подобно матери, сдержанны и серьезны, как взрослые.

Старшая девочка замечает, что я наблюдаю за ними, и украдкой поглядывает на меня черными глазами.

— Монахи, смотрите, монахи! — восклицает Нина Ивановна и вытягивает шею.

Смотрю в окно. На мостовой стоят три монаха. Стоят очень близко. На них черные до земли сутаны с белыми широкими воротниками.

Автобус мчится дальше

— Монахи! — вновь прокричала мне в ухо Нина Ивановна.

Опять смотрю в окно. В кизилового цвета автомобиле сидят три монаха: один за рулем, двое на заднем сиденье.

Автомобиль промчался мимо нас на большой скорости.

Остановка. Моя соседка негритянка сходит. Наконец-то почувствовал себя свободно.

— Через пять минут будем на месте, — объявляет водитель.

Мы бы не возражали, если бы эта поездка еще продлилась: в автобусе воздух кондиционирован, прохладно, а в городе уже стоит жара...

Нина Ивановна открывает сумку, достает из нее московский сувенир «Матрешку» и подает девочке.

Ребенок не понимает, что хотят от него и смотрит матери в глаза.

— Бери, девочка, это тебе московские дети прислали! — ласково говорит Нина Ивановна.

У девочки загораются глаза, но взять подарок все же не решается.

— Возьми, девочка, возьми! — ласково ободряюще говорит Нина Ивановна.

Ребенок вновь смотрит на мать: можно ли взять игрушку?

Мать кивает головой: разрешаю.

Ребенок берет подарок и, счастливый, рассматривает сияющими глазами.

Дети попискивают, как зайчата.

Не менее довольна и Нина Ивановна, она прямо сияет.

А вот мы и приехали.

Нину Ивановну пропускаю вперед.

Девочка-негритянка срывается с места и обхватывает Нину Ивановну за талию. Нина Ивановна берет ее на руки и целует.

Выходим из автобуса.

— О, кэй! — прощается с нами водитель автобуса.

— О, кэй!

В одном из окон автобуса пара черных маленьких головок с черными блестящими глазками...

2

Спешим, мы еще даже не завтракали.

Но возле Белого дома встречаем большую очередь.

В Белом доме с успехом могла бы разместиться школа, больница или клуб. Если туристу неизвестно, что это Белый дом, он так и пройдет мимо, не подозревая, что миновал дом номер один.

И все-таки велик интерес к Белому дому. Каждый иностранец или житель Америки, впервые приехавший в Вашингтон, считает себя обязанным посетить Белый дом, ступить ногой в зал, подышать ароматом сада Белого дома...

А сад Белого дома действительно прекрасен.

Он окружен литой сеткообразной изгородью. Вон за ней над зелеными саженцами склонился садовник. В руках у него садовые ножницы.



Мы занимаем очередь, выстроившуюся вдоль изгороди. Садовник выпрямляется и смотрит в нашу сторону. Он оказался молодым, представительным.

В старых сказках садовники всегда глубокие старики. В Америке негры работают в аэропортах, гостиницах, ресторанах, кинотеатрах, везде, где требуется обслужить человека. Но негр-садовник в саду Белого дома — это меня поразило.

Когда стоишь в длинной очереди, тебя охватывает нетерпение... Но вот за тобой кто-то встал. За ним еще кто-то. Ты подвигаешься вперед. А потом, когда оглянешься, увидишь позади себя длинную очередь, почувствуешь облегчение.

Человека на четыре или пять впереди меня стоят негритянка и негр с головой, остриженной наголо. У этого молодого негра на плече висит фотоаппарат, но он ничего не фотографирует. И позади меня стоит негр. Тот не переставая двигает челюстью — жует жевательную резинку. В руках у него большой черный портфель, набит, должно быть, чем-то тяжелым, потому что он очень часто перекладывает его из руки в руку.

Очередь ползет медленно.

Негр-садовник уже где-то позади. С ножницами в руках он переходит от куста к кусту, обрезает лишние ветки, обстригает, наводит красоту.

Временами распрямляет плечи, спину — несколько мгновений отдыхает. Он не смотрит за ограду, на очередь, словно для него не существует вся эта масса людей.

В саду Белого дома — зеленый ковер травы.

Над Белым домом, как белый плат, расплалосось плывущее облачко.

В облачко влетел самолет. Когда он вынырнул из него, крылья серебром сверкнули на солнце, подобно выскочившей из воды рыбе в солнечный день.

Подул ветерок. Травка в саду всколыхнулась и волнуется, как поверхность моря.

Метнулись по ветру женские волосы и подола платьев.

Негритянская девушка прячется за широкую спину негра. Но ветер дунул с другой стороны и взметнул на ней платье.

На другой стороне улицы по широкой лестнице какого-то учреждения изредка поднимаются и спускаются люди.

Молодая женщина везет в коляске ребенка. У ребенка во рту соска, глаза закрыты. Женщина не очень-то красивая, а внимание привлекает. На голове у нее белая солменная шляпа, на ногах — туфли на мужском каблуке.

Женщинам со стройным телом идет обувь на мужском каблуке. Подходит наша очередь.

Стоящие впереди меня юноша-негр с бритой головой и девушка-негритянка входят в холл Белого дома.

А вот и наша очередь.

Оглядываюсь, смотрю назад, на садовника...

Негр с портфелем вышел из очереди, портфель положил на тротуар и сел. В газоне валяется пустая бутылка из-под виски.

...Я выхожу из Белого дома и поворачиваюсь к нему лицом. Еще раз хочу его окинуть взглядом.

Ко мне приближается какой-то молодой негр. Нацеливает на меня объектив фотоаппарата — фотографирует.

— Сэр, ваш адрес? Фотографию доставим на дом.

— Благодарю, не надо.

— Сэр, на память, на фоне Белого дома... Скажите ваш адрес, сэр!

Он идет за мной по пятам.

— Стоить будет всего один доллар... Очень дешево, сэр...

Шарю по карманам пиджака, отдаю настырному фотографу всю мелочь. Фотограф улыбается, возвращает мелочь и спокойно говорит:

— Благодарю вас, сэр. Это вам пригодится на покупку пуговиц. — И уходит.

Я оглядываю свой пиджак. Да, пуговица действительно оторвалась.

3

Конец дня.

Обедать захожу в кафе самообслуживания.

Такие кафе в Нью-Йорке встречаются на каждом шагу и там обычно мало народу. Но у кафе есть час «пик» — это конец рабочего дня, когда люди возвращаются с работы домой.

В кафе все столики заняты, а у раздаточного стола стоит длинная очередь.



Я внимательно осматриваю выставленные в витрине кушанья.

Из многочисленных блюд выбираю сравнительно дешевые и ставлю на поднос. Кассирша, окинув одним взглядом, подсчитывает и подает чек. Да мой обед обошелся мне не так уж и дешево: в кассу плачу один доллар и шестьдесят восемь центов.

Сидящие за столиком не смотрят на меня. Только когда я поставил на столик свой поднос, они отодвинули свои тарелки — освободили мне место.

А за тот столик, который освободился минуту тому назад, села уже молодая негритянка в очках. Пододвинула к себе тарелку и стала есть. Не поворачивая головы ни в одну сторону, даже не шевельнув ею, черными руками подносит ко рту пищу.

К ее столу никто не подходит, никто не подсаживается.

У нее большие печальные глаза.

Она знает, что как только кончит есть и встанет из-за стола, белые мгновенно займут этот столик. Может быть потому она и не спешит.

Вот кончила есть первое блюдо, принялась за второе. Ест не спеша.

Рядом со мной освободилось место и его тут же занимает молодая женщина. Она легко садится и сразу же начинает есть.

Ест с удовольствием.

Поворачивает ко мне голову и, улыбаясь, говорит:

— Ведь правда, на земле нет ничего вкуснее наших сэндвичей, а?

Хочу сказать ей, что сэндвичи ни в какое сравнение не могут пойти ни с хевсурскими хинкали, ни с азербайджанским люля-кебабом, ни с сибирскими пельменями, — но стоит ли вступать в спор?

С легких рук белой женщины перевожу взгляд на тяжелые руки черной. Белые руки — тонкие, нежные и мягкие; черные — толстые и грубые.

Белая женщина держится легко и свободно, как у себя дома. Черная — сумрачна, скованна и замкнута.

Минут через двадцать кафе пустеет.

За нашим столиком остаемся только мы двое: я и та белая женщина.

Я чувствую себя несколько неловко. А женщина — как рыба в воде.

Сумку, которая до сих пор стояла на полу, она ставит на стол, достает из нее сигарету, закуривает и лакомится печеньем.

Перед тем, как приступить к еде, печенье посыпала сахаром. Теперь крупинки сахара прилипли к уголкам ее рта.

Негритянка продолжает сидеть за своим столиком.

На ее столике стоят грязные тарелки и валяются бумажные салфетки.

Она закуривает сигару. Из широких ноздрей расплющенного носа выпускает табачный дым.

Там, где есть человек — все остальное отступает на задний план, бледнеет. Когда человек уйдет — все снова вырисовывается, выступает из тени, бросается в глаза.

Кафе опустело, и столы стоят как солдаты.

Посуда убрана, столы вытерты.

Поубавилось, поуменьшилось в солонках, сахарницах, бутылках с томатным соком.

В витрины снова выставили разнообразные кушанья.

Ничто и никто не доставит человеку такой высокой радости, какую несет сам человек. Ничто и никто не в силах принести человеку того великого счастья, какое несет сам человек. Когда обрушивается мост, соединяющий людей, — наступает большая беда. Та чернокожая женщина была одинока, когда кафе было заполнено народом. Кафе опустело — и она осталась наедине со своими мыслями, своей печалью, своей болью.

Моя сотрапезница даже крошки печенья подобрала с тарелки. Вытерла губы бумажной салфеткой и легко встала.

Подаю ей сумку.

Благодарит, кивает головой, направляется к выходу.

Оказалось, она хрома на обе ноги.

Смотрю на негритянку. Она глядит вслед белой женщине, которая пытается идти аккуратно, но не может скрыть хромоты, и в печальных глазах негритянки вспыхивает нескрываемая ирония.

ОДНА ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

В Вашингтоне на одной из зеленых тенистых улиц стоит маленький красивый дом. Земли вокруг него — крохотный кусочек, не больше пяди. Таких элегантных домов с малюсенькими украшенными цветами и декоративными растениями двориками в Вашингтоне много. Они привлекают к себе внимание приезжего. Ты останавливаешься и любишь ими.

Вот за этими окнами с закрытыми ставнями находятся люди, такие же, как ты. В этом доме стоят стулья, столы, кровати... В нем — жизнь, почти такая, какая везде. Но все же хочется хотя бы краешком глаза — но только своего собственного глаза — заглянуть туда...

Люди этого дома поднимаются и спускаются по небольшой лесенке, которая соединяет его со всем остальным миром. Дверь дома открывается каждое утро и закрывается каждый вечер, еще до того как в окнах погаснет свет. Потом дом засыпает...

Проходит ночь со всеми своими сновидениями и таинственностями. Вновь открываются ставни дома — дом словно отрывает глаза. Вновь начинают хлопать двери и та пятнеступенчатая лесенка вновь служит мостом между домом и всем остальным миром.

Так бывает каждый день, в каждом доме. Во дворе просыпаются розы, и по листьям растений пробегает утренний ветерок. И маленький дом оживает...

Так бывает каждое утро, в каждом дворе.

Таких домов с крохотными двориками в Вашингтоне очень много. Но этот дом, напротив которого я сейчас стою, совершенно иной. Он как-то по-особому волнует меня. Этот маленький дом, этот крохотный кусочек земли — не больше пяди, — на котором стоит дом, сейчас заменяет мне целый мир.

Хотя человек и сын земли, и земля — везде земля, но в чужой стране, на чужой земле всегда чувствуешь себя и одиноко и сиротливо. Твоя страна, твоя земля глубоко живут в твоем сердце, они повсюду с тобой вместе, они не дают тебе покоя, приносят радость и печаль, силу и уверенность. Они и тревожат и лишают покоя. О своей земле ты так же грустишь, как грустишь о близком тебе человеке. По своей земле ты так же скучаешь, как по дорогом для тебя человеку. Тебе всегда хочется стоять на своей земле.

Тот дом ничем не отличается от многих других домов Вашингтона. Земля в том дворе — всего только земля и ничто иное... Но у входа в тот дом справа на стене прикреплена металлическая табличка, надпись на которой гласит, что в этом доме помещается посольство Союза Советских Социалистических Республик. И только благодаря надписи начинаешь понимать, что этот обыкновенный дом для тебя — необыкновенный, а та пядь земли, на которой стоит этот дом, волнует сердце как неожиданная встреча с дорогим тебе человеком.

Этот дом для меня уже не только красивый дом. Жизнь, проходящая за окнами этого дома, интересует меня не потому, что она не известна мне, а потому, что я ощущаю и переживаю ее как биение собственного сердца, как свое дыхание. Этот дом — моя страна здесь, в чужом краю. Окна этого дома — глаза и уши моего дома здесь, в чужом краю. Лестница этого дома — мост, соединяющий мою страну с Америкой.

С улицы, которая принадлежит Америке, я ступаю во двор, на землю, которая принадлежит мне, и мне чудится, что я сразу становлюсь иным. Я ступаю на эту землю, и эта пядь земли вливает в меня неиссякаемые жизненные силы, удваивает энергию... Я нагибаюсь и срываю травинку, растираю в пальцах... Трава... Растираю в руках землю и медленно высыпаю, словно провеиваю, и она бесшумно сыплется и исчезает в траве.

А рядом шумит американская улица, шумит, кипит, грохочет...

Эту улицу и эту землю не разделяет ни огромное расстояние, ни громадное пространство; здесь, рядом разместились два мира... Эта одна пядь земли — капля воды в океане, но для меня — весь мир. И вот сейчас, когда я стою здесь и смотрю на этот дом, у меня возникает такая мысль: человек должен быть вхож в каждый дом на Земле, он должен считать каждый дом своим... Каждая пядь Земли должна принадлежать каждому гражданину Земли. Но в настоящее время этот дом и эта пядь Земли здесь для меня — все.

Где бы человек не находился, он возвращается домой, если, конечно, ему суждено вернуться туда. Твой дом для тебя самый надежный кров над небом. Твой дом — это тепло, уют, место, где протекает твоя жизнь со всеми радостями и горестями. Твой дом — звено в общей цепи жизни твоей страны; он — твоя крепость, которая защищает тебя и твою страну...

А этот дом на зеленой washingtonской улице — мой дом. За теми дверями, за теми окнами — работают и живут люди, там идет жизнь, и жизнь эта — часть меня, моя плоть и кровь. Та лестница соединяет дом с улицей, а этот дом соединяет одну страну с другой страной, один мир с другим миром.

ПОТЕРЯВШИЕ ПОЧВУ ПОД НОГАМИ

Когда я протянул ему руку, он улыбнулся и с ярко выраженным иностранным акцентом сказал:



— Гамарджвеба!¹

Это было единственное грузинское слово, которое он произнес.

— Джандиери, — представился он.

Роста он был среднего, с довольно привлекательным смуглым лицом. Черные блестящие волосы уже серебрились на висках. Тонкие энергичные губы четко выделялись над широким раздвоенным подбородком.

В беседе выяснилось, что он инженер-электрик, работает в одной из крупных вашингтонских электрокомпаний. Женат, имеет двух дочерей. Старшую зовут Тамарой, младшую — Джейн. Старшей двенадцать лет, младшей двадцать второго октября исполнится восемь.

— Встреча с вами мне очень приятна, — говорит он.

— И я рад видеть грузина в Вашингтоне.

— Боюсь, что не оправдаю ваших надежд. У меня только фамилия грузинская...

«Джандиери в Вашингтоне! Каким образом, какими путями?» — подумал я.

— Мой отец — грузинский эмигрант. Он умер в Париже в 1931 году. Отца помню смутно. Мать у меня была полькой. После смерти отца мы переехали в Америку.

— Ваша мать...

— Моя мать скончалась пять лет назад в Чикаго, там она и похоронена.

Джандиери я встретил на улице. Не знаю, какими путями, но он узнал, что в Вашингтоне находится группа советских граждан, в которой есть и грузины. Он встретил меня у Капитолия, куда приехала наша группа.

— В Грузии никогда не были?

— Никогда.

— Если бы ваш отец восстал из мертвых и увидел Грузию, он бы ее не узнал.

— Верю, верю.

— Поступает ли к вам какая-нибудь информация о Грузии?

— Благодаря матери я выучил польский и русский языки. С помощью литературы, существующей на этих языках, я получаю кое-какие сведения о Грузии.

Мне кажется, я поступил неправильно, задав Джандиери такой вопрос:

— Считаете ли вы себя грузином?

Он покраснел и задумался.

— Как вам сказать? Родился я не в Грузии, не жил там никогда, не бывал. Как вам уже известно, отец у меня был грузин. Когда он умер, мне было семь лет. У него остались какие-то рукописи на грузинском языке. Эти рукописи утеряны. В семье сохранилось несколько фотографий, на которых запечатлены родственники и близкие моего отца. Ни с кем из них я не встречался, ни о ком из них ничего не знаю...

Джандиери умолк.

Я сказал:

— В Грузии для человека вашей специальности есть много интересного. Грузия богата электроресурсами. У нас есть уникальные гидроэлектростанции. Ингурская плетина, которую мы сейчас строим, будет величайшей в мире.

— Я не гидростроитель, я работаю в области электромашин, но все, что вы сказали, мне известно.

Я подумал: «Праотцы этого человека похоронены в Грузии, отец — во Франции, мать — в Чикаго. Где же будет похоронен он сам? Но для него это, должно быть, не имеет никакого значения».

— Что накажете передать в Грузию?

— Самые лучшие пожелания, — сказал он и улыбнулся.

Я достал из своего портфеля несколько цветных фотографий с видами Тбилиси.

— Это вашим дочерям, из Грузии.

— О-о, большое спасибо, большое спасибо, — сказал он и стал рассматривать фотографии.

Прощались. Из открытого окна автомобиля он помахал мне рукой. Я ответил тем же и присоединился к своей группе.

ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

Такси остановилось перед маленьким красивым двухэтажным домом в пригороде Вашингтона.

— Приехали, — сказал водитель. Вот и все, что он сказал за всю дорогу.

¹ По-грузински — добрый день, здравствуйте.



Я отсчитал ему три доллара и двадцать пять центов.

В знак благодарности он кивнул головой, и дверца автомобиля захлопнулась.

Мы оказались на улице — ленинградский педагог Екатерина Ильинична, тбилисский врач Шалва Миндадзе и я, автор этих строк.

Эта пригородная улица уже других улиц города, но чистая и аккуратная; утопает в зелени, перед коттеджами разбиты клумбы, на которых полыхают красные розы.

Над улицей прозрачное, спокойное небо, воздух чист и легок.

...Хозяева приглашают в дом.

Улыбаются. И мы улыбаемся.

Стоим в маленькой гостиной, не знаем, что делать дальше.

— Садитесь, пожалуйста, — говорит хозяйка, Кет.

Садимся в кресла и на мягкую тахту.

Кет, наверное, скоро стукнет полста, но выглядит она все же привлекательно. Глава семьи — Фрэнк оставляет впечатление неразговорчивого человека. Сиболу, негритянку, стоящую среди хозяев дома, сначала я принял за служанку. И когда Кет представила: моя невестка, — я удивился.

Кет накрывает маленький низкий стол: печенье, конфеты, сушеные фрукты, напитки в высоких бутылках.

— Жарко, — говорит Фрэнк.

— Сию минуту, — отзывается хозяйка, — открою окно.

В комнате тесно. Кет нелегко пробраться к окну. Кресла, скрипя сдвигаются, несколько человек встают, чтобы пропустить хозяйку.

— Не беспокойтесь, пожалуйста! — говорит она и ловко проходит между людьми, креслами, мимо стоящего у окна серванта и еще какого-то предмета и, наконец, открывает окно.

Теперь дышится легче.

Хозяин дома не спеша наполняет бокалы.

— Мне доставляет радость приветствовать советских гостей у себя дома, — говорит он, поднимая бокал.

— Пусть будет добрым наш приход, — с улыбкой говорит Шалва Миндадзе и чокается с хозяином.

Все пьют.

В горле горит, на глазах наворачиваются слезы — бог знает что пьем.

— Когда вы приехали в Вашингтон? — спрашивает хозяйка.

— Да уже третий день, — отвечает Екатерина Ильинична.

— Так что же вам понравилось в нашем городе? — улыбаясь, спрашивает

Кет.

— Вашингтон больше походит на курортный город, чем на центр большой страны, — говорю я.

— Что же вы видели в нашем городе? — спрашивает Кет.

— Все, что здесь есть интересного, — ответила Екатерина Ильинична.

— А все же?

— Были в Джорджтаунском университете, в госпитале, в Национальной художественной галерее, в Библиотеке Конгресса, в Белом доме... Университетские кабинеты и лаборатории — примерны, в них — новейшая аппаратура.

— Но большинство не может пользоваться тем добром: учиться стоит дорого, — говорит Фрэнк.

— Каков доход вашей семьи? — спрашивает Екатерина Ильинична.

— Фрэнк работает в школе и в неделю получает сто двадцать долларов, — ответила Кет.

— А вы? — обратился Шалва к хозяйке.

— Вот уже тридцать лет, как я безработная, — смеется Кет. — Будучи девушкой работала, а сейчас...

— Моего заработка хватает на все необходимое, — говорит Фрэнк.

— Сколько вы платите за квартиру? — спрашивает Шалва.

— В месяц сто тридцать долларов.

— Откуда же студенту взять две тысячи долларов, необходимые на уплату за обучение, если родители его в неделю получают не больше ста тридцати долларов? — вновь вступает в разговор Екатерина Ильинична.

— У нас и стипендии дают студентам.

— Стипендии дает само учебное заведение наиболее талантливым молодым людям, а некоторых весь период учебы содержит какая-либо фирма, в которой они обязаны работать по окончании учебы. Но таких «счастливиц» по пальцам пересчитаешь, — поясняет сама же Екатерина Ильинична.

— У американских студентов фактически нет каникулов, — говорю я. — Студенты во время каникул работают для того, чтобы заработать деньги.



— Сколько у вас уходит на пропитание семьи? — спрашивает Екатерина Ильинична.

— С тех пор, как прибавилась невестка, расход увеличился, а до того в месяц тратили двести долларов, — отвечает Кет.

— Для того чтобы жить хорошо, в неделю надо тратить двести пятьдесят — триста долларов, — говорит Фрэнк.

— Извините, ваша невестка — мулатка? — спрашиваю я хозяйку.

— Если бы вы знали, что мы пережили, когда Боб женился на Сиболе: все отступились от нас, родственники и близкие отвернулись... Моя невестка — чистокровная негритянка. Теперь мы никому не разрешим и пальцем тронуть ее — она мне дороже родного сына.

— Ну вот, мы — белокожие, а что толку в том, — говорит Фрэнк.

— Я хочу предложить тост за Сиболу, — улыбаясь, говорит Шалва.

— Не будем Сиболу отделять от Боба, — вносит поправку Екатерина Ильинична.

Сибола улыбается, в ее черных, как ночь, глазах вспыхивают искры. Фрэнк исподлобья глядит на невестку.

— Сибола, иди сюда, сядь рядом!

— Одну минуточку...

Сибола бежит на кухню и приносит огромный торт. Ставит на стол. Режет на куски и весело говорит:

— Ешьте, пожалуйста, с утра пеку для гостей!

Шалва берет себе большой кусок торта и с аппетитом ест.

— Прекрасный торт! Как выехал из дому, ничего подобного не ел.

— Ваша супруга печет вам вкусные сладости? — спрашивает его Кет.

— Когда в сладком настроении.

Все смеются.

— Сладкий характер жены всецело зависит от мужа.

— А мужа? — Шалва хитро щурит глаза.

— От жены, — смеясь, отвечает Кет.

Опять все смеются.

— А характер обоих? — не унимается Шалва.

— Обоих?.. Обоих?..

Кет не знает, что отвечать.

— Это сложный вопрос... Когда у нас есть деньги и автомобиль, моя жена все время улыбается, — сказал Фрэнк.

— А когда нет ни денег, ни автомобиля — Фрэнк как маринованный. Для нас, американцев, автомобиль стал частью жизни, стал необходимостью. Это надо понять, — многозначительно говорит Кет.

— В наш век это не удивительно, — заключает Шалва.

— Наличие у американца автомобиля не является признаком его богатства, — говорит Кет.

— Автомобиль есть почти в каждой американской семье, только вот что: богатый ездит в автомобиле, который стоит четыре тысячи, а бедный — который стоит восемьсот или тысячу долларов. Дорогая машина через три-четыре года эксплуатации продается за четверть цены, — поясняет Фрэнк.

— Да, богатство любит блеск, — говорит Шалва.

Сибола подселла к свекру. Фрэнк обнял ее и поцеловал в лоб.

Фрэнк — мужчина крепкого телосложения, но лицо у него усталое и бледное.

Я перевожу глаза на Кет, лакомящуюся тортом. Она, в отличие от мужа, какая-то открытая, ясная, говорливая.

— Мистер Фрэнк, почему вы не пьете? — спрашивает Шалва.

— Это для меня — запрещенный плод.

— Сердце?

— Желудок.

— Лечение у вас дорого стоит, сутки в больнице самое меньшее обходятся двадцать-двадцать пять долларов, — говорит Екатерина Ильинична.

— Стоимость лечения зависит от характера болезни, — поясняет Фрэнк.

— Самая дешевая операция стоит триста долларов, — добавляет Шалва.

— Есть больницы, где за сутки пребывания в них взимают сорок-пятьдесят долларов, — говорит Екатерина Ильинична.

— Фрэнк лежал в больнице три недели... Боже, как трудно нам было!.. — вздыхает Кет.

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

АКТЕР, ПАТРИОТ, ГРАЖДАНИН



Недавно в Москве Всероссийское и Грузинское театральные общества совместно с Центральным Домом актера им. Яблочкиной организовали творческий вечер народного артиста Союза ССР и народного артиста Грузинской ССР, лауреата Государственной премии СССР Василия Давидовича Годзиашвили.

Вечер, вылившийся в подлинную дружбу русского и грузинского театрального искусства, прошел с большим подъемом и вызвал горячий интерес общественности Москвы.

Вечер предварил кратким вступительным словом художественный руководитель Тбилисского государственного академического театра им. Марджанишвили народный артист Грузинской ССР и Украинской ССР профессор Дмитрий Алексидзе.

Доклад о творчестве выдающегося советского актера сделал Георгий Цицишвили. Он охарактеризовал полувековой творческий путь В. Д. Годзиашвили, его работу в театре, кино и на эстраде.

На вечере со словами приветствия выступили: председатель Всероссийского театрального общества народный артист Советского Союза Михаил Царев, народный артист Союза ССР Юрий Завадский и известный театральный критик Александр Солодовников.

В заключение вечера были представлены сцены из постановок театра им. Марджанишвили с участием В. Д. Годзиашвили.

Полвека с лишним тому назад в Тбилисскую драматическую студию поступал первый поток будущих актеров и среди них семнадцатилетний красноармеец — Васо Годзиашвили. Способности молодого человека, не успевшего даже расстаться с военной шинелью, заинтересовали приемную комиссию, состоявшую из прославленных мастеров грузинской сцены, таких как К. Марджанишвили, С. Ахметели, В. Гувья, А. Имедашвили, и известных ученых—академиков И. Джавахишвили, Д. Узнадзе, профессоров Л. Андроникашвили, художника И. Шарлеманя.

На приемных экзаменах произошел интересный случай: когда красноармеец продекламировал стихотворение уже широко известного грузинского поэта Иосифа Гришашвили, режиссер К. Мар-

джанишвили, которому понравилось чтение, вопреки правилам потребовал его повторить. После повторного исполнения уже вся комиссия рукоплескала растеряемому юноше.

Он одним из первых был зачислен в студию. Но у юноши уже тогда был не по летам богатый опыт. Безрадостно прошло его детство. Тяжелую испытал он долю. Голод и нищета с самого начала сопутствовали мальчику. Рано овдовевшая мать воспитывала шестерых детей. Нужда еще в семилетнем возрасте вынудила маленького Васо искать заработка.

Это были двадцатые годы. Трудное стояло время — разруха и голод, вызванные первой империалистической, а потом гражданской войной, сменились кровавой диктатурой грузинских меньшевиков. Мальчик



работал то курьером, то слесарем, то поденным рабочим.

Как-то раз он попал на цирковое представление. Оно произвело на него неизгладимое впечатление, и он решил сделаться цирковым актером. С этого времени он стал всегда ходить в галерки, а через годика два благодаря помощи циркового антрепренера Ткачева и известного в то время клоуна, «короля смеха» Донато выступал куплетистом в тбилисском балагане.

Задорные и смелые сатирические песенки курчавого мальчика, отличавшегося изумительной пластикой и звонким, приятным голоском, так полюбили публику и в особенности ее демократическим слоям, что юного артиста стали вызывать на бис. Незаметно он стал маленьким кумиром карачогели — тбилисских ремесленников и мелких торговцев.

Но неожиданный случай заставил его бросить цирк. На очередном представлении, когда юный Васо распевал свои куплеты, он получил страшную оплеуху, а придя в себя, увидел разъяренного старшего брата. Публика бросилась на помощь куплетисту, и трудно сказать, чем бы закончился этот скандал, если бы дирекции не удалось утихомирить разбушевавшихся зрителей. Но цирковую арену пришлось оставить навсегда.

Вскоре на смену балагану пришло новое увлечение, на этот раз более серьезное и постоянное. Просмотрев оперу «Абесалом и Этери», а потом спектакль «Отелло» с участием известного грузинского трагика Имедашвили, юный Васо был настолько восхищен виденным, настолько понравился ему театр, что пылкий юноша твердо решил всецело посвятить себя театральному искусству. С этого времени он стал устраивать дворовые спектакли, импровизировал сценарии, руководил труппой ребят. Но, несмотря на неодолимое влечение к театру, смышенного мальчика, видимо, уже не прельщала дешевая карьера. Его тянуло к учебе. И вот на деньги, собранные дворовыми спектаклями, он поступает в грузинскую гимназию.

Здесь юный Васо попадает в совершенно иной мир. Известные учителя, интеллигентное общество, серьезные занятия изменили не только внешность, но и весь духовный мир юноши.

В гимназии он обнаружил незаурядные способности и прилежание к наукам. Незаметно наступил последний год учебы, но закончить гимназию все-таки не удалось, занятия были прерваны непредвиденным обстоятельством: трудящиеся Грузии, встав против меньшевистской диктатуры в феврале 1921 года, с помощью своих русских собратьев свергли ненавистный политический режим и установили в Грузии Советскую власть.

17-летний гимназист Васо Годзишвили в первые же дни сражения за Советскую власть вступил добровольцем в Красную

Армию, которая стала для него большой школой жизни. Его послали в первую специальную школу курсантов, готовившую кадры для грузинских частей Красной Армии, созданных по приказу В. И. Ленина. Окончив курсы он некоторое время служил в армии, отдавая весь свой досуг красноармейской самодеятельности. Вот здесь-то окончательно и созрело решение посвятить свою жизнь новому советскому искусству.

Именно это решение привело молодого красноармейца в драматическую студию, руководимую профессором Акакием Пагава.

В театральной студии В. Годзишвили с самого же начала учебы обратил на себя внимание. Ему назначили стипендию имени Южина (Сумбаташвили). В студийных спектаклях ему поручали наиболее ответственные роли. Рецензенты, как бы сговорившись, давали о нем хвалебные отзывы.

Отлично окончив студию в 1924 году, Годзишвили, как многообещающий молодой актер, был принят в труппу театра им. Руставели.

С тех пор и начинается театральная деятельность одного из наиболее даровитых представителей грузинской советской сцены, чье замечательное мастерство вот уже сорок девять лет радует и восхищает советского зрителя.

Первые серьезные шаги В. Годзишвили на артистическом поприще неразрывно связаны с именами двух замечательных грузинских режиссеров — Котэ Марджанишвили и Сандро Ахметели, которые сыграли исключительно большую роль в формировании творческой личности молодого артиста.

В двадцатых годах грузинская советская драматургия делала лишь свои первые шаги, и естественно, что она была довольно слабой и бесцветной. В те годы репертуар грузинского театра основывался главным образом на переводных пьесах — преимущественно современных русских драматургов. И вот в это время впервые проявилось сценическое дарование Годзишвили, который с одинаковой легкостью играл как в пьесах иностранных авторов, так и в произведениях Погодина, Тренева, Афиногенова, Леонова, Вс. Иванова.

Котэ Марджанишвили как бы пробовал силу и возможности молодого актера, он настойчиво прощупывал его, не боясь смелого эксперимента; часто в одном и том же спектакле молодому Васо давали две совершенно противоположные по своему характеру роли — комическую и трагическую, юноши и старика. Нередко гротеск и шарж чередовались с задачей глубокого психологического раскрытия образа.

Молодой актер с завидной легкостью, естественностью и подкупающей правдивостью воплощал самые разнообразные, сложные и противоречивые роли, везде достигая глубокого проникновения в образ, четкости рисунка и впечатляющей реалистичности.

Но наиболее благотворным для молодого актера оказалось исполнение ролей в пьесах советских драматургов, в произведениях, изображающих социалистическую действительность, романтику гражданской войны, созидательный пафос первых пятилеток, формирование характера советского человека, новых взаимоотношений между людьми.

Игра в пьесах советских драматургов была настоящей школой, школой, которая не только оттачивала мастерство, но и способствовала интеллектуальному росту актера.

Эти пьесы содействовали росту гражданской сознательности масс, помогали воспитывать в зрителях чувство советского патриотизма.

Первой серьезной ролью, которую Годзиашвили исполнил в театре им. Руставели, была роль Ахмы в пьесе Сандро Шаншиашвили «Анзору».

«Анзору» сопутствовал шумный успех. Между прочим, этот спектакль был показан в Москве во время гастрольных поездок театра в 1930 году.

По единодушному признанию рецензентов, один из самых удачных образов в спектакле был создан Годзиашвили. Какой-то мягкой романтичностью и проникновенным лиризмом веяло от созданного им образа смелого, горячего горца, неустрашимого борца за Советскую власть.

За время работы в театре им. Руставели Годзиашвили сыграл десяток ролей, к примеру, можно было бы назвать: Вартана из пьесы Киршона «Город ветров», посвященной 26 бакинским комиссарам, доктора Меднуса из пьесы «Деловой человек» Газенклевера, старика крестьянина из пьесы Сандро Шаншиашвили «Целина», провинциального учителя танцев из пьесы Киршона «Рельсы гудят» и другие.

В 1926 году выдающийся режиссер Котэ Марджанишвили создал новый драматический театр, носящий ныне его имя. Именно с этим театром и связана вся жизнь Васо Годзиашвили. В 1930 году из театра им. Руставели он пришел в Марджановский театр, театр, который ныне является крупнейшим очагом грузинской культуры, гордостью национального театрального искусства. С тех пор прошло сорок два года. Сегодня Марджановский театр также немислим без Васо, как Васо — без театра, носящего имя его учителя.

С годами ярче, богаче, разнообразнее становилась исполнительская палитра талантливого и трудолюбивого артиста. Он твердо и последовательно шел к вершинам мастерства, все глубже и полнее постигая сложнейшее актерское искусство. Исключительно большую роль в творческом развитии Годзиашвили сыграло знакомство с огромным опытом, накопленным самым передовым, самым замечательным театром мира — русским театром.

Трудно даже перечислить, сколько ролей сыграл Годзиашвили за сорок с лишним

сезонов своей работы в театре Марджанишвили! Какими разнообразными, какими богатыми, какими запоминающимися были они! Творческий диапазон его поразительно широк. Здесь ярко подтверждается одно из основных положений Константина Сергеевича Станиславского о том, что для истинного актера не должно существовать скрывающего его ампула.

Ведь немногие могут сыграть неугомонного, порывистого Фигаро и властного, величественного царя Ираклия; Дон Сезара де Базан из «Руи Блаза» и Наполеона из «Маддам Сан-Жен», Хлестакова и Арбенина, часовщика из пьесы «Кому подчиняется время» и дьячка Власа из афиногеновского «Далекого», колхозного вожака Акмия из современной пьесы М. Мрвлишвили «Очаг Харатели» и жуликоватого офицера Чешмакова из классической грузинской комедии «Затмение солнца».

Актерская судьба В. Годзиашвили сложилась счастливо, он не знал больших срывов. Были, правда, кое-какие неудачи, но они были связаны со смелыми поисками, большими творческими исканиями. Годзиашвили умеет извлекать пользу даже из неудач — а это ценное качество для творческого работника.

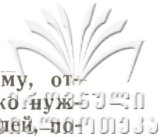
Известно, что большой успех в искусстве никогда не приходит случайно, он — результат долгого, кропотливого труда, большой трудоемкой работы. Одна из причин неуклонного творческого роста Годзиашвили заключается в том, что он никогда не надеется лишь на свои сценические способности и всегда много, упорно работает над ролью.

Благодаря глубококому проникновению в образ и умению находить наиболее нужные, наиболее яркие штрихи, благодаря способности наделять образ характерными индивидуальными чертами и придавать ему общественное звучание почти все роли, сыгранные Годзиашвили, будь они главные или эпизодические, отличаются идейной целесообразностью, содержательностью, свежестью красок, убедительностью воплощения, отточенностью игры.

В театре им. Марджанишвили Васо Годзиашвили сыграл около сотни ролей. Нельзя не отметить такие блестящие сценические образы, созданные актером, как: Расплюев («Свадьба Кречинского»), Робинзон («Бесприданница»), Хлестаков («Ревизор»), Окоемов («Красавец мужчины»), Влас («Далекое» Афиногенова), Квасов («Хлеб» Киршона), Степашка («Поэма о топоре» Погодина), Арбенин («Маскарад»), Фигаро («Свадьба Фигаро»), Арман («Маргарита Готье»), Де Сантос («Уриель Акоста» Гуцкова).

Большое количество ролей сыграл В. Годзиашвили в спектаклях, созданных по пьесам грузинских драматургов — классиков и современных.

Особо следует отметить сценические образы, создание которых явилось большим событием в театральной жизни республики и которые вошли в золотой фонд грузинской



советской театральной культуры. Это Луарсаб Таткаридзе — в инсценировке Шалвы Дадияни сатирической повести Ильи Чавчавадзе «Человек ли он?!», Аветика — в классической комедии грузинского комедиографа Авксентия Цагарели, Акмия — в пьесе советского драматурга Михаила Мрвлишвили «Очаг Харатели», профессора Зандукели — в пьесе «Его звезда» драматурга Ило Мосашвили, роль, за которую Годзиашвили был удостоен звания лауреата Государственной премии, царя Ираклия Второго из пьесы Валериана Канделаки «Майя Цхнетили», Ричарда III из одноименной пьесы Шекспира и многие другие.

Что является самой характерной чертой актерской индивидуальности В. Годзиашвили, в чем главная сила его таланта? Это удивительная способность перевоплощения. Это редкое умение проникать в духовный мир самых разнообразных героев. Именно эти качества свидетельствуют о широте актерского диапазона, которая отличает этого большого мастера грузинской сцены.

Именно благодаря таланту перевоплощения смог Годзиашвили создать образ глупого, потерявшего человеческий облик помещика Луарсаба и хитрого, где-то смешного, но коварного и страшного боцмана Кобзы («Гибель эскадры»), заносчивого профессора Зандукели и вора-рецидивиста в пьесе К. Каладзе «Лали»; колхозного пастуха Тегу («Лавина») и кровавого Ричарда III; царя Филиппа Второго (из «Дон-Карлоса» Шекспира) и приказчика Опояна (из водевиля А. Цагарели).

Второе не менее ценное качество Годзиашвили — это умение правильно определить наиболее важные черты характера, умение раскрыть социальную сущность образа, стремление сделать каждую деталь до предела содержательной и многоговорящей. Умение скреплять отдельные детали стальными обручами единой идеи, композиции, ритма — одно из наиболее ценных качеств Годзиашвили.

Создание типичных сценических образов большой обобщающей силы, отличающихся в то же время богато индивидуализированными характерами — сложнейшая задача сценического искусства.

Большинство образов, созданных Васо Годзиашвили, отличается именно таким слиянием типического и индивидуального. Иногда просто удивляешься его фантазии и

изобретательности, удивляешься тому, откуда берет он столько ярких, столько нужных, столько метких штрихов и деталей, позволяющих ему создать образ идейно целеустремленный, всегда ясный и содержательный.

Годзиашвили умеет вдохнуть жизнь в самые сухие, схематические, драматургически недосказанные образы. Высокое исполнительское мастерство, умение раскрыть образ «изнутри» делают его героев живыми, долнокровными, запоминающимися. Годзиашвили — артист большого художественного такта.

Одна из наиболее ярких отличительных черт актерской индивидуальности В. Годзиашвили — большой темперамент, наполняющий до краев все созданные им образы, придающий каждому из них своеобразный, неповторимый актерский почерк. У Годзиашвили нет внутренне опустошенных, выхолощенных образов, каждый из них — это море чувств, море страстей — то дремлющее и неподвижное, то ласковое и приветливое, то бушующее и страшное.

Говоря о творческом облике Василия Давидовича нельзя не сказать, несколько слов о его работе как режиссера-постановщика.

Он автор нескольких постановок. Лакоичность, собранность, умение найти главную идею и ясно, оригинально и образно ее преподнести — вот основные его качества как постановщика.

Васо Годзиашвили — один из популярных грузинских киноактеров; сниматься в кино он начал еще в двадцатых годах, на заре грузинской кинематографии. В то же время Василий Давидович — один из пионеров грузинской эстрады. Еще в 1939 году поделил он с Аркадием Райкиным первое место на Первом всесоюзном конкурсе мастеров эстрады. С тех пор он не бросал этот нужный жанр. Особенно часто выступал он на эстраде во время Великой Отечественной войны, бывал частым гостем во фронтовых частях и прифронтовых госпиталях.

Партия и правительство высоко оценили заслуги Васо Годзиашвили — актера, патриота, гражданина. Ему присвоено высокое звание народного артиста Советского Союза и народного артиста Грузинской ССР, он лауреат Государственной премии СССР, несколько раз избирался депутатом Верховного Совета Грузии.

ВКЛАД В ИСТОРИОГРАФИЮ СОВЕТСКОЙ ПЕДАГОГИКИ

В канун большого праздника нашего многонационального народа — пятидесятилетия образования Союза ССР советская педагогическая наука обогатилась новым, представляющим большой интерес исследованием. В издательстве «Ганатлеба» на русском языке вышла книга доктора педагогических наук, профессора Отара Даниловича Кинккладзе «История советской педагогики».

Решение почетной и весьма ответственной задачи создания истории советской педагогики, которая прошла более чем полувековой путь и представляет собой качественно новый этап в развитии педагогической науки, давно назревшая необходимость. Это тем более важно было сделать, что до сих пор не существовало синтетического труда по истории советской педагогики.

Рецензируемая книга первая попытка исследовать процесс становления, формирования и развития советской педагогической науки в период с 1917 по 1970 год.

Автор обстоятельно освещает характерные особенности советской педагогической науки, ее партийность, народность, многонациональный и интернациональный характер. Давая обзор зарубежной литературы, а также ссылаясь на опыт строительства школы в странах народной демократии, О. Д. Кинккладзе показывает международное значение советской социалистической педагогики и убедительно обосновывает положение, согласно которому марксистско-ленинская педагогика — это новый, качественно высший этап развития педагогической науки.

Известно, что для создания истории любой отрасли знания принципиальное значение имеет проблема периодизации. Историки педагогики все еще расходятся по таким важным вопросам, как принципы периодизации.

Большой заслугой автора «Истории советской педагогики» следует считать впервые предложенную и научно обоснованную периодизацию истории советской педагогики: первый период — борьба за марксистско-ленинскую разработку педагогических проблем (1917 — 1929 г.); второй период — оформление советской педагогики как науки и дальнейшее ее развитие (1930 — 1953 гг.); третий период — советская педагогика в период развернутого строительства

коммунистического общества (1959 г. и далее).

В первой главе исследуется чрезвычайно важный для выяснения особенностей становления советской педагогической науки вопрос: «Разработка В. И. Лениным теоретических основ советской педагогики в дооктябрьский период». Анализируя ленинское теоретическое наследие в области школы, образования и воспитания, О. Д. Кинккладзе приходит к следующему важному заключению: «В. И. Ленин еще при царизме, в условиях дореволюционной России, приступил к разработке теоретических основ советской педагогики. Именно в этот период революционной деятельности в своих трудах и важнейших партийных документах В. И. Ленин сформулировал программные требования пролетариата в области народного образования».

Развивая марксистское учение о воспитании, — пишет он далее, — В. И. Ленин показал, что воспитание как общественное явление относится к вечной и исторической категории; вскрыл зависимость воспитания от общественных отношений и обосновал классовый характер школы и воспитания в классовом обществе; вооружил педагогику научной методологией; раскрыл сущность и направленность соединения обучения с производительным трудом; указал на роль практики в процессе образования и воспитания, разработал русификаторскую политику царизма, обосновал право населения получать образование на родном языке и по существу решил вопрос о строительстве школы в многонациональном государстве.

Вместе с тем, в книге показано, что ленинская концепция воспитания коммунистической морали основана на требовании активного и сознательного участия в строительстве коммунизма. В. И. Ленин исходил из того положения, что коммунистическое воспитание молодежи должно состоять в сознательной, сплоченной борьбе за внедрение в жизнь, в быт, в поведение коммунистических норм нравственности.

Становление советской педагогики как науки органически связано с социалистической по содержанию многонациональной советской культурой. Изучению этой основной проблемы исследуемой темы посвящается вторая глава.

Здесь дан глубокий марксистско-ленинский анализ излагаемого материала с применением принципа историзма и методов теоретического анализа в их диалектическом сочетании. На некоторых из положений, впервые сформулированных и выдвинутых в этой книге, необходимо остановиться хотя бы кратко.

Исследуя процесс формирования советской педагогики, автор приходит к следующим выводам: в период 1917 — 1929 годов были сформулированы цели воспитания, дано теоретическое обоснование советской системы школьного образования, выдвинуты основные принципы воспитания и обучения в условиях социалистического строительства. Однако в области педагогической теории имел место ряд извращений. Неправильно решались такие важные проблемы, как предмет и границы педагогики, взаимоотношение политики и педагогики, роль воспитания и общественной среды в формировании личности и так далее. Разработку основ советской дидактики и теории воспитания тормозила недостаточная методологическая вооруженность части педагогов — теоретиков, которые продолжали оставаться на ошибочных позициях. Поэтому формирование советской педагогики как вполне сформировавшейся науки завершается в последующие годы, выделенные автором в отдельный период.

К началу второй половины 30-х годов советская педагогика, опираясь на богатый передовой опыт советской школы, пользуясь марксистско-ленинской методологией, а также руководствуясь директивами партии в области народного образования, разработала основные теоретические проблемы социалистической системы воспитания, образования и обучения. Так был завершен процесс ее формирования как науки. Советская педагогика как научная система, основоположником которой является В. И. Ле-

нин, была создана возглавляемым Н. К. Крупской коллективом таких выдающихся теоретиков новой педагогики, как А. В. Луначарский, М. Е. Покровский, П. Н. Лепешинский, П. П. Блонский, С. Т. Шацкий, А. С. Макаренко и другие.

Основоположниками советской педагогики как науки явились лучшие представители русской педагогической мысли, первые педагогики марксисты, с именами которых связано ее рождение и становление как нового, качественно высшего этапа педагогической науки. Однако советская педагогика развивалась и учеными-педагогами всех национальностей СССР. Обогадив советскую педагогику новым опытом и прогрессивными традициями, они придали ей многонациональный характер, способствовали интернациональности всей советской педагогики.

Наконец, автор указывает на международное значение советской педагогики, проложившей путь, по которому следуют ученые педагогики в социалистических странах, внося свой вклад в разработку проблем коммунистического воспитания. Очевиден и факт значительно возросшего международного авторитета советской педагогики не только в развивающихся странах Азии и Африки, но и в странах капитала с враждебной социализму и демократии идеологией.

Монография О. Д. Кинкладзе «История советской педагогики» серьезное научное исследование, имеющее большое значение для дальнейшей разработки многих вопросов научной истории советской педагогики. Это — ценный вклад в социалистическую педагогику, в частности в историографию советской педагогики.

Проф. Д. ЛОРДКИПАНИДЗЕ,
член-корреспондент АПН СССР, заслуженный деятель науки Грузинской ССР.

НА РУБЕЖЕ ДВУХ СФЕР

«Когда какая-либо дискуссия на специальную тему привлекает всеобщее внимание, принимает особенно острый характер и бесконечно затягивается, то можно с уверенностью утверждать, что она затрагивает интересы самых широких кругов общества, а не только непосредственных участников спора», — пишет Б. С. Мейлах в своей новой книге, посвященной продолжающимся уже второе десятилетие спорам об отношениях науки и искусства, о «физиках» и «лириках», о том, обедняют ли наш духовный мир «бесцветные интегралы», и о том, есть ли место поэзии в век кибернетики, атома и космоса.

Разумеется, проблема взаимоотношений науки и искусства возникла не сегодня и не вчера, она занимала умы философов древности, в спорах о ней участвовали Шелли и Шатобриан, Баратынский, клеймивший «суету изысканий» и «промышленные заботы» людей «железного века», и тургеневский Базаров с его утверждением, что «порядочный химик в двадцать раз полезней всякого поэта». Но, как справедливо отмечает Б. С. Мейлах, «прогресс науки и техники в XX веке перевел старинные разногласия на новые рельсы», «в зависимости от социально-исторического развития, от изменений в структуре общества, от изменений в самом содержании науки и искусства изменялся не только характер спора, но сама его проблематика». Предшествующие споры можно считать лишь предысторией дискуссий, которые развернулись в последние годы, не только потому, что они приобрели ныне небывалую широту, но и потому, что никогда прежде они не имели и не могли иметь такого общественного значения, как теперь.

Чему же учит нас опыт этих споров, в которые втянулись многие газеты и журналы, сотни специалистов различных областей науки и культуры? Какие этапы прошла дискуссия о двух сферах познания и творчества? Какие идеи и проблемы выдвигались ее участниками? Что вызвало наиболее острое столкновение мнений? Каковы импульсы, которые получает ученый от искусства? Каково влияние прогресса науки на художественную эволюцию?

Каковы перспективы «вторжения» кибернетических устройств в область литературного творчества? Ответ на эти и многие другие вопросы читатель может найти в книге Б. С. Мейлаха «На рубеже науки и искусства». (Спор о двух сферах познания и творчества, Л., Изд-во «Наука», 1971).

Ее автор, один из наиболее активных участников проходивших у нас обсуждений и симпозиумов, инициатор и организатор некоторых из них, не только воссоздает в своей работе панораму полемики последних лет и вдумчиво анализирует ее, но и намечает пути и перспективы дальнейших поисков. Собранный в книге материал дискуссий о судьбах искусства в век научно-технической революции, проходившей на Западе, подводит к выводу, что антагонизм, разделявший там участников спора, был несравненно острее, чем в Советском Союзе. При всем многообразии точек зрения нашим писателям и ученым чужды мнения о «кризисе разума» в XX веке или мрачные пророчества о гибели цивилизации в связи с наступлением «машинной эры». «Все это, однако, не значит, — справедливо говорит Б. С. Мейлах, — что острота проблемы отношений искусства и науки и, шире, литературно-гуманитарной и научно-технической культур у нас снижается и что в этих отношениях нет сложностей и противоречий...» Но дискуссии, которые имели место у нас, оказались более плодотворными, чем те, которые вели зарубежные писатели и ученые, что нашло широкое, в том числе и международное признание.

Б. С. Мейлах ни в малой степени не закрывает глаза на то, что и у нас, особенно на первых этапах спора — посленашумевшего выступления И. А. Полетаева и во время оживленного обсуждения стихотворения Бориса Слуцкого «Физики и лирики», было высказано немало вульгаризаторских суждений, свидетельствовавших, что иные участники дискуссии попросту не имели знаний, необходимых для участия в ней. Это вызывало раздраженные отповеди и без нужды накаляло обстановку. Но уже этот, начальный и менее плодотворный этап дискуссии выявил большой важности факт: самые широкие слои населения нашей страны, люди разных

возрастов и профессий откликнулись на обсуждаемые вопросы как на свое собственное и притом наболевшее дело. Однако, когда страсти поулеглись, стало очевидно, что вопрос, который вызывает наибольший интерес и имеет особенно важное значение, — это вопрос о связях и различиях научного и художественного познания действительности. И Б. С. Мейлах поступает вполне правильно, именно на нем сосредоточивая свое внимание и посвящая большую часть своей книги раздумьям над тем, на каких путях и какими средствами этот вопрос может быть решен.

Немало исследователей пытались осознать, что кроется за известным утверждением Эйнштейна, что Достоевский давал ему больше, чем любой научный мыслитель, больше, чем Гаусс. Что это, парадокс? Уникальная и не постижимая особенность духовного мира Эйнштейна? Б. С. Мейлах показывает, что в этом поразительном, на первый взгляд загадочном самолотковании ученого проявилась одна из важных закономерностей культурной эволюции — «объективная роль творчества великих писателей в общем историческом процессе совершенствования познавательных способностей человека и самого подхода к познанию окружающей действительности».

До сих пор эта закономерность и у нас, и за рубежом изучалась слабо. Б. С. Мейлах с основанием напоминает, что, например, в громадной пушкинской литературе «среди многих ценных работ нет, однако, ни одной, которая рассматривала бы влияние его деятельности на формирование нового этапа аналитического мышления, — влияние, которое выходит далеко за пределы собственно литературной эволюции». Между тем «художественное новаторство Пушкина оказало влияние не только на всю последующую литературу, оно способствовало общему прогрессу познавательных способностей современного и последующих поколений...». То же можно сказать о Данте, о Шекспире, о Гете, о Достоевском.

Каждый из этих художников, каждый выдающийся деятель искусства по-разному влиял на прогресс мышления и характер научных исканий. Изучая это влияние, необходимо иметь в виду не только индивидуальные особенности их духовного и творческого мира, но и особенности их эпохи, их художественного мировоззрения. В том-то и состоит существенный недостаток имеющихся работ о взаимосвязи и различиях науки и искусства, что общие и отличные признаки обеих сфер обычно рассматриваются без учета особенностей разных типов мышления, разных этапов научной и художественной эволюции. «Нельзя ограничиваться сопо-

ставлением науки «вообще» с искусством «вообще», не замечая различий в гносеологических основах тех или иных научных и художественных направлений, — справедливо подчеркивает Б. С. Мейлах. — Отношения науки и искусства могут быть разными в зависимости от разных исторических периодов, от того, с каким типом художественного мышления сопоставляется научное познание.

При всех разногласиях, выявившихся в ходе недавних дискуссий, ни один их участник не брал под сомнение важность обсуждаемых вопросов. Но одно дело — признать их решение желательным или даже необходимым, другое — создать реальные предпосылки такого решения. В ряду условий, без которых оно осталось бы лишь благим пожеланием, Б. С. Мейлах называет более решительный пересмотр бытующего отношения к наукам, изучающим литературу и искусство.

В нашей стране не имеет корней идеология техницизма, столь популярная в буржуазном мире. Однако недооценка гуманитарных наук и гуманитарного образования дает себя знать и у нас, и закрывать глаза на это не следует. И вот что особенно интересно. Как показал опыт спора «физиков» и «лириков», ни один сколько-нибудь серьезный «физик» не делал попыток посягнуть на права «лириков», умалить познавательную и эстетическую ценность искусства или значение изучающих его наук. Напротив, не кто иной, как А. Н. Колмогоров напоминал сторонникам кибернетики о необходимости использовать опыт, накопленный другими науками за века их существования. Член-корреспондент Академии наук СССР математик И. М. Гельфанд призывал учиться «пониманию художественного мышления у тех представителей науки о литературе, у которых есть чему учиться». Участники второго симпозиума «Творчество и современный научный прогресс» — в том числе математики, физики, биологи — предлагали принять неотложные меры, чтобы сильнее заинтересовать одаренную молодежь гуманитарными специальностями.

Проблема положения гуманитарных наук в нашем обществе интересует и беспокоит многих. Читатель книги Б. С. Мейлаха найдет в ней разностороннее, беспристрастное и убедительное рассмотрение этой проблемы. И он, вероятно, согласится с выводом, к которому приходит автор: «Престиж профессорий, связанных с точными науками, высок потому, что эти науки имеют особое значение для государства, для судеб человечества, для проблемы мира. Но, с другой стороны, возможность применения раскрепощенной наукой энергии в целях военных или мирных зависит не

только от достижений физики, но и от того, какие идеи победят в сознании человечества, — идеи гуманизма, мира, демократии или идеи человеконенавистничества. Отсюда должно быть очевидно и особое значение сегодня гуманитарной культуры, литературы и искусства, формирующих сознание и психику современного человека».

Проблематика книги Б. С. Мейлаха сложна и многообразна. Одни вопросы, уже бывшие предметом обсуждения, здесь уточнены, другие, прежде не привлекавшие заметного внимания, сформулированы более определенно и целенаправленно (например, задача поиска познавательного-эстетических критериев, в какой-то степени эквивалентных для научного и художественного творчества). Разумеется, сколько-нибудь полное их решение требует специальной и порой скрупулезной разработки. Но книга дает и вдумчивую их постановку, и наметки путей их возможного решения, и предварительную оценку результатов, которые могут быть при этом достигнуты.

Взаимосвязи искусства и науки вызывают, как известно, возрастающий интерес не только у ученых, писателей и художников, но и у широкого круга читателей, не обладающих специальной подготовкой. Поэтому очень важно, что рассматриваемая книга написана просто, ясно и увлекательно. И активный участник прошедших дискуссий и симпозиумов, и тот, кто мельком знает о них по информации в печати, и тот, кто лишь сейчас впервые знакомится с их проблематикой, — все они прочтут ее с неослабевающим интересом и чувством благодарности к ее автору.

Это не значит, конечно, что в ней нет слабых мест, более или менее существенных пробелов. Так, детально исследуя влияние образного мышления на движение научной мысли, на логику научного познания, Б. С. Мейлах уделяет, однако, меньшее внимание другой стороне проблемы — воздействию научно-го прогресса на ход художественной эволюции, на образное видение действительности. Хотелось бы, чтобы более полным и разносторонним был анализ научной темы в современной советской литературе, особенно в драматургии и в кино.

Несколько суженно ставятся Б. С. Мейлахом вопросы о соотношении понятийности и образного представления в мышлении ученого, о привлечении к научному анализу средств художественного творчества. Ведь примеры такого привлечения дают не только упоминаемые Б. С. Мейлахом «портретные образные

характеристики» в работах В. О. Ключевского или Е. В. Тарле. Здесь уместно было бы вспомнить богатейшую, образную систему таких произведений, как «Манифест Коммунистической партии» и «Капитал», художественные средства, использованные в «Восемнадцатом бронемера Луи Бонапарта» и «Положении рабочего класса в Англии». Если научный стиль есть языковая реализация соответствующего типа мышления, то само научное мышление должно, по-видимому, обладать чертами, способными приводить к появлению образов в языке научного произведения. Что это за черты? Что привносит образ в научную систему, созданию которой он служит? Думается, что анализ под этим углом зрения трудов классиков марксизма¹ и других работ, где налицо сочетание элементов научного и художественного мышления, мог бы содействовать решению вопроса, сформулированного самим Б. С. Мейлахом, — «как образное мышление участвует в движении научной мысли, в самой логике научного познания».

И все же думается, что книга «На рубеже науки и искусства» сыграет свою — и немаловажную — роль в культурной жизни нашего времени. Нельзя совершить большую ошибку, чем увидеть в ней лишь некую летопись минувших дел, панораму былых полемических сражений. Нет, книга эта устремлена в завтрашний день, ее раздумья не столько о прошлых, сколько о будущих исследованиях и спорах. Ее автор напоминает поучительные моменты прошедших дискуссий, в первую очередь для того, чтобы не повторялись допущенные ошибки, чтоб яснее были цели предстоящей работы и пути продвижения вперед. Не академическая «историография вопроса», а разведка неисследованных областей — подлинная цель работы Б. С. Мейлаха. И эта цель достигнута.

¹ Попытку такого анализа хотелось предпринять автору этих строк в статьях: «Образ в языке «Манифеста Коммунистической партии»» («Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1968, № 3, стр. 207—218) и «О стиле книги Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»» (там же, 1970, № 5, стр. 281—294). Но это, разумеется, лишь первые шаги, еще не позволяющие делать широкие выводы о гносеологической природе использования образных средств в целях научного исследования.

Леонид ФРИЗМАН.

ЕЩЕ ОДНО МАЛОИЗВЕСТНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО СОВРЕМЕННОКА О М. Ю. ЛЕРМОНТОВЕ

Современники М. Ю. Лермонтова оставили несколько интересных и весьма ценных для истории литературы воспоминаний о великом поэте. Одно из них, характеризующее его личность, рассказывающее о его военной службе, опубликовано в 1853 году в тифлисской газете «Кавказ» (№ 47). Поскольку оно имеет определенное значение для изучения жизни и деятельности М. Ю. Лермонтова, приведем его полностью.

РАССКАЗ ШТАБС-КАПИТАНА Н О ЛЕРМОНТОВЕ

...Я был казначеем полка. Как нам известно, казначеи пользуются почетом среди товарищей; нашего брата считают какими-то крезамми... Я скоро познакомился со многими лучшими домами: в одном из них встречаю офицера, который как-то поразил меня; я стал рассматривать его с невольным вниманием, и, чем пристальнее всматривался в него — в его спокойное лицо, полное ума, выражения, тем интереснее становился он для меня. Рост его средний; он был плотен, но не толст; когда говорил — глаза горели, бегая по сторонам; трудно было выдержать огонь его взгляда: это Лермонтов, отвечали мне на вопрос о нем. Меня познакомили с ним, но, к сожалению, мое знакомство продолжалось недолго: командировка была тому причиной.

Но я коротко узнал его; меня поразили в нем его холодно-резкий приговор, отрицательный взгляд на предметы, который он высказывал неохотно, поразили всегда неприятно, потому что это изобличало самоуверенность; что, мог ли я предвидеть в нем гениального поэта-мыслителя?

Лермонтов был аристократ, в строгом смысле слова; но в последнее время держал себя несколько странно, как человек, ясно пренебрегающий собой; на его языке ворочалась сатира или сарказм; он любил иногда посмеяться едкою речью; сколько припомню, глаза его никогда не смеялись, когда он смеялся, как у Печорина, героя его романа.

Вообще, напрасно Лермонтов говорит, что Печорин не его портрет: в нем

много сходства с ним даже внешнего: тот же согбенный стан, та же безжизненность в глазах, изредка светящихся фосфорическим блеском... Сомневаюсь, чтобы он мог влюбиться серьезно.

Это воспоминание о М. Ю. Лермонтове, как явствует из самого текста, принадлежит военному лицу, штабс-капитану по званию и казначею по должности.

К сожалению, в воспоминании не указано ни наименование воинской части, в которой он служил, ни место ее расположения, ни фамилия его автора.

Личность М. Ю. Лермонтова представлена здесь в таком свете, который весьма соответствует настроению поэта в период его ссылки на Кавказ. Изгнанный из России, он был крайне недоволен современной ему действительностью и общественными условиями, что и видно из приведенного выше воспоминания.

По нашему мнению, оно должно быть связано с тем периодом жизни поэта, когда его сослали на Кавказ. Но, как известно, Лермонтов был здесь дважды. Первый раз в 1837 году, когда двадцатидвухлетний корнет лейб-гвардии гусарского полка; он смело возвысил голос против убийц Пушкина в стихотворении «На смерть поэта».

Нижегородский драгунский полк, в котором в чине прапорщика служил изгнанный на Кавказ М. Ю. Лермонтов, располагался тогда в Кахетии (Восточная Грузия). Как пишет известный исследователь жизни и творчества поэта И. Андроников, в этом полку он находился около двух месяцев. Часто бывал в Тбилиси.

Воспитавшая поэта бабушка — Е. Арсеньева с большим трудом выхлопотала разрешение на его возвращение в Россию.

В 1840 году из-за дуэли с сыном французского посла Баранта М. Ю. Лермонтова снова выслают на Кавказ. На этот раз его направили в действующую армию, которая вела военные операции против горцев. Лермонтов принимал в них непосредственное участие, подвергаясь смертельной опасности.

Опубликованное на страницах «Кавказа» воспоминание, по нашему мнению, должно относиться к периоду первой ссылки М. Ю. Лермонтова на Кавказ, когда его часть дислоцировалась в Кахетии. К такому выводу нас приводит обстоятельство, что в указанном воспоминании говорится о Лермонтове, как о человеке, в котором трудно было угадать «гениального поэта». Очевидно, если бы это воспоминание было связано со вторым пребыванием Лермонтова на Кавказе, его автор не смог бы этого сказать, поскольку в 1840 году М. Ю. Лермонтов уже слыл прославленным поэтом.

До его приезда в 1818 году в Нижегородском драгунском полку в чине полковника служил классик грузинской литературы поэт Александр Чавчавадзе (тесть Грибоедова). Известно также, что в этом полку, в бытность Лермонтова на Кавказе, служили и другие грузины. Офицеры Нижегородского полка бывали частыми гостями в находившемся поблизости циндальском имении А. Чавчавадзе. Теперь установлено, что Лермонтов и А. Чавчавадзе лично

знали друг друга и что Лермонтов бывал в семье последнего.

Автор воспоминания указывает, что он вскоре после прибытия в войсковую часть познакомился со многими «лучшими домами» и в одном из них познакомился с Лермонтовым. Очень вероятно, что это были грузинские семьи, а среди них и известные к тому времени салоны А. Чавчавадзе, Майко Орбелиани и Р. Багратони, в которых, как известно, часто собирались представители передовой русской интеллигенции. Сам М. Ю. Лермонтов в письме к Раевскому писал: «Хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе есть люди очень порядочные». Вполне может быть, что к числу этих «хороших ребят» М. Ю. Лермонтов относит и членов тех семей, которые он считал лучшими.

Следует отметить, что воспоминание это опубликовано в газете «Кавказ», которая издавалась в Тифлисе. Поэтому весьма возможно, что ее автор один из офицеров-грузин. Знаменательно, что некоторые места в нем напоминают воспоминания известного грузинского общественного деятеля — генерала К. Мамацашвили.

Сдано в производство 9 февраля 1973 г. Подписано к печати 26 марта 1973 г.
6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆.

Цена 40 коп.

8 44/63



И Н Д Е К С
76117

Дорогие читатели!

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

НА ЖУРНАЛ

**„Литературная
Грузия“!**

СТАТЬ НАШИМ ПОДПИСЧИКОМ ВЫ
МОЖЕТЕ С ЛЮБОГО МЕСЯЦА, ОБРА-
ТИВШИСЬ В БЛИЖАЙШЕЕ ОТДЕЛЕНИЕ
«СОЮЗПЕЧАТИ».

ПОМНИТЕ, ЧТО В РОЗНИЧНУЮ ПРО-
ДАЖУ «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ» ПО-
СТУПАЕТ В ОГРАНИЧЕННОМ КОЛИЧЕ-
СТВЕ!

საქ. კბ ცკ-ის გამომცემლობა
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ